

Вадим Шарапов

Приговоренные
к приключениям

Время и пространство? Что это такое? Да ровным счетом ничего, если у вас под рукой есть паб "Дубовый лист", который сам выбирает — куда отправиться и где распахнуть свои двери. Беглому повару Варфоломею, за душой у которого только два ножа-сантоку в рюкзаке, повезло (или не очень) шагнуть на порог этого странного заведения. Осталось только понять — что же с пабом не так. И правильно приготовить фугу...

Глава 1. Побочный эффект

Фараон

Когда этот мужик, почти превратившийся в ледышку, ввалился в наш кабак, я понял, что самое интересное только начинается. Забросил полотенце на плечо, убрал хайбол, который до этого полировал (так уж положено, если ты бармен), вниз от греха подальше и с интересом принялся разглядывать нового посетителя.

Надо сказать, было на что посмотреть.

С одной стороны, лицо у мужчины было самое обычное, ничем не примечательное. Синеватое от холода, но и только. Ни тебе свернутого набок носа, как у нашего повара. Бывшего повара. Ни, к примеру, какого-нибудь зловещего шрама от уха до подбородка, как у Джема, еще одного нашего бывшего завсегдатая. Джем, кстати, заработал этот шрам вовсе не в геройском бою. Как-то раз, перебрав, он рассказал мне (в промежутках между тем, как я поднимал его с пола под барной стойкой), что наградила его этим украшением стеклянная дверь на даче у приятеля. Пошел ночью к холодильнику за пивом, не заметил дверь — с кем не бывает?

Так вот. У мужика, который рыбкой нырнул в нашу дверь, ничего такого на лице не было. Возраст где-то за тридцать. Два глаза. Два уха. Прямой нос без следов чужого физического вмешательства. Рот, в котором, насколько я успел разглядеть, все зубы были на месте. Волос на голове полный ноль, но нынче это даже модно — сиять выбритой макушкой. Все вместе складывалось в довольно симпатичную физиономию честного малого.

Зато с одеждой дела обстояли куда интереснее. Забыл упомянуть, что на этот раз за стенами нашего кабака стояла зима со всеми ей полагающимися штучками — ну там, метель, сугробы выше крыши и холод такой, что уши в трубочку сворачиваются сразу, как только сунешься покурить. Вот я и не совалялся — курил в форточку, то и дело бегая в подсобку.

На мужчине (изрядного роста, кстати, почти двухметровый дядя) была холщовая куртка, такие носят повара во всяких азиатских жральных. Серенькая, с каким-то лейблом и с закатанными рукавами, из-под которых виднелись густо покрытые цветной татуировкой мускулистые руки человека, привычного к физической работе. Такие же штаны, на которых теперь таял снег, оставляя темные пятна. И черные тапочки-вьетнамки на ногах. Да уж, эту обувь точно не показывают в числе модных коллекций. Зато показывают в фильмах с Брюсом Ли.

И все. Ах да, на плече висел черный городской рюкзак. Тоже потертый.

— Добрый вечер, — стуча зубами, пробормотал вновь прибывший, торопливо захлопнув за собой тяжелую дверь (на этот раз дверь приобрела вид металлической, со смотровым окошком, снабженным внушительной на вид откидной дверцей. Изнутри дверь была обита медными листами).

— Погодка-то нынче как разыгралась, — вежливо отозвался я, поудобнее опираясь локтями на барную стойку перед собой.

— Что? А... да, разыгралась... — мужик помотал головой, точно лошадь, которую прямо из бурана завели в теплое стойло. До меня даже долетела пара холодных капель.

— Выпьете? — поинтересовался я, изучая, как на лице у моего гостя сменяется целая гамма чувств. Это он, стало быть, огляделся и теперь увидел наш бар во всей его красе.

Мягко говоря.

— Э...

Красноречием наш посетитель, похоже, не отличался. Ну что ж. Надо брать дело в свои руки. Я вздохнул и снова извлек на свет божий тот самый хайбол, который несколько минут назад спрятал под стойку.

— Ничего не говорите, я сам угадаю. Впрочем, это тоже бессмысленно... Доверимся судьбе.

Мужик с непонятным видом уставился на меня. Не глядя в его сторону я, с мрачным упорством обреченного, достал из холодильника бутылку «Столичной». Поставил на стойку. Потом добавил к ней маленькую бутылочку «табаско», флакон с лимонным соком, ворчестерский соус и перечницу. Томатный сок нашелся в сейфе около дробовика. Ненавижу такие перемены. Так. Теперь смешать. Смешать, смешать... о, черт.

Жидкость в стакане вспенилась, зашипела и приобрела ярко-синий цвет, окутавшись клубами бирюзового пара. На «Кровавую Мэри» это не походило ни малейшим образом, даже если зажмуриться и изо всех сил попробовать вообразить эту самую Мэри в неглиже. К тому же, стакан ощутимо нагрелся. Так что я бросил гадать и просто отправил стеклянную емкость скользить по стойке — к самому носу нашего гостя.

— Ч-что это? — запнулся тот, невольно отшатнувшись.

— Пейте, — успокоил я его. — Точно не отравя, я гарантирую. Возможно даже, это лучшее, что вам доведется выпить в своей жизни. Или нет. Но мне вообще почему-то кажется, что сейчас вам особо не из чего выбирать, верно?

— Верно, — мужчина помрачнел еще больше, потом решительно схватил хайбол и выхлебал дымящийся коктейль двумя большими глотками. Почти выхлебал. Не всем так везет.

— Ух! — крикнул он, выронил из ослабевших пальцев стакан, со звоном покотившийся по стойке, и замолчал. Молчание затянулось так надолго, что я уже начал беспокоиться и прикидывать, где в последний раз видел аптечку... ну, или то, что на аптечку было хоть как-то похоже. Но тут клиент отошел и зашевелился.

— Вот черт... Это... Это лучшее, что мне довелось выпить в своей жизни! — восторженно заявил он. Божечки-кошечки, предсказуемо-то как. Ну и дальше будет так же предсказуемо, я не сомневаюсь.

Конечно. Мужика скрючило, как складной нож. Над стойкой осталась торчать только лысая макушка с несколькими непросохшими каплями воды на ней. Между каплями проскакивали маленькие молнии.

— Что происходит? — глухо простонали снизу.

— Побочный эффект, — любезно пояснил я. — Скажите, вы чувствуете в себе какие-нибудь перемены?

— Дыа... — пробулькало под стойкой.

— А кроме недомогания?

— Ну... — гостя наконец-то раскрючило обратно, и он, цепляясь сведенными судорогой пальцами, как ленивец когтями за ветку дерева, вскарабкался обратно за стойку, снова оказавшись вровень со мной. На лице медленно проступало удивление. — Я вспомнил все рецепты, которые знал или по которым когда-нибудь готовил. Представляете? Вообще все!

— И много таких? — без особого интереса спросил я. Гость задумался.

— Да тысячи четыре, — протянул он задумчиво. Потом быстро поправился. — Четыре тысячи сто тридцать два, если точнее.

Настала моя очередь поднять бровь и пристально посмотреть на необычного гостя. Истолковав мой удивленный взгляд как-то по-своему, мужик насупился, снял с плеча лямку и поставил рюкзак рядом с собой на стойку.

— Что вы так смотрите? Да, я умею готовить! Более того, я лучший повар ресторана «Кадзуми»!

Тут он запнулся и упавшим голосом добавил:

— То есть, был лучшим.

Расстегнув клапан рюкзака, лысый залез внутрь, пошарил там и извлек здоровенный нож, в котором я без труда опознал сантоку, только необычно большого размера. За ним появился второй. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять — это вам не штамповка какая-нибудь. Это, братцы, качество, подобное легенде. Настоящий японский нож. Тот, кто его ковал, достоин был войти в историю не меньше, чем кузнецы древности, сотворившие знаменитые на весь мир катаны. Знал я одного такого на прошлой неделе... Мурамаса, кажется, или Масамунэ. Он попросил много подогретого сакэ, и что удивительно, получил именно то, чего хотел. Настоящий «Саваноцуру-дайгиндзе», без всякого обмана. Жаль, познакомиться поближе толком не удалось, потому что... Потому что потому, короче говоря. Потому что наш несчастный кабак в очередной раз поменял местоположение.

— Повар, значит? — спросил я и устроился поудобнее. — И что же лучший повар «Кадзуми» (кстати, что это, черт побери, а?) делает в нашем заведении?

Парень замялся было, но я посмотрел на часы.

— Вы не стесняйтесь. По моим подсчетам, у нас еще есть немного времени.

— Немного времени до чего? — спросил он.

— До того, как наступит другое время, — пояснил я. Гость пожал плечами, почесал макушку и протянул мне крепкую ладонь.

— Варфоломей. Можно на «ты». Можно короче — Вар.

— Однако... — ошеломленно отозвался я. — Редкое имя. Я Фараон. Будем знакомы. Кстати, там снаружи на вывеске что сейчас написано, не подскажешь?

Варфоломей

Надежды не было совсем, и с каждой секундой даже ее призрачная тень неумолимо таяла. К тому же, мороз начал пробираться до костей, и промокшая от пота куртка на спине уже встала ледяным коробом. Стуча зубами, Варфоломей притаился за каким-то мусорным баком, а потом, дождавшись, когда фары внедорожника скользнули по ржавому металлическому боку и канули в темноту, рванулся вперед и перебежал дорогу, целясь в узкий кривой переулок, заметенный снегом.

Куда он бежал и зачем, Варфоломей особо не задумывался. Главное было — оказаться подальше от «Кодзики», где творился форменный переполох. Еще бы: шеф-повар надел на голову почетному гостю заведения полную тарелку мисо! Скандал невообразимый! А учитывая то, что мисо был отменно горячим, мало гостю не показалось.

Беда в том, что гостем этим был известный на весь город бандит Костыль, он же в миру — Сергей Петрович Девятков, уважаемый глава крупнейшего банка, благотворитель, меценат, страстный коллекционер и прочая, и прочая. Но перед горячим супом все равны. Ошпаренный Костыль завыл, как пароходная сирена, его охранники ринулись на повара, выхватывая многочисленные стволы, но Варфоломей был таков.

— А в-вот не надо б-было матом на м-меня ругать-ся. Приправ-ва ему н-не понравилась, поним-м-маешь, — процокал очередную зубовную чечетку шеф-повар. — Интересно, а когда это я рюкзак успел прихватить? Не помн-ню...

В рюкзаке обнаружили два ножа-сантоку и полотенце, аккуратно свернутое и запечатанное в полиэтиленовый пакет.

— Джентльменский набор, — горько усмехнулся беглый кулинар. — Хоть сейчас на большую дорогу.

Оба сантоку имели свою историю и личные имена. Не совсем обычное дело для поварских ножей, но Варфоломей, которому эти инструменты профессии достались во время стажировки в Японии, дорожил ими как зеницей ока. Еще бы! Ножи он получил от старого владельца антикварной лавочки, внучку которого спас из пруда, вовремя успев прыгнуть в холодную весеннюю воду. Тут самое время рассказать длинную романтическую историю о том, как спасенная девица воспылала страстной любовью к своему герою, да только с историей получилось не очень — девице от роду оказалось ровно девять лет. Так что пришлось удовольствоваться горячей благодарностью дедушки. А потом, узнав о том, что делает на благословенной земле Ямато долговязый, как посох бо, лысый, да еще и татуированный гайдзин — старый Оката-сан, кряхтя, залез в неприметный сундучок и вынул оттуда что-то, завернутое в кусок промасленной ткани.

— Варфоромэ-сама, — кланяясь, проскрипел старик, — позвольте преподнести вам эти ножи, чтобы высказать глубочайшую благодарность за спасение негодницы Томико...

Варфоломей, глаза которого чуть не выпали при взгляде на то, что показалось из свертка на белый свет, захрипел сдавленным голосом и начал отказываться, чуть не плача, мысленно изо всех сил шлепая себя по рукам, так и норовившим вцепиться в ножи. Но Оката-сан был непреклонен.

— И думать не смейте о том, чтобы отказаться, Варфоромэ-сама, — укоризненно сказал он. — Не позорьте мои седины отказом! Знаете ли вы, что эти ножи ковал сам Муромаса? Говорят, он сделал это ради забавы, чтобы отдохнуть от создания своих смертоносных клинков. Но, как подобает истинному мастеру, даже забава обернулась чудом.

Вот тут повар был полностью согласен. Мягкий, матовый блеск лезвий, не потускневших от времени, ничем иным, кроме чуда, не мог оказаться. Самое настоящее чудо!

— Вот этот сантоку, — старый антиквар бережно дотронулся до костяной рукоятки ножа, украшенного иероглифом, залитым алой краской, — зовется Сигурэ. А этот, — на сей раз сухая старческая ладонь коснулась рукоятки ножа с черным иероглифом, вырубленным в стали, — носит имя Зангецу. Владейте ими с гордостью, Варфоромэ-сама!

«Ну все, — пронеслось в голове Варфоломея, обалдело сжимающего в руках сверток, — на кухне я непобедим!»

Так и случилось. Два сантоку словно бы пели над разделочной доской неслышную песню, превращая все, к чему прикасались, в изящнейшую, почти кружевную нарезку. Варфоломей заказал для Сигурэ и Зангецу кожаные ножны, которые во время работы носил на поясе. Коллеги немного поудивлялись такой прихоти, но быстро привыкли. Все были довольны.

Ну, почти. Кроме Костыля, с которым вышла нестыковка. Да ладно, прямо скажем — полный облом вышел с Костылем, но в этом-то ножи были не виноваты. Просто погорячился, вспылал. Вот еще, терпеть хамство от какого-то... Варфоломей вспомнил, как

вдогонку ему звучали выстрелы и невольно поморщился. Ощущение было новое, но совсем неприятное, и повторять этот свежий экспириенс почему-то не хотелось.

— Лад-дно, — прошипел он. — Двигаться над-до, а то дуба врез-зять н-недолго.

Двигаться, конечно, было надо, и двигаться очень быстро, но... куда? Все дело в том, что родных у Варфоломея не было, а жил он прямо на втором этаже «Кодзики», в небольшой квартирке, которую своему шеф-повару предоставил владелец ресторана. Теперь, похоже, дорога туда была заказана прочно и надолго.

Он шел по узкому и темному переулку, чувствуя, как одеревенели ноги и онемело от холода лицо. Кругом были только бетонные заборы — «Кодзики» располагался в довольно специфическом месте, где еще недавно была обычная столичная промзона. Интересно, что при этом отбоя от посетителей не было. Правда, соваться сюда без машины нечего было и думать, но на метро здешние завсегдатаи не ездили.

Вывеска, сверкнувшая неонам, царапнула по затуманенному холодом сознанию. Еще шаг... второй... Что? «Моби Дик и все-все-все»? Стоп. Это что, бар? Здесь? Что за дурацкое название?

Варфоломей помотал головой, поморгал, но таинственный кабак исчезать и не подумал. Втиснувшись между двух бетонных заборов, он подмаргивал неонам и манил тяжелой дверной ручкой, похожей на медную.

— А, да к черту! — выдохнул бывший повар, махнул рукой и дернул ручку на себя. Дверь открылась легко и удивительно бесшумно. А потом закрылась за спиной беглеца, разом отрезав его от холода и пурги, и погружая в тепло, пахнущее хорошим трубочным табаком с нотками старого карибского рома.

— Добрый вечер, — выдавил сквозь сведенные губы Варфоломей. Впрочем, губы светло, похоже, совсем не от холода.

Во-первых, напротив двери под высоченным потолком висел скелет огромного кашалота, к которому какой-то веревкой был прикручен еще один скелет — человека с деревянной ногой. В зубастой пасти кашалот держал ржавый гарпун.

Во-вторых, помещение бара представляло собой дикую мешанину стилей, эпох и странных вещей. В середине зала гордо возвышался обломок стены из закопченного красного кирпича, с каким-то чудом сохранившейся на ней табличкой: «Садовая, 7». Рядом, небрежно привалившись к стене, стоял деревянный резной буфет викторианской эпохи, на дверце которого кто-то чем-то острым накорябал короткое матерное слово.

Часть столиков в зале была стоячими, точно в классических советских пивных — даже с крючками, приваренными снизу, чтобы вешать на них авоськи и сумки. Зато пара длинных столов была сделана из какого-то темного от времени дерева, отполированного локтями бесчисленных поколений выпивавших. Выглядели эти столы совершенно неподъемными, будто они вросли грубыми ножками глубоко в пол.

Все это диким калейдоскопом пронеслось перед глазами Варфоломея. Но тут его взгляд упал на бармена, и бывший шеф-повар почувствовал, что ум потихоньку заходит за разум.

Наполовину скрытый барной стойкой из полированного алюминия, с приваренным спереди жестяным дорожным знаком «Route 66», на неожиданного гостя с интересом глядел крепкий, пожилой, но совсем еще не старый мужик. Худое лицо, изрезанное глубокими морщинами, было украшено роскошным орлиным носом и растрепанной седой бородкой аля «испанский конкистадор после недели похода с Кортесом сквозь джунгли». На голове у мужика красовалась кожаная, ветхая, как Ветхий Завет треуголка с пучком перьев.

«Совиные», — почему-то пришло в голову Варфоломею, который в птичьих перьях разбирался примерно так же, как в сортах съедобных лишайников.

Глядел хозяин заведения оценивающе, вытирая руки о полотенце, висевшее на плече.

— Погодка-то нынче как разыгралась, — гулким дребезжащим басом сказал он.

— Что? А... да... разыгралась... — в голове у беглеца тем временем разыгралась самая настоящая свистопляска, в которой самым разумным сочетанием была одна и та же повторяющаяся мысль: «Куда я попал-то?!?»

— Выпьете? — донеслось от стойки. Стук хайбола прозвучал, как удар молотка судьи, объявлявшего смертный приговор. Делать было нечего.

Фараон

С вывеской нам нынче, конечно, повезло не очень. С другой стороны, теперь мне хотя бы не нужно было гадать, откуда взялся скелет кашалота. Моби Дик, значит, да еще в компании с капитаном Ахавом, судя по деревяшке вместо ноги. Ну-ну. Помню, как-то раз наш кабак стал называться «Девять принцев в янтаре». Название — черт бы с ним, хуже было то, что все эти девять неведомых мне принцев (и принцесс, кстати) действительно оказались замурованы в глыбы янтара и расставлены по всему залу. Дело было где-то в Англии эпохи Кромвеля, и нас чуть не сожгли за колдовство. И за невыразимо мерзкий эль, в который превратилась вся выпивка без исключения.

— Повар, значит, — сказал я Варфоломею, который уже пришел в себя, порозовел и теперь оглядывался по сторонам, пытаюсь разглядеть детали, которые ускользнули от его взгляда из-за плохого освещения. Ничего не поделаешь, половина ламп в зале не горела, а вторая мерцала, как в фильме ужасов. — Нечасто к нам повара попадают.

— Как и посетители, я думаю, — вздохнул лысый и погладил свои ножи, улыбаясь чуть рассеянной улыбкой кулинарного маньяка. — Бежать мне надо. Подальше и побыстрее.

— Не надо, — я покачал головой и поглядел на электронные часы над дверью, которые показывали четырнадцать минут первого. Потом я посмотрел на свои «Сейко» — как и ожидалось, там мигали цифры «23:44». И, наконец, я полез в карман кожаных штанов и вытащил золотой «мозер» на цепочке. Щелкнул крышкой и глянул на стрелки. Без минуты полночь.

— Ты бы придержал стакан, — улыбнулся я Варфоломею. Тот удивленно поднял брови.

— Зачем? Что...

И тут оно случилось.

Свет окончательно погас, кабак затрясся, как при семибалльном землетрясении, а хайбол с недопитым «Синим Дымом» (я уже решил, что буду называть этот коктейль именно так — если, конечно, мне удастся еще когда-нибудь его смешать) взмыл в воздух и вылился гостю на рубашку. Что и требовалось доказать, а ведь я предупреждал. Стойка под моими руками превратилась в полированный камень. С треском разгорелись свечи.

Варфоломей смотрел на меня, открыв рот, его глаза были похожи на плоски, будто у собаки из сказки про солдата и огниво.

— Что... тут... — начал он. Его голос сорвался на писк. Мужик оказался молодцом — шумно выдохнул, потом закрыл глаза, потер бритую голову, посидел так с минуту и попробовал снова.

— А с коктейлем что случилось? Я так понял, сначала вы... ты... «Кровавую Мэри» хотел смешать?

Вопрос мне понравился. Правильный был вопрос. Терпеть не могу паникеров, от них

одно расстройство и битая посуда.

— Хотел, — с достоинством ответил я. — И смешаю, дай срок. Но пока что мне с ним не тягаться, мать его за ногу и об угол.

— С кем? — поинтересовался наш (теперь уже точно наш) повар. — Он — это вообще кто?

— Мануанус Инферналис, — мрачно сказал я. Дождался, пока на лице Варфоломея проявится очевидный вопрос, и уточнил:

— Адский Рукожоп.

Глава 2. Странствия Бриана

Фараон

Изменения нашего кабака — это каждый раз не то, к чему жизнь готовит обычного человека. Вот сейчас бар стал похож на какую-то средневековую харчевню. Стены из грубого камня, огромный открытый очаг с пылающим там огнем, над которым в здоровенном закопченном котелке что-то булькало, распространяя запах мясной похлебки. Два деревянных стола посередине зала, кстати, совершенно не изменились — к чему бы это? На стенах и под потолком висели масляные лампы. Не чадят — и на том спасибо. Похоже, на заправке не сэкономили. Что интересно, на каменной стойке лежала сальная свеча, кем-то надкушенная, со следами зубов, острых и не очень похожих на человеческие. Сюрприз.

— Мы где? — спросил Варфоломей. Нет, этот тип мне определенно нравится. Выглядит спокойным, даже почти не побледнел.

— В аспекте прикладной физики? — все-таки не удержался я от сарказма. Ничего не могу с собой поделывать, натура такая.

— В смысле географии, — парировал он.

— В некоей точке пространства. Предполагаю, что где-то в Европе. А вот со временем сложнее. Хотя, конечно, и на этот счет у меня есть определенные соображения.

Беглый повар не спеша собрал ножи, сунул их в ножны и снова убрал в рюкзак. Цветные татуировки на его предплечьях словно бы жили своей жизнью. Я мог бы поклясться, что розовый карп махнул хвостом и спрятался за цветок лотоса. Может быть, просто игра колеблющегося света от ламп, а может...

— Что ж, — сказал я. — Вот, собственно, и все. Не благодари, Вар. Хочешь, как говорится, на посошок?

— В смысле? — вот сейчас Варфоломея, похоже, проняло до печенок. Даже лысина побелела. — То есть как, на посошок? Куда же мне идти?

— До чего же ты, дружок, противоречивая натура. Если я не ошибаюсь, еще двадцать минут назад ты был готов на все, чтобы убраться из города, как ты сам говорил, «подальше и побыстрее». Верно?

Экс-повар хотел было возмутиться, но подумал и устало махнул рукой.

— Верно, чего уж тут, — сказал он с горечью. — Готов. На все. Похоже, у меня получилось?

— Еще как. Лет, примерно, на четыреста получилось, если не больше. Жаль только, фугу здесь никому подать не получится.

— Фугу ему... — буркнул Варфоломей. — Фугу подать — это не шуточки. Я уже и не помню, сколько раз подавал. Все были живы, но каждый раз, знаешь, адреналинчик в крови гуляет так, что волосы на руках дыбом стоят. Кстати, нормальные люди фугу не заказывают. Все банкиры, да бандиты. Для остроты ощущений.

— Ну, твой инструмент при тебе, руки к работе привычны. Не пропадешь. Зато искать никто не будет, и голову в целости сохранишь... какое-то время, во всяком случае.

— В целости? — мой новый знакомый поднялся с дубового стула, пересек съежившийся зал (скелета кашалота под потолком уже не было. Жаль, я даже начал к нему привыкать) и распахнул дверь, сколоченную из толстых досок, пробитых гвоздями с большими гранеными шляпками. Снаружи ударил луч яркого солнечного света. Несколько мгновений Варфоломей

разглядывал обстановку снаружи, потом захлопнул дверь и задвинул прочный железный засов. Вернулся обратно к стойке, сел на стул и задумчиво подпер щеку кулаком.

— И как там? — спросил я, разглядывая оловянный стакан, в который превратился хайбол. На стакане была изображена какая-то охотничья сцена.

— Прага, — отозвался он. — Лето.

— Да ну?

— Я Карлов мост узнал, он почти не изменился. Только новенький совсем, прямо как будто недавно построили.

— Почему «как будто»? — удивился я. — Недавно и построили, значит. У нас тут все без обмана. Попали — значит, попали. Прага, говоришь... Это хорошо. В Праге знают толк в том, как вкусно пожрать. Вот ты и пригодишься.

— Слушай, Фараон, — Варфоломей поморщился, — а может, возьмешь меня поваром? У тебя же сейчас с этим делом все сложно, да?

— У меня все просто, — поправил я незадачливого беглеца, — я сам себе повар. Гостям, в основном, выпивка требуется, это проверено... Короче, знаешь, не проси, а? Ты ведь и понятия не имеешь, что с предыдущим поваром случилось.

— Кстати, а что случилось-то? — живо заинтересовался мужчина.

Я вздохнул, выругался про себя и развел руками. Вот что с ним поделать? Любопытство, которое, как говорят англичане, стубило кошку, явно было у Вара в крови. И как ему ответить? В двух словах не описать.

Варфоломей

Я стоял, глядя в распахнутую настежь дверь, и понимал, что вся прошлая жизнь осталась где-то позади, схлопнулась в точку. А впереди... никакого понимания того, что там впереди, у меня не было. Сами посудите — я смотрел на средневековую, явно настоящую Прагу, на пролеты Карлова моста, окаймленного по бокам Староместской и двумя Малостранскими башнями. Видел, как по мосту спешат по своим делам пешеходы и проезжают конные повозки. Наверно, это мечта любого приключенца — вот так оказаться в другой эпохе. «Ага, с двумя ножами наперевес, и в одежде, которая первого же прохожего вгонит в ступор», — внес я очевидную поправку. Нет, пока что хватит с меня впечатлений. Я закрыл дверь и задвинул засов. Потом обернулся. Фараон с непонятной полуулыбкой сфинкса смотрел на меня.

Через несколько минут я понял еще одно. Похоже, мое предложение взять меня на работу поваром особого восторга у гостеприимного владельца не вызвало. Вот только непонятно, почему. Этот «перелетный кабак», как я окрестил про себя заведение, меняющее форму, вид и размер, явно нуждался в хорошем поваре. Ни запахов с кухни, ни посуды на виду, ни даже корочки хлеба на столах. Хотя, да хрен его знает, что творится с этими корочками хлеба при очередном изменении. Но как же без кухни?

Я был хорошим поваром, и мог это утверждать без всякой там ложной скромности. Чего скромничать, если мой талант однажды признал сам Нобу Мацухиса — гранд-мэтр попробовал составленное мной блюдо, главным ингредиентом которого я сделал копченого угря, и сухо кивнул: «Очень, очень неплохо». Из его уст это прозвучало как высшая похвала. Где я умудрился пересечься с Мацухисой? Скажем так, мне очень сильно повезло попасть на один закрытый прием для таких акул капитализма, которые плевать хотели на мелкую рыбешку вроде топ-менеджеров. Я, конечно, попал туда в качестве повара, а не гостя — у меня даже смокинга нет. А вот Мацухиса, который присутствовал именно как почетный

гость, плевать хотел на смокинги. И никто ему слова не посмел сказать. Дресс-код? Не в этот раз. А я еще в юности назубок выучил биографию мэтра Нобу и поэтому отлично знал, что к угрям этот живой памятник японской кухни питает слабость — ведь когда-то эта рыба, купленная по дешевке на рынке, помогла ему выбиться в люди и заработать первые нормальные деньги. Поэтому моим выбором тоже стал угорь. Вкусная рыба, кстати.

Так вот. Повар я хороший, и не только в том, что касается всяческой азиатчины, японщины и китайщины. Утку по-пекински могу, конечно. Но стейк по-калифорнийски мне, честно говоря, милее.

Интересно, что со здешним поваром случилось-то? Темнит старина Фараон, темнит... Съели беднягу, что ли? Да быть не может. Или может?

Фараон и Вар

— Знаешь, каким этот кабак был в самом начале? — спросил Фараон у Варфоломея, который зачем-то полез в рюкзак и вытащил из пакета полотенце.

— Чистым? — спросил тот.

— Шутка. Понимаю. Сам люблю, умею, практикую. Так вот. Он был сельским пабом. В Уэльсе. Самым обычным пабом. Понимаешь? О-быч-ным! Маленький паб на главной улице, четыре столика, барная стойка, за которой втроем еле удастся разместиться. Каждый вечер одни и те же завсегдатаи, по субботам яблоку упасть негде, телевизор древний и показывает только футбол.

Фараон задумчиво посмотрел в свой стакан, потом пошарил под стойкой, достал еще один, а вслед за ним извлек откуда-то изрядно початую бутылку «Old Ballantruan». Виски, крепкий и дымный, как лесной пожар, плеснул в стаканы. Дождавшись, когда Варфоломей дотянется до своего, бармен коротко отсалютовал ему стаканом и сделал большой глоток.

В общем-то, история была простая, как все удивительное. Фараон, которого тогда звали совсем не так, получил свой паб от отца, тот от деда, а дед — от прадеда, отслужившего в колониальных войсках Ее Величества. Прадед, сержант пехоты, воспетой Киплингом, подкопил малость монет за время службы и благополучно вернулся домой из малярийной Индии. С деньжатами в сундучке и твердым намерением осесть, как подобает честному отставному солдату. Женился на молодой вдовушке, оказавшей благосклонность статному вояке, да не просто миловидной и стройной, а с приданым в виде новенького паба, доставшегося от мужа. Вдова подумывала было этот паб продать, но муж, скинувший красный мундир королевских войск и засучивший рукава, крепко взял хозяйство в свои руки. Год, другой — и от посетителей отбоя не стало.

— Слабо сказано, — буркнул Фараон, — ломились туда из соседних сел толпами, как будто им медом намазано. Из Лондона приезжали, представляешь? Прадед голову не ломал, почему так, да отчего. Списал все на пиво — оно и впрямь было отменным, потому что мой ушлый прадедущка закорешился с одним пивоваром не из последних. То ли помог ему крепко, то ли еще что-то... Похоже, там еще и военное прошлое помогло, пивовар когда-то тоже тянул солдатскую лямку. В общем, тот за полцены сплавлял в паб свежайшее пиво, лучшее в округе.

— А как паб назывался-то в те времена? — вдруг заинтересовался Варфоломей.

— Просто и со вкусом. «Дубовый лист». Думаю, название выбирала прабабка. Не верится мне как-то в особый дар воображения сержанта королевских стрелков. Вот в бою и драке он был силен, это да.

Фараон вспомнил, как еще в детстве с трепетом открывал потертый сундучок, в котором

хранились вещи прадеда. Мундир, пересыпанный нафталином. Тусклые медали, целая гроздь, тяжелая и звенящая. Литографии с видами Тадж-Махала и индийских улиц. А еще — тяжелый непальский кхукри в деревянных ножнах, обтянутых черной кожей.

— Кхукри? — поразился внимательно слушавший Вар. — Это же...

— Вот-вот. Это не то, что сейчас, — в любом интернет-магазине купи подделку и радуйся. Настоящий боевой... тут, брат, уважение. Чтобы чужак, не гурк такой нож получил — надо было сильно постараться. Похоже, у прадеда все с этим было в порядке. Только вот, как это получилось, я узнать не смог. Дед плечами пожимал, отцу вообще дела до этой старины не было.

Паб «Дубовый лист» переходил из рук в руки. От прадеда к деду, ну, а тот оставил заведение в наследство своему сыну. Отец Фараона...

— Бриан меня звали тогда, — мрачно признался старый бармен. — Обычное валлийское имя, полно таких, особенно в глуши. Куда ни плюнь в наших краях, кругом Брианы, Малдуины, Григоры всякие. Даже Гераллт мне как-то раз попадался. Старый хрыч, на оба уха глухой рыбак. Отцу я даже благодарен — мое имя, по крайней мере, в Англии никому слух не резало. Когда учиться отправили, я сильно этому радовался...

Отец Фараона пожал плечами и сказал жене: «Раз парень у нас получился умный, чегс ему за стойкой гробиться?» Тем более, что сам юный Бриан ничего общего с занятиями своего прадеда, деда и отца иметь не желал. Отправленный учиться в Лондон, он был зачислен в закрытый колледж, а потом вспоминать о родных было уже некогда.

— Иногда я думал, что голова треснет, столько всего мне в нее вбивали круглые сутки, — Фараон закурил длинную черную сигарету. — Будешь? — спросил он у повара. Тот покачал головой.

— Зря, — веско произнес бармен. — Где еще такие попробуешь? Один блок у меня остался. Берегу, как зеницу ока. Ручная набивка, черный македонский табак, три золотых кольца на мундштуке. Такие только на Гросвенор-стрит делали, у Морланда. Теперь все, закрылась лавочка.

— Стоп, — ошеломленно открыл рот Варфоломей. — у Морланда? Но... Я думал, этс Флеминг выдумал, когда Джеймса Бонда начал сочинять...

— Старина Йен знал толк в куреве и выпивке, — подмигнул ему Фараон. — Как-то, помню, сидел он вот прямо тут, на этом же стуле, и читал мне отрывки своей «Из России с любовью», прямо с листа. Потом попросил карандаш и начал черкать в тексте, аж бумагу насквозь протыкал. Увлекающаяся натура, ничего не скажешь. Дело было на Карибах, кстати.

Потрясенный Вар потянулся к портсигару, а хозяин паба продолжал вспоминать. После учебы все пути перед юношей были открыты. Недотепа из валлийской глубинки мог стать дипломатом. Или построить блестящую карьеру в политике.

— Отец умер зимой. Сгорел за неделю от простуды, на рыбалке ноги промочил. До этого сто раз — и ничего... Похоже, без мамы ему цепляться за жизнь не особо-то и хотелось, она ведь за год до этого умерла, когда я еще учился. Паб, понятное дело, кому? Единственному наследнику, который в гробу этот паб видал. Вот только долги просто так не спишешь, а долгов мой папаня ухитрился наделать столько, что хватило бы на три таких кабака. Все молчком, молчком, ни словечка мне — а зачем? Пускай, мол, пацан учится, чегс его впутывать? Чертов прожектер... Сначала ему приспичило переделать паб в вискикурню, понимаешь? Это значит — перегонные кубы, непременно медные. Солод, вода, сушилки. Ну

и бочки, да. Хренова гора денег, займ в трех банках... Эта идея не задалась, кубы старик продал за полцены. Потом вдруг загорелся новой фантазией — сам, мол, буду варить пиво. Надо рассказывать, что дальше было?

— Наверно, не надо, — вздохнул Вар.

Вернувшись домой, Бриан с невероятным удивлением обнаружил, что долги отца предстоит выплачивать ему. Махнул рукой — за год управлюсь! И впрягся. Беззаботная юность кончилась еще в колледже, так что оставалось стиснуть зубы и пахать.

За год не вышло.

За два тоже.

Бриану, который еще не стал Фараоном, предстояло не раз и не два вспомнить слова одного писателя, с зашкаливающими тиражами романов. «Долги — не страшно. Проценты — вот что ломает тебе хребет». Хребет, правда, оказался крепким, но потрескивал.

— Потом вдруг все закончилось. Друзья, конечно, помогли, однокашники... Не без того. Короче, банки отцепились, проценты кончились, долги потихоньку тоже. Только я к тому времени даже папашу уже не материл мысленно. Как-то обжился, что ли. Перегорел. До этого ведь все детство мечтал — стану юнгой на корабле, сбегу из дома! Чуть в школе нелады — все, собираю рюкзак, и прадедов кхукри туда же. Дальние страны ждут, Индия всякая... И после колледжа тоже — ну сколько их, тех отцовских долгов? Год, два, ну три, и свободен, махну за моря. Вот только еще силенки напрячь разок-другой.

Новому хозяину старого паба не с кем было поделиться своими мыслями. Подругу как-то не завел. Хотя... была девчонка в Лондоне, да зачем ей все бросать и тащиться куда-то в места, которые не на всякой карте отмечены? Так и остался один. Когда в пабе никого не было, Бриан говорил вслух. Сам с собой и с «Дубовым листом». Жаловался, что застрял. Ругался в голос, вспоминая отца. Стучал костяшками кулаков по дубовой доске, помнившей еще контрабандистов. Кричал во все горло, перечисляя названия стран и портов, куда так и не попал. «Не судьба, старик! — рассказывал он, похлопывая ладонью по крепкому табурету. — А так хотелось...»

«Дубовый лист» слушал внимательно, не перебивая. Только поскрипывал старыми стенами, шевелил на ветру ставнями. Вздыхал понимающе.

И однажды все началось сначала.

В тот вечер Бриан, как обычно, проводил последних выпивох, потом закрыл дверь паба, проверил засов и погасил свет, щелкнув старинным выключателем с витыми проводами. Поднялся по скрипучей лестнице наверх, к себе в комнату, которую помнил с детства. Выкурил пару сигарет, без особого вдохновения пощелкал клавишами пишущей машинки. И лег спать.

Проснулся он от непонятного шума за окном. Сквозь занавески пробивался яркий свет, в солнечном луче кружились пылинки. За стеклами снаружи шумела многоголосая толпа. Полусонный Бриан, ничего не понимая, натянул старенькие джинсы, клетчатую рубаху, умылся и подошел к двери. А в нее уже долбил чей-то нетерпеливый кулак. Парень отодвинул засов и распахнул дверь.

— Дальше вообще как в тумане, — Фараон поерошил густую бороду, воткнул окурочек в пепельницу и покрутил его с силой туда-сюда. — За дверью — чужой город. Улица, дома старинные, каменные. Точно не Уэльс, вообще никак. Погода что надо, тепло и солнечно, хотя еще вечером было сыро, дело-то к поздней осени... И толпа шумит. Все веселые, руками машут, костюмы чудные, как будто на карнавале. Стою в дверях и думаю: «Что, твою

мать, происходит? Это ж точно карнавал!» Тут подбегает чернявый мужик, зубы скалит, что-то быстро-быстро мне говорит. Мол, синьор, как насчет стаканчика граппы честным трудягам в этот славный денек, когда все веселятся? Да без проблем, говорю, дружище, прошу, бонджорно. И тут меня как пыльным мешком — какая граппа, блин? Какое бонджорно? Что за дела? А компания уже в пабе — смеются, трещат... да по-итальянски же, думаю, точно! И я все понимаю, а что гораздо интереснее — отвечаю без запинки. Ноги сами за стойку меня принесли. Помню, что хватаюсь за первую попавшуюся бутылку, а на ней этикетка совсем не та, что должна быть. Ну не было у меня в пабе никакой граппы, понимаешь? Кому она в Уэльсе нужна?

Варфоломей, судя по серьезному лицу, понимал, осознал и проникся.

— Вот-вот... А сейчас не только граппы полно, но и обстановка совсем другая. Стены кирпичные, столы с каменными столешницами, плиткой выложены. Все по-другому! Ладно, думаю. Достаяю эту бутылку, тут вся компания зашумела разом. «О-о, — говорят, — отменный выбор, синьор не из жадных! И как это мы раньше такую тратторию мимо глаз пропускали?» «Да мало ли, — говорю, — как бывает. Сегодня всем за счет заведения, пейте от души, только чтобы без драк, ладно?» «Граци ди куаре, — отвечают, — мы ж не шпана какая, мы с пониманием». Ну, а дальше как обычно. Люди заходят, приходят, деньгами об стойку хлопают. Принимаю, наливаю, балагурю. И так до вечера. Весь в помаде был, местные красавицы так благодарили за вино.

Уже к полуночи, когда утомившиеся гуляки разбрелись, Бриан устало потащился к умывальнику — ополоснуть лицо, хоть как-то взбодриться. И ошеломленно замер у зеркала. В отражении на него глядел крепкий мужчина с густыми черными усами, квадратным подбородком и шевелюрой цвета воронова крыла. И загар у мужика тоже был совсем не английский — типичный итальянец, Бриан повидал таких в Лондоне.

Сил ужасаться или паниковать не оставалось совсем. Хотелось только спать. Так он и поступил. Еще пару дней грохотал итальянский карнавал, а очередным утром вдруг оказалось, что за окнами австралийский пейзаж, а холодильник за алюминиевой стойкой доверху набит бутылками ледяного «Фостерса» и «Купера». Бриан призвал на помощь всю свою выдержку, отшлифованную в колледже, сел на стул, проделал несколько упражнений тибетской дыхательной гимнастики и тихо спросил окружающее пространство:

— Это ты, что ли, по-своему распорядился?

Паб молчал, но несколько стульев скрипнули, и молодому человеку послышалось отчетливое «да».

— Ну спасибо, — растерянно сказал он. — И что мне теперь со всем этим делать?

Ответа Бриан не дождался. Ничего странного: пабы, в общем-то, малоразговорчивы.

— Погоди, — дотошный Варфоломей, что-то записывавший на листке блокнота, наморщил лоб. — Получается, твой «Дубовый лист» скакал туда-сюда, но это было в нашем времени? А как тогда...

— А вот так, — кисло отозвался Фараон. — Внезапно.

Однажды, когда он проснулся утром и уже привычно поглядел в зеркало, чтобы обнаружить там ничем не примечательное лицо европейца, внизу, в зале, послышались чьи-то шаги. Бриан выскочил на лестницу в одних брюках, зато прихватил отцовский дробовик, который теперь на всякий случай держал возле кровати. Повода им воспользоваться, правда, еще ни разу не случалось, но юноша отлично помнил слова деда: «Если ружье есть, но не пригодилось — это лучше, чем если его нет, когда надо стрелять».

Внизу, за столом обычной американской придорожной забегаловки, в которую превратился «Дубовый лист», сидел какой-то бродяга в длинном черном плаще и размешивал сахар в чае, дымящемся в большой железной кружке. Услышав шлепанье босых ног по ступенькам, бродяга поднял глаза, и Бриан поразился его измученному, худому лицу.

— Похоже было, — Фараон подумал несколько мгновений, будто подбирая слова, — что он не спал уже несколько недель, не меньше.

Бродяга встал и коротко изобразил вежливый поклон.

— Вы кто? — оторопело спросил Бриан, опуская ствол дробовика вниз.

— Сначала скажите, юноша — где я?

— Вы в пабе «Дубовый лист», — объяснил молодой человек, нервно хихикнув и про себя вспоминая диалог старого моряка и Джима Хокинса на первых страницах «Острова сокровищ». — Но где точнее, сэр, я вам, хоть убейте, сказать не могу, пока не посмотрю в окно и на вывеску.

— Понятно, — без особого интереса отозвался незнакомец и поерошил длинные седые волосы, вьющиеся жесткими кольцами. — Не привыкать... Что касается меня, то мое имя, скажем, Ян Родуин. Да... Некоторые зовут меня Картафил или Агасфер. Родуин мне, честно говоря, нравится больше.

Бриан некоторое время смотрел на незваного гостя. Образование, полученное в колледже, включало в себя неплохой курс классической литературы и мифологии.

— То есть, вы тот самый... ну, Вечный...

— Вечный жид, говорите уж прямо, к чему недомолвки? Из песни слов не выкинешь, юноша, так что я не обижаюсь.

— Ладно, хорошо. И что, это вы отказали в отдыхе Иисусу? Знаете, если он был исторической личностью...

— Был! — отрезал гость, и добавил мрачно. — Вот только я не отказывал. Уж так получилось, что со стороны это выглядело совсем иначе. Особенно для центуриона, который командовал. Но это не я! Это мерзкая тварь, мое проклятие.

— Кто?

— *Мануанус Инферnalis*, — прошипел Родуин. Его искаженное гневом лицо не очень-то располагало к смеху, но Бриан все-таки рассмеялся, услышав латинское название и машинально переведя его на родной английский.

— Смейтесь, юноша, смейтесь, — проворчал Вечный Жид. — Ибо смех есть отрада молодости... Но я вам правду сказал, все беды от этой твари.

Глава 3. Вечный Жид

Ян Родуин, он же Вечный Жид, Картафил, Агасфер и обладатель множества других звучных прозвищ, за столетия выдуманных писателями и поэтами, сидел напротив Бриана и уныло продолжал свой рассказ.

— Я толком до сих пор не знаю, где умудрился подцепить эту напасть. Десятилетиями изучал тайные книги, забытые проклятые рукописи... Даже до «Некрономикона», написанного проклятым арабом Абдулом Аль-Хазредом, дотянулся. Никакого толка от этого, правда, не было, Аль-Хазред пользовался смутными и сильно искаженными источниками, которые мне попадались в куда более древнем варианте. Единственное полезное упоминание я нашел в одном забытом апокрифе, ранней версии Книги Иисуса Навина. Знаете, кто такой Иисус Навин? — спросил Родуин.

— А как же, — пожал плечами юноша, с ненавистью вспоминая, как приходилось наизусть учить целые страницы из Ветхого Завета на латыни. Преподаватель благородного языка римских императоров в колледже почему-то считал, что латинская Библия, она же Вульгата, лучше всего годится для постижения красоты текста. Бриан был с ним категорически не согласен, предпочитая стихи Катуллы, но кто его спрашивал-то...

— Так вот. Этот самый Навин был ничего себе полководцем. Чтоб я так жил, как он замордовал целые племена язычников с непроизносимыми именами. Всякие там иерамуфяне, газеряне и прочие — и всех наш бравый Йехошуа бин-Нун помножил на ноль, — временами Вечный Жид почему-то переходил на почти карикатурное еврейское произношение и становился похож на ювелира, каких Бриан тоже немало повидал в лондонском Хаттон-Гардене. — Но... таки что же вы себе думаете? Был один народец, с которым даже отморозок Навин предпочел не связываться.

— Родные евреи? — неудачно пошутил Бриан. Картафил уничтожающе глянул на него и отхлебнул из кружки.

— Ой-вэй, такой остроумный молодой человек, и до сих пор не выступает в ток-шоу! — саркастически проскрипел он. У Бриана, сделавшего каменное лицо, предательски покраснели уши. Откровенно насладившись этим зрелищем, старый бродяга продолжал, причем карикатурный акцент из его речи мгновенно пропал. Произношение стало безупречным.

— У бедолаг все шло через... кхм... задницу. Все, за что бы они ни брались. Не ловилась рыба, потому что в сетях, как их ни латай, все время были дырки. Толком ничего не росло на полях. Молитвы не помогали, хотя весь народ рыдал и воздевал руки к небу днями и ночами. Да что там, они могли на ровном месте навернуться, могли даже сломать себе палец, просто почесав за ухом. Феноменальное невезение. Навин, кстати, к тому времени уже разрушил Иерихон и не сомневался, что все делает правильно. Горящие глаза, горный свет, вот это вот все... Но, когда разведчики, которых он послал, чтобы как следует разузнать все об этом племени — ну не помню я его названия, хоть убей! — вернулись и рассказали, что они видели, даже у Йехошуа бин-Нуна волосы встали дыбом. Он строго-настрого, под страхом смерти запретил своим воинам прикасаться к чему-нибудь, брать трофеи и даже осквернять свои мечи и кинжалы кровью невезучих иноверцев. Вместо этого Навин неделю кряду молился в уединении, и так получилось, что небесный огонь сошел из облаков и выжег всю территорию похлеще напалма. Содом, часть вторая. Сразу подсказываю

— не трудитесь, в Ветхом Завете вы об этом ничего не найдете, поскольку Навин был умным человеком и приказал держать все в строжайшем секрете, — Ян Родуин немного помолчал, облизывая тонкие сухие губы.

— Но, если все было так, откуда же взялась эта, как вы говорите, напасть? — скептически осведомился Бриан, уже прикидывая, как бы ловчее выпроводить странного старика.

— Похоже, кто-то из воинов послушался приказа. И решил прихватить что-то «на память». Какую-нибудь золотую цацку, я полагаю. А вместе с ней и это... этого. Честно говоря, до сих пор не понимаю, как этот осколок изначального Хаоса попал к несчастному племени. Скорее всего, достался от еще более древних народов, населявших когда-то те места. А может быть, благополучно пережил библейский потоп, отлежался в иле и был выкопан каким-нибудь бедолагой, расчищавшим свое поле. Да неважно это, черт возьми! Важно другое. От Навина, от всех его воинов и врагов не осталось даже праха, но вот мне феноменально «повезло», — старик умудрился произнести последнее слово так, что в нем отчетливо слышались кавычки. — Ах, молодость! Нет в ней ни страха смерти, ни уважения к мудрости старших, ибо сказано, что... а, я опять отвлекаюсь.

— Короче, — взгляд Вечного Жида потяжелел, заострился, в зрачках будто отразилось блестящее кривое лезвие сики, и Бриан увидел, что на самом деле перед ним сидит вовсе не ветхий бродяга, а убийца, повидавший за свою невообразимо долгую жизнь такое, чего обычному человеку не понять. — Я тогда шатался с одной веселой компанией. Шайкой, проще говоря. Грабили мы старые мавзолеи, склепы, не брезговали руинами. Веселились, как могли, не верили ни во что, кроме золота. Больше золота — славно. Еще больше? — да просто отлично! Подколоть одинокого прохожего? Как чашку воды выпить. Правда люди подобрались разные. Вот был у нас такой паренек — Ионафан, так он до скрежета зубовного ненавидел римлян, не упускал случая кому-нибудь перехватить глотку, будь то пьяный легионер из гарнизона, или чиновник. Отморозку плевать было на то, что потом все кругом стоит на ушах, облавы и допросы. У него-то самого не было ни кола, ни двора, а всю родню как раз эти самые римляне и выкосили под корень. Так что Ионафан был идейным, хотя и грабежей не гнушался. Тогда про сикариев никто и слыхом не слыхивал, это потом, через несколько десятков лет они вошли в моду — что ни случись, во всем сразу обвиняли ужасных сикариев, даже если соседская коза напоролась боком на какой-нибудь сучок. Караул, люди добрые, Белянку мою сикой ткнули, не иначе! Но смех смехом, а наш Ионафан как раз был из таких, и кровищи на нем было больше, чем на мяснике со скотобойни. А с виду — улыбчивый, вежливый, старушке всегда поможет, калеку переведет через улицу... Ну, это я сейчас вам, юноша, рассказал, чтобы вы понимали, с кем я тогда якшался.

— Зачем же грабили? — недоумевающе спросил Бриан. Картафил посмотрел на него, как на слабоумного, чуть ли не с жалостью. Пожал плечами.

— Друг мой, это был первый век нашей эры, мы выживали, как могли. Жестокое время. Так вот, — после недолгого молчания снова заговорил он, — подозреваю, что в одной из старых-престарых гробниц ко мне эта дрянь и прицепилась, как пиявка. Точно, точно... Могу даже сказать, что это было какого-то там числа месяца тебет, как раз вскоре после Хануки. Эту гробницу мы нашли чудом. Просто груда камней, если там и были какие-нибудь буквы, то давно стерлись от времени. Я пробил молотом дыру, и тут мне на миг показалось, будто оттуда вместе с затхлым воздухом мне прямо в лицо выпрыгнуло что-то почти невидимое, да так, что я аж сел на задницу от неожиданности. Ну конечно, братки ржали,

как ослы, аж до икоты. Кстати, в самой гробнице не нашлось почти ничего стоящего — какие-то старые свитки, кости, черепки и горсть монет. Сейчас-то я понимаю, что эти свитки были самой большой драгоценностью, я бы отдал за нее все богатства Долины царей! А тогда... Вечером было холодно, поэтому Ионафан свалил свитки и тряпье в кучу и запалил костер. Горело хорошо...

Старик умолк и сидел неподвижно, тихо постукивая перстнем на пальце по ободку своей кружки. Спустя несколько минут Бриан осторожно спросил:

— А дальше?

— Дальше? — Родуин-Картафил невесело хохотнул, будто скрежетнуло ржавое железо. — А дальше фарт кончился. Подозреваю, что из-за меня и моего... хм-м... пассажира. Ионафан в тот же вечер погиб, и сделал это чрезвычайно глупо. Поскользнулся на камне, пытаясь напасть на римского солдата, упал и пропорол себе бедро своей же сикой, которую любовно точил и полировал целыми днями. Истек кровью, прежде чем его успели притащить в допросную. А ведь какой был вояка... Наш вожак, — старик пробормотал какое-то неразборчивое слово, которое Бриан не понял, — подавился в харчевне куском рыбы. Как его ни колотили по спине, рыбу он так и не выплюнул, посинел и отбросил копыта. Кто-то из завсегдатаев мрачно пошутил, что Кривого Ишая одолела жадность — я вколотил эти слова ему в глотку вместе с зубами, а толку? Шайка распалась, одного за другим нас настигала нелепая смерть или что похуже. Йехуда, например, загремел на каменоломни по совершенной глупости — запустил комком навоза в соседа, с которым был не в ладах, а попал в римского декана...

— Декана? — удивился хозяин паба.

— Ну, десятника, — недовольно пояснил старик. — Не в университете же, по-вашему, учился Йехуда? До нашей шайки он работал башмачником, шил сандалии. Зарабатывал себе на кусок хлеба, даже женился. И тут этот навоз... Откуда взялся римлянин, да еще и декан на пустой улице, где кроме соседа никого не было — так никто и не понял. Вот что ему могло понадобиться в квартале башмачников? Отродясь было так, что калиги легионерам шили при казармах. Но угодил наш башмачник отменно, точно в лоб. И полновесно — на пять лет каторги. Больше я его не видел. Но мне почему-то везло. То есть, со мной ничего не случалось. Жил, как раньше, с грабежами завязал, стал потихоньку торговать — маслины, винцо из-под полы, всякая скобяная мелочь, потом расторговался, открыл пару лавок. В общем, жизнь, как у всех. И тут появился этот, из Назарета, или откуда он там!

Глаза старика вдруг полыхнули злостью, и сам он, казалось, помолодел лет на двадцать сразу.

— В то время каким-то бродячим проповедником никого у нас было не удивить. Шлялись по округе толпами, и каждый второй твердил о Машиахе, о конце света, о пророчествах. Были особенные дураки, которые в открытую призывали резать римлян — и тут же пропадали с концами, но на их месте появлялись новые и новые. Я уже кружку вина боялся выпить — а ну как допьешь до дна, а на дне написано: «Долой римлян!» или «Машиах придет, порядок наведет!» С женой перестал разговаривать, потому что она трещала без умолку, пересказывала сплетни с базара, а где базар, там слухи...

Картафил задумчиво покачал головой.

— Но этот... он был особенным. Никакой не бог, конечно, куда там. Зато вот обаяния в нем было хоть отбавляй, плескало через край. И говорил он всегда спокойно, даже тихо — не орал, слюной не брызгал, не катался по земле, как это делали другие. Даже бороду себе не

драл в запале, когда спорил со всякими фарисеями, а ведь они способны камень из себя вывести. Нет, он просто говорил, пару раз даже я слышал краем уха, хоть специально и не прислушивался. Складно у него получалось, будто кирпичик к кирпичику. Захочешь, так не забудешь потом. Понятно, за что его римляне так невзлюбили. Та еще заноза в пятке, от которой надо поскорее избавиться, пока нога цела. Вот они и избавились — привычно, по-своему, по-римски. Я слышал, этому... — Вечный Жид покривился, и Бриан про себя отметил, что старик старательно избегает произносить имя, — предлагали полное прощение, если он признает божественность цезаря императора. Подумаешь, тоже мне, проблема! Вон, Ионафан, пока был жив, на каждом углу среди бела дня кричал о том, как божественный свет осиял лик императора, и как лично он, Ионафан сын Ицхака, любит римлян. Даже дрался из-за этого не раз, когда его называли «римской подстилкой». Что, отметим, совершенно не мешало ему ночами этих горячо любимых римлян резать сикой, как скот. И проповедник тоже бы не переломился, если бы признал божественность. Но он был не таков...

Агасфер, старый бродяга с молодыми глазами, снова замолчал. Он отхлебнул из кружки и посмотрел на Бриана.

— Таки немного терпения, юноша, и скоро моя история подойдет к концу. В тот самый день я вышел из дома, чтобы починить пару прохудившихся бурдюков. Кожи, чтобы поставить заплатку, не нашлось, и я пошел к знакомому дубильщику. А когда возвращался и уже открывал калитку — увидел весь этот бардак. Ну, про это только ленивый не писал или не снимал кино. Мел Гибсон, например, постарался от души, за обедом лучше не смотреть. Хотя на самом деле все было не так уж страшно. Да, отделали его от души, солдатам только прикажи, им два раза повторять не надо. Скучно, жарко, а тут какое-никакое, а все-таки развлечение. Но особо никто не усердствовал, потому что дисциплина у римлян была что надо. Сказано, что свой столб приговоренный должен тащить сам — значит, будет тащить, и точка. А чтобы тащил своими ногами, нужно, чтобы ходить он мог нормально, не падая через каждые два шага.

У самого моего дома, ни раньше, ни позже, проповедник запнулся и со всего маху приложился об камни, только бревно сбрыкало. Кое-как поднялся и попросил пить. Весь этот шалман сопровождался несколькими контуберниями легионеров и центурионом, который был злой, как собака. Очень хорошо его понимаю — оторвали от игры в «дуодецим скрипту» или просто в кости, на улице адово пекло, пылица, толпа каких-то бородатых чужаков, орущих на своем варварском наречии, смутьян, которого надо скорее казнить... А тут еще и заминка на пути. В общем, когда этот... поднялся и попросил воды, центурион заорал на первого попавшегося ему под руку еврея. То есть, конечно же, на меня. «Чего рот раззявил? Тащи воду, дубина!» — по латыни это звучало даже красиво. Я спорить не стал и пошел за водой. Набрал полную кружку и побежал обратно, стараясь не расплескать. Вылетел на улицу, да так неудачно, что снова сбил с ног преступника, который только-только приладил бревно на плечо.

Бриан изумленно молчал.

— Вот и все! — яростно выкрикнул Картафил. — Случайно сбил с ног! Вода, конечно, тоже пролилась, и за это я получил от центуриона палкой. Потом придумали — мол, я отказался дать передохнуть. Какое там «передохнуть»?! Кто я такой, чтобы решать, когда осужденный преступник, которого ведут на казнь, может передохнуть? Я просто сбил его с ног...

— Он что-то сказал? — поинтересовался Бриан, машинально протирая полотенцем стакан.

— Ничего, — уже спокойно ответил старик. — Просто встал и пошел дальше. Тут еще случилась заминка, потому что кто-то из солдат уронил копье, у кого-то порвалась завязка на калиге — короче, контубернии превратились в стадо, и я точно знал, кто тому виной. Да, кстати, именно тогда я услышал, как центурион орет на солдата, называя его «мануанус инферналис» и прочими непотребными словами. И тут я понял, как назову тварь, которая мне докучает.

Он вновь невесело усмехнулся и потряс опустевшей кружкой, перевернув ее вверх дном.

— Ну, а потом все, наверно, было так, как об этом пишут в книгах. Я-то при казни не присутствовал, чего там такого особенного? И вот уже годы, десятилетия, столетия — а меня мотает, как осенний листок, по всему свету. Но это неинтересно. Вам, наверно, куда более интересно узнать, как я оказался именно в вашем заведении, да еще закрытом на засов?

— Если честно, да, — признался Бриан. — Как-то это, знаете ли, немного неожиданно.

— Да я и сам не представляю, как здесь оказался. Иногда так получается, и это совершенно никак не связано с моими желаниями, уж поверьте. Кстати, а год сейчас какой?

— Что? — молодой человек снова изумился, но тут же пришел в себя. — А... Ну это... тысяча девятьсот шестьдесят третий.

— И вновь не скажу, что сильно удивлен, — ухмылка на старческом лице показалась Бриану особенно неприятной, — начало космической эры человечества, ха-ха. Что ж, юноша, спасибо за терпение, особенно удивительное в вашем возрасте, поскольку не каждый согласился бы потратить время на бредни случайного гостя. А теперь, с вашего позволения...

Бродяга поднялся со стула, разогнулся, со стоном держась руками за поясницу.

— Чертов ревматизм... Помяните мое слово, мой юный друг — погода поменяется в ближайшее время.

— Это же Уэльс, — мрачно отозвался молодой человек, — здесь вы этим никого не удивите.

Ян Родуин подошел к двери паба. Дверной засов со скрежетом проехался по скобам. Стоя на пороге, старик внезапно обернулся — его острый, длинный нос и худой профиль напомнил Бриану какую-то хищную птицу.

— А вы весьма доверчивы, юноша, — каркнул он со смешком. — Что, если я не тот, за кого себя выдаю? Времена нынче не таковы, как в первом веке, конечно, но все же, все же... Не стоит доверять незнакомцам.

Он сунул руку куда-то в лохмотья, и на свету тускло блеснуло остро отточенное лезвие древней, но ухоженной сики.

— Времена — это да, — безмятежно согласился Бриан. Он поднялся и вытащил руки из-под стойки. В лицо Картафилу равнодушно глянули два черных дула дробовика. Повисла короткая тишина.

— Квиты, — рассмеялся Вечный Жид, взглянув теперь с уважением, и сика вновь канула в лохмотья. Бродяга потянул дверную ручку на себя. И вдруг закричал жутким, не своим голосом, изогнувшись в невозможной позе, точно акробат, который пытается затылком коснуться пяток. Стены паба странно изогнулись, посыпались куски штукатурки, и словно бы незримая волна прокатилась по залу. Гость рухнул на пол, закатив глаза, а Бриан, дернувшись было, чтобы кинуться к нему на помощь, смахнул локтем поднос с чистыми

стаканами. Брызнула острая стеклянная крошка.

— Ы-ы-ы-ы... — на одной ноте тянул Агасфер, и вдруг затих, будто отрезало звук. Чертыхаясь и скрипя подошвами по осколкам стаканов, Бриан все-таки подбежал к нему, но тут старик резко открыл глаза и сел. На его впалые щеки возвращался слабый румянец. Он несколько раз глубоко вздохнул и вдруг расхохотался, вскакивая на ноги с резвостью восемнадцатилетнего юнца.

— С вами все в... — начал было хозяин паба, но бродяга перебил его.

— Быть не может! Неужели я от тебя избавился, мерзкая ты тварь! Я это чувствую! — заорал он так, что зазвенели пивные бокалы в шкафу у стойки. — К черту! Свободен!

Он подскочил к двери, распахнул ее так, что ручка саданула в стену, выбив в штукатурке глубокую борозду, и выскочил наружу.

— Твою-то мать... Заходите еще, — растерянно пробормотал ему вслед Бриан. Он уже собирался закрыть дверь и задвинуть засов, но то, что оказалось за дверью, заставило его остолбенеть. Остановившимся взглядом молодой человек смотрел на булыжную мостовую, по которой бодро процокал хэнсом-кэб, запряженный буланой лошадь. Кэбмен, увидев застывшего в дверях человека, озадаченно сдвинул цилиндр на затылок и нахмурился, пытаясь вспомнить — откуда здесь, на привычном маршруте, взялся паб. Так ничего и не сообразив, он перегнулся вперед и гаркнул на лошадь, потянув вожжи, пропущенные через скобы на крыше, и добавив убедительности длинным хлыстом:

— Но-о! Шевелись, старушка, нам еще добираться до Кларкенвелла! — кэб загромыхал дальше, а Бриан зажмурился и потряс головой. «Опять, что ли? Я сплю... сплю... Да какого черта? Не сплю я!» Вглядевшись в улицу, по которой полз желтоватый туман, юноша сделал неуверенный шаг вперед, цепляясь за дверной косяк так, будто это был спасательный круг. Булыжная мостовая никуда не исчезла, когда он постучал по камням каблуком. Посмотрев на вывеску, Бриан ощутил, что паника подступает снова, и поспешно принялся проделывать упражнения дыхательной гимнастики — этой полезной штуке его научил один знакомый, отслуживший в парашютных частях.

Вывеска была на месте, вот только выглядела как-то... старомодно. На ветру поскрипывала толстая потемневшая доска с аляповато нарисованной пивной кружкой и гордой надписью «Лев и Дракон». При этом ни льва, ни хоть какого-нибудь, даже крохотного дракона на вывеске почему-то не было, только чей-то полустершийся и уже неразличимый силуэт. Бриан смотрел на доску, скрипящую, чужую и неправильную, и чувствовал, как в груди горячим комком поднимается злость.

— Сволочь! — заорал он, адресуя свое ругательство старому бродяге, сгинувшему без следа в этом тумане, напоминающем прокисший гороховый суп. — Чтоб ты сдох!

Он вернулся в паб, с грохотом хлопнул дверью и задвинул засов. Почему-то у бывшего студента было скверное предчувствие, которое становилось все сильнее.

— Что там этот старый придурок вопил, когда убегал? — спросил сам у себя Бриан. — «Свободен»? Как интересно.

Он обвел глазами полутемный зал и понял — неприятности только начинаются.

Глава 4. Не шутите с хаосом

Фараон и Вар

— Вот так оно все и случилось, — Фараон выпил стопку виски, потянулся так, что затрещало в пояснице и зевнул. — Слушай, пора спать. Есть у меня странное ощущение, что утро вечера, как это говорится у вас, русских, умнее.

— Мудренее, — сказал Варфоломей. Он сидел, подперев щеку кулаком и тоже зевал — с чувством и расстановкой, даже подвывая тихонько. Но любопытства в глазах бывшего повара не убавилось.

— Значит, этот Агасфер исчез, но своего... как там его... мануануса, да? — оставил тебе на добрую память?

— Точно, — хмуро подтвердил Фараон. — Убил бы старого гада. Хитрожопый оказался, как все его племя. Хотя странно было бы, если бы не оказался — столько лет его по свету носило...

— И что нам со всем этим делать? — уныло спросил бывший повар.

— А ничего, — пожал плечами хозяин паба. — Я же говорю — ложиться спать, а там поглядим. Если, конечно, ты не хочешь на экскурсию в дивную старую Прагу.

— Спасибо, но как-то нет, — сказал Вар. — У меня прививки от чумы не имеется. И от холеры. И хлеб у них наверняка со спорыньей. И вообще, с деньгами не очень, а знание языка и того хуже. Печеное вепрево колено заказать смогу, конечно, но за эту попсу в приличных кабаках и сейчас-то можно отхватить, а уж тогда...

— При чем здесь чума? — удивился Фараон. — Не было там чумы в те времена. Антисанитария была, что верно, то верно. Зато никаких комитетов по контролю за чистотой.

— Ну да. Если кому-то что-то не понравится, просто прирежут и все. За муху на дне кружки.

— Ну-ну, не усложняй ты так. Времена суровые, это правда... Короче, не хочешь на экскурсию — не надо. Я спать. Сейчас тебе принесу матрас и белье, вон там вполне приличный диван, даже ты поместишься.

— Спасибо, — хмуро поблагодарил Вар. — А зубы где почистить можно?

— Во рту, — сурово сказал Фараон. Посмотрел на вытянувшееся лицо гостя и заржал самым натуральным образом. — Видел бы ты себя! Поднимись по лестнице, первая дверь налево. Выключатель слева на уровне пояса.

Варфоломей

Спалось мне на удивление неплохо. Да что там — хорошо спалось, даже без кошмаров, хоть старый кожаный диван всю ночь и скрежетал подо мной пружинами. Когда я открыл глаза, выплывая из глубокого сна без сновидений, то почувствовал себя подводной лодкой, возвратившейся в гавань после боевого похода. Потрепанной, помятой, но вполне себе живой лодкой. И даже готовой к приему на борт топлива и продовольствия. Жрать хотелось просто ужасно.

Я встал, умылся ледяной водой, помахал для бодрости руками и ногами, кое-как изобразив зверское «поварское ката», которое сам же изобрел. Потом отправился инспектировать кухню.

Однако. С напитками-то здесь, как и в любом приличном питейном заведении, было все в порядке, вот только сама кухня оказалась в удручающе запущенном состоянии. Впрочем,

это я заметил еще вчера. Вся посуда была чисто вымыта — когда-то давно, так что с тех пор тарелки и кастрюли успели покрыться пылью. Я уже заметил, что в этом пабе все в порядке было только с кружками, стаканами и стопками. В общем, с тем, куда можно налить что-нибудь, не требующее приготовления, и при этом, желательно, крепкое. В холодильнике тоже повесилась мышь. Точнее, повесилась, при этом основательно нализавшись, потому что никаких продуктов там не было, зато старый никелированный Foster был под завязку набит пивом, водкой и другим спиртным. Виски Фараон в холодильник не совал и был совершенно прав. Для виски здесь предназначался огромный деревянный шкаф, который едва не трещал по швам от количества бутылок. Интересно, что ширпотреб вроде «Джеймисона» я не обнаружил, и это радовало.

Подведем итоги, подумал я, что же получается? Жрать нечего, зато можно сразу же начать пить — с двух рук, по-македонски, как говорится. Какая-то часть моей славянской души, заволновавшись, ухватила за это предложение, но другая, оказавшаяся в рациональном большинстве, идею запоя брезгливо отвергла. Ну и ладно.

Додумать мысль я не успел, потому что в кухню ввалился сонный Фараон.

— Инспектируешь? Одобряю, — зевнул он. — Кстати, если есть желание чего-нибудь погрызть, то это тебе в другой холодильник, вон там.

Холодильник был небольшим и оказался умело замаскирован изрядно выцветшим плакатом с изображением какой-то полуодетой дивы. В нем нашлось достаточно ингредиентов, чтобы соорудить мега-сэндвич с ветчиной, чем я и занялся, привычно вооружившись одним из своих ножей. Фараон смотрел, как я превращаю хлеб, ветчину и маринованные огурцы в готовое блюдо, и на его лице читалось смутное одобрение. Надо ковать железо, не отходя от кассы, решил я и спросил:

— Слушай, так что же, все-таки, случилось с твоим поваром?

Бриан помрачнел и почесал в затылке. Потом вздохнул и ответил:

— Да понятно же, что случилось... мануанус инферналис с ним случился. Сам подумай — ну как можно что-то готовить, если вместо рагу у тебя получается суп с мылом, а вместо стейка — горелая подметка от башмака? Старина Джейк как-то пропустил всю эту историю с появлением Вечного Жида, и поэтому, когда я рискнул объяснить ему, что творится, он решил, что я спятил. Попытался приготовить раз, второй, третий... Упорный был малый, в этом ему не откажешь. Они там все, на Оркнеях, такие — привыкли жить на этих клочках земли, где погода сейчас одна, а через час совсем другая, так что врагу не пожелаешь. В общем, Джейк начал подозревать неладное только тогда, когда вечером поставил остужаться кастрюлю с особым паштетом по собственному рецепту, а утром обнаружил на ее месте деревянное корыто с горой намертво застывшего пудинга, да такого, что даже зубило эту штуку не брало. Еще и ложка оттуда торчала, скрученная штопором, представляешь? Кого бы после этого не проняло!

Я представил и передернулся. С пудингом мне никогда не удавалось найти общий язык, хотя я, конечно, умел его готовить. Умел-то умел, но как-то... не от всей души, что ли, не лежало у меня сердце к этому измышлению сумрачного британского повара забытых времен. Как сказал бы дон Корлеоне: «Ты готовишь пудинг. Но ты готовишь его без уважения».

— А дальше? — спросил я, отгоняя видения окаменевшего пудинга.

— Дальше... Дальше драма подошла к развязке в духе если не Шекспира, то Марло.

— Всех отравили? — я решил уточнить на всякий случай.

— Сплюнь! — тяжело посмотрел на меня Фараон. — К счастью, нет. Никаких

отравленных рапир, никого даже не отнесли на плечах четыре капитана. Джейк решил смешать себе коктейль. Обычную «отвертку», без всяких изысков. Что там может пойти не так, спросишь ты?

Вообще-то, я ничего спросить не хотел, но на всякий случай покивал.

— Да все пошло не так! — рявкнул Фараон и нервно налил себе стопку первого попавшегося виски. «Ирландский. Red Breast. Губа не дура у мужика», — машинально ответил я.

— Джейк смешал, выпил залпом — нервы ни к черту у бедолаги были, и руки тряслись, чуть не расплескал, пока до рта донес — и все! Превратился!

— Что? — вот тут я решил, что точно ослышался.

— Не «что», а «во что», — поправил меня хозяин паба. — Вот в этот табурет. — Он похлопал ладонью по кособокому барному стулу, почему-то стоящему не у стойки в зале, а здесь, на кухне.

— В... в... в стул? — сказать, что я был ошарашен, означало бы изрядно преуменьшить. — Seriously?

— А что, похоже, что я шучу?

— Стул, — пробормотал я. — Почему — стул?

— Кто знает, — меланхолично ответил Фараон. — Сидеть на нем, кстати, нельзя, у него тут же подворачивается ножка, хоть с виду все целехонько. Думаю, так Джейк выражает свое недовольство, раз уж по-другому у него не получается. Вот я и убрал его подальше.

Я еще раз внимательно посмотрел на неказистый, ободраный барный стул, представил на его месте живого человека и поморщился. Как-то это было неправильно. Хотя... что вообще может быть правильным здесь, в пабе, который скачет туда-сюда по столетиям?

Ладно. Делу время, а потехе... тоже время, только потом. Я вздохнул и снял с крючка разделочную доску. В холодильнике, кроме ветчины, нашелся здоровенный кусок вырезки в вакуумной упаковке. Вот ею и займусь, пожалуй. А заодно и нервы успокою, поскольку не каждый день приходится сталкиваться с живыми стульями и всем прочим, что бесплатно прилагается к перелетному кабаку.

Фараон бесстрастно наблюдал за взмахами ножей, которыми я пластал мясо. Он замер неподвижно, как статуя, прислонившись к дверному косяку. Несколько минут спустя, когда я уже разделался с вырезкой, он заговорил.

— Ловко у тебя получается.

— Талант не пропьешь, — буркнул я, но тут же вспомнил своих многочисленных знакомых. — Хотя, если постараться, то можно. Но я не старался.

— Вижу.

«Пабовладелец» переступил с ноги на ногу, похмыкал как-то неопределенно и вдруг махнул рукой, видимо, решившись.

— Слушай... Без повара мне все-таки никак. Раз уж так получилось, давай, оставайся. С меня жалованье — два раза в месяц, ну и всякие премиальные. Не обижу, в общем.

— Жалованье — это хорошо, — отозвался я задумчиво, прикидывая в уме, что можно сделать, имея под рукой только скудный набор продуктов. — Жалованье — это просто прекрасно. Давай обсудим.

— Ну, скажем... — тут Фараон назвал сумму в английских фунтах и выжидательно уставился на меня. Не удивил. Курс валют я худо-бедно помню, да и считаю в уме неплохо. Так что я тоже хмыкнул, подражая ему, потом вытер руки чистым полотенцем и протянул

хозяину ладонь. Когда наши ладони уже сцепились в рукопожатии, я добавил:

— Вот только добавь еще столько же — и я согласен.

Надо отдать должное — руку Фараон не отдернул. Только посмотрел на меня с долгим прищуром, а потом рассмеялся.

— А ты, Вар, мужик себе на уме, как я погляжу...

— Просто знаю себе цену.

— Ладно, я над кубышкой не трясусь. Пусть будет так.

Похоже, я только что снова получил работу.

День пролетел незаметно. Фараон ушел куда-то наверх и там время от времени чем-то гремел — не то переставлял мебель, не то проводил ремонтные работы. Я особо не прислушивался, потому что был занят. Кухонная плита была в отличном состоянии, вот только одна из форсунок немного забилась. Кстати, откуда здесь берется газ? Когда я, улучив момент, поймал своего компаньона, спустившегося на первый этаж, и задал ему этот вопрос, в ответ получил только недоуменное пожатие плечами.

— Слушай, а черт его знает, — сказал Фараон озадаченно. — Ты вот сейчас спросил, и я впервые об этом задумался. Откуда-то берется... Не самое удивительное здесь, правда?

Что верно, то верно. Я выбросил газовый вопрос из головы и продолжил приводить кухню в порядок. Отдраил все рабочие поверхности, мойку и кафель. Провел строгую инвентаризацию столовых приборов и ножей. Окаменевший с незапамятных времен сыр, обнаруженный мной в одном из шкафов, использовал как пресс-папье для бумаг, положив головку сыра за стойку. Вымыл окно. В общем, проваландался до самого вечера, даже до ночи. Так увлекся, что не заметил, как часы показали — мол, до полуночи-то осталось всего ничего. Вырезка, томленная в духовке, кстати, получилась на удивление хорошо, без всяких превращений и гадостей со стороны неведомых зловредных сил. Вытащил, попробовал — вкусно.

— Ладно, я спать, — усталый Фараон отставил пустую тарелку в сторону и потопал к лестнице. — Наверху для тебя готова комната, я там кое-что поменял. Не спать же тебе в каморке, тем более что там ноги вытянуть толком некуда. Для ребенка комната, конечно, вполне годилась, но ты-то, братец, не ребенок...

Когда я добрался до своего нового, и теперь уже, похоже, постоянного обиталища, то обнаружил, что Фараон перенес мою сумку в комнату раза в два побольше. Здесь было светло и чисто, стояла железная кровать, которую я мысленно окрестил «полутораспальной». Еще в комнате был деревянный двухстворчатый шкаф с зеркалом на дверце, письменный стол с лампой а-ля «мечта бюрократа», торшер, два стула и черное потертое кожаное кресло. На стене над кроватью висела картина в рамке — парусник, попавший в бурю. Весьма неплохо написанная картина, надо сказать, и даже оригинал, судя по мазкам краски и трещинкам на холсте. Не комната, а мечта усталого путника, одним словом.

Дальше все было быстро и просто. Выйдя из душа, я доплелся до кровати, рухнул на нее и сразу выключился, словно внутри погасили лампочку. Щелк — и нет Варфоломея, только пустота, темнота и обрывки непонятных снов.

Глава 5. Как приготовить фугу

Варфоломей

Утром меня разбудил стук в дверь. Из окна сквозь плотную штору пробивался лучик солнца, рисовавший на деревянном полу яркую тонкую полоску.

— Вставай, Вар, — раздался из-за двери голос Фараона. — Нас ждут великие дела. Кстати, мы в Японии, друг мой. И даже, похоже, не в прошлом, а очень даже здесь и сейчас.

Что? Япония? Да быть не... Я аж подпрыгнул, почти в прыжке сунул ноги в штанины джинсов, напялил единственную футболку, которая нашлась в сумке вместе с джинсовой же курткой, и бодро сбежал по лестнице вниз. Теперь я понял, что за мысль всю ночь билась в стенки моего черепа, оставляя за собой полуразмытый шлейф из сновидений. Япония тут была как нельзя кстати.

— Ты чего такой радостный? — подозрительно осведомился Фараон, скребя густую щетину и зевая так, что становился похож на карьерный экскаватор.

— Есть идея, — сказал я.

— Идея? Везет тебе, Вар. У меня с утра идея только одна — как бы проснуться.

— Есть идея, — повторил я, — как нам разобраться с твоим мануанусом.

— Ну-ну, — скептически поднял бровь Бриан (вот честное слово, никак не могу определиться, как же мне все-таки его называть!). — У меня целая тетрадь таких идей. Ни одна, кстати, не сработала. Ладно, рассказывай, что ты там придумал?

— Фугу, — коротко ответил я. Теперь уже обе брови Фараона поползли вверх.

— Фугу?

— Фугу.

— Фугу... Это рыба такая?

— Да.

— Ядовитая?

— Да.

— Смертельно опасная?

— Только в неумелых руках.

— Из нее ведь что-то готовят?

— Готовят.

— И как?

— Вкусно.

— Слушай, Вар, — не выдержал Фараон, — давай уже подробнее! А то получается диалог, как в романе Дюма. Я же не Атос, а ты не Гримо, к тому же нам не платят построчно... Что там с фугу-то?

— Когда я учился в Японии, меня натаסקали в этом искусстве. Любопытная тема.

— Но это же и правда ядовитая рыба! Как ее есть можно вообще?

— Ядовитыми у фугу являются только некоторые части. Печень, икра, почки, кожа... Обработка тушки занимает примерно три десятка этапов, ошибиться тут нельзя, — пояснил я. — Люди платят большие деньги не для того, чтобы отбросить копыта только потому, что повар где-то что-то не доделал.

— И? — Фараон по-прежнему не понимал.

— Меня учили все делать правильно. Но не только. Еще меня по доброте душевной и

совершенно нелегально учили, как сделать так, чтобы рыба была ядовитой, но не смертельно.

— А это-то кому нужно? — недоумевал мой собеседник.

— Старинное искусство. Говорят, его практиковали со времен первых шиноби... ну, то есть, ниндзя. Старые мастера верят, что фугу способна похитить душу человека и подчинить его тому, кто приготовил блюдо. Это если, конечно, отравить едока, но не до конца.

— Вот как... — задумчиво сказал Фараон.

— Ага. Поэтому мы приготовим фугу. И будем ее есть.

— Чего? — Фараон замахал руками. — Я вообще рыбу как-то не очень! А уж фугу особенно!

— А как же «фиш энд чипс»? — ехидно спросил я. — Все британцы любят «фиш энд чипс», мне рассказывали.

— Во-первых, не все! Во-вторых, я валлиец! А в-третьих, там точно нет фугу. Я сто раз ел «фиш энд чипс» и не боялся, что меня потом увезут на скорой!

— И сейчас не увезут, — успокоил я его. — Если уж отравишься, то скорая никак тебе не поможет.

— Ну спасибо, — вздохнул валлиец.

— Но мы будем... — тут я вдруг подумал, что у стен могут быть уши. В прямом смысле слова. Поэтому я наклонился к самому уху Фараона и прошептал:

— Будем есть абсолютно нормальную рыбу, я это гарантирую. А потом пойдем спать. А еще одну тарелочку аппетитной фугу оставим на столе.

Мой собеседник схватывал все на лету.

— Ага, — сказал он шепотом. — Ладно. А где мы ее...

— А вот за этим, — сказал я уже в полный голос, вставая со стула, — я сейчас и отправлюсь. Можешь быть уверен, места я знаю.

За порогом было лето, жара и относительно тихий по меркам Токио переулок. То, что это Токио, я узнал сразу — не одну сотню километров намотал по этим улицам, переполненным бурлящей толпой, где строгие однотонные костюмы сарарименов, спешащих перекусить в обеденный перерыв, щедро разбавлены самыми безумными нарядами и цветами, от которых голова идет кругом.

Я замер на пороге, потому что в голову вдруг пришла простая, но пугающая мысль. Я повернулся к маячившему позади меня Фараону.

— Слушай, а назад-то вернуться проблем не будет?

— Да с чего бы? — искренне удивился тот. — Ты, главное, до полуночи возвращайся, а дальше все просто: постучишь в дверь вот так, — тут Фараон костяшками пальцев изобразил на барной стойке немудреный стук типа «дай-дай-закурить», — и я тебе открою.

— Ладно, — вздохнул я, потом отвернулся и решительно шагнул вперед. За спиной со стуком захлопнулась дверь. Я огляделся по сторонам. Кривая, мощеная светлой брусчаткой улочка загибалась куда-то вверх, и была такой узкой, что на машине здесь вряд ли можно было проехать. Не улочка, так, переулочек. Мой взгляд зацепился за фонарик-вывеску небольшого ресторанчика, стоящий прямо на брусчатке около фонарного столба. Вывеска показалась знакомой. Стоп-стоп... точно! Именно в этом заведении лет семь назад, когда я жил в Токио, мы кутили со знакомыми студентами из Бельгии. Неплохо посидели, очень неплохо. Бельгийцы, как я ни пытался их отговорить от этого безрассудного шага, налегали на саке. Очень уж захотелось ребятам отведать экзотики. И совершенно зря, кстати.

Подогретое саке невысокого качества — штука для непривычного человека очень коварная, да и привычные от него косятся только так. Так что пришлось мне потом вызывать такси, а поскольку пробраться по кривому переулочку водитель не смог — то я, как самый трезвый, таскал ужравшихся в сопли студентов и складывал на заднем сиденье. Пришлось сунуть таксисту еще пару бумажек за хлопоты, хоть такое в Японии и не принято. Но уж больно парень переживал за чистоту сиденья, и я его понимаю. Сам я вернулся в ресторанчик и с удовольствием продолжил пить вместе с единственной «выжившей». По-моему, мадемуазель звали Бриджит... или как-то еще.

Помотав головой, чтобы избавиться от воспоминаний, я довольно хмыкнул. Знакомый ресторанчик — это значит, квартал Кагурадзака, а Кагурадзака — это значит, то, что нужно. Здесь, в переулках неподалеку от главной улицы, тьма-тьмущая таких вот кафе, ресторанчиков и лавок, в которых продают... проще сказать, чего тут не продают. Но мне нужна была одна, совершенно определенная лавка. Прикинув в уме, я прогулочным шагом двинулся по переулочку. Пересек более-менее широкую улицу Васеда-дори и снова попал в мешанину переулков.

Нужную дверь я отыскал сразу же, в стене между вывеской трактира Идзакая и каким-то магазином товаров для дома. Напротив, кстати, красовалась вывеска «Якитория Фуми-тян». Кто-токая Фуми-тян, я понятия не имел, да это было, в общем-то и неважно. Я толкнул выкрашенную в неброский коричневый цвет дверь и вошел внутрь.

В лавке все было точно так же, как и семь лет назад. Даже лампочка у входа по-прежнему мигала, мельтеша тенями. Я прислушался. А, вот, чьи-то шаги.

Хозяин лавки был тощ, лыс, как колено и немолод. На носу он таскал круглые очки в металлической оправе, был одет в джинсы и темный свитер, из-под которого виднелся потрепанный воротник клетчатой рубашки. Ну ты погляди, а? Есть вещи, которые никогда не меняются.

— Приветствую! — подслеповато сощурившись, взмахнул руками хозяин. — Как я могу вам помочь?

— Миура-сан, — сказал я, выходя из-под мигающей лампы, от которой у меня уже начали болеть глаза, на свет, — рад тебя видеть. Я смотрю, ты так и не вызвал электрика? Все экономишь, старый ты скряга? Даже вывеской не обзавелся.

— Позвольте, позвольте... — забормотал Миура. Он сдернул с хрящеватого носа очки, протер их носовым платком, потом опять водрузил на место и уставился на меня. — Быть не может... Вару-сан?

— Узнал, старый черт, узнал, — по-японски, но с интонацией Ивана Вараввы из фильма «Офицеры» сказал я и крепко пожал руку хозяину лавки.

— Вот это да! — Миура развел руками, ухитрившись в тесноте своего заведения ничего не опрокинуть. — Невероятно! Где тебя носило столько лет? Я слышал, ты уехал к себе на север....

— Да, это правда, — кивнув, подтвердил я. — А сейчас вот, вернулся, как дикий длинноносый варвар-турист. Только фотоаппарата у меня нет, и я к тебе по делу.

— Да какие могут быть дела! — возмущенно прогнусавил Миура (у него был совершенно неподражаемый говор, как он сам говорил — наследие от папаши-рыбака). — Давай-ка для начала за встречу!

— У тебя же рабочий день в разгаре, — укоризненно сказал я.

— Да кого это волнует? — отмахнулся Миура, доставая откуда-то из-под крошечного

прилавка бутылку и два стакана. Я присмотрелся: островной шотландский. Да, Миура оставался верен себе.

Когда огненная жидкость со вкусом йода, торфа и пропитанных креозотом шпал прокатилась по гортани и ухнула в желудок, я шумно выдохнул и поставил стакан на прилавок.

— Вот теперь верю, что это ты, — осуждающе прокомментировал Миура, — потому что только варвар может вот так пить хороший виски.

Сам он пил не спеша, смакуя скотч по глоточку.

— Да брось, — я пожал плечами. — Сам знаешь, что все эти правила для виски придумали маркетологи, чтобы подороже драть за бутылку с доверчивых туристов. Простые шотландцы во все времена пили именно так: поднял, хлопнул до дна, бахнул доньшком об стойку бара, позвал бармена, попросил повторить. Если хочется побыстрее, запил пивком.

— Ладно, ладно, — поморщился Миура, трепетно относившийся ко всему, что было связано с виски, — все с тобой понятно. Еще по одной?

— Почему нет?

... — Эх, Вару-сан! Сколько воды утекло с тех пор, а? Помнишь, как ты первый раз вошел в эту дверь?

— Я тогда прятался от полицейского, который хотел выписать мне штраф, — рассмеялся я. — Кто же знал, что здесь я встречу хорошего человека?

— Э-э... — расчувствовавшийся Миура хлопнул меня по плечу. — Скажешь тоже... А все-таки, Вару-сан, сейчас-то ты зачем пришел? Ведь не просто же вспомнить старые деньки?

— Да какие они старые? — буркнул я. — Всего-то семь лет назад. Хотя ты прав, в Токио время летит, как пуля, не уследишь.

— Кстати! — вдруг воскликнул хозяин лавки и сдвинул очки на лоб. — Недавно забегала Томико, ее послал в лавку Оката-сан...

Я медленно поставил пустой стакан на прилавок. Сердце почему-то дало перебой, и оставалось только надеяться, что на моем лице не отразилось смятение, в которое меня повергла эта фраза Миуры.

— Томико? Как она?

— А ты знаешь, совсем уже взрослая! Ей ведь восемнадцать недавно исполнилось. Очень красивая, просто глаз не оторвать. Рассказывала, что учится в университете, хочет поехать на стажировку в Англию, что ли.

— Да, — сказал я, — летит время.

Мне было очень стыдно. Последний раз я писал Томико несколько лет назад, потом еще как-то раз звонил, а потом — замотала жизнь, как это бывает, наверное, со всеми и каждым. А мне до сих пор приходят от нее поздравления с днем рожденья... «Ну и сволочь же ты, Варфоломей!» — мысленно обругал я себя.

— М-да-а, — неопределенно протянул я вслух, чтобы как-то съехать со скользкой темы. — Ладно, Миура-сан, все-таки позволь мне спросить тебя о деле, а то времени у меня осталось не так много...

Я описал то, что мне нужно, и японец задумался.

— Нашел, чего просить, — наконец озадаченно протянул Миура. — Нет, ты понимаешь, с фугу-то проблем никаких. За час до твоего прихода доставили свежайшую партию, вечером мне предстоит приготовить ее для... ну, неважно. А вот смесь специй, про которые ты

спрашиваешь, мне уже давно не попадалась. Я слышал, что старый мастер, который знал секрет этих трав, уже умер. Хотя погоди-ка... по-моему, что-то у меня еще есть.

Я знал, что есть наверняка, потому что Миура всегда руководствовался золотым правилом «запас карман не тянет». Поэтому сейчас я просто спокойно сидел и ждал, пока приятель грохотал чем-то и чихал, издавая невнятные возгласы. Наконец, Миура, пятась боком, как краб, вылез из кладовки и протянул мне пластиковую банку. Внутри что-то шуршало.

— Все, что есть, — смущенно сказал он. — Извини, Вару-сан.

— Да мне больше и не надо, — успокоил я его. — Спасибо. Слушай, отлично поговорили, но мне уже пора.

— Эх, — Миура явственно расстроился, но удерживать меня не стал, только почесал в затылке. — Когда теперь появишься?

— Когда появлюсь — сразу же зайду. Честное слово.

Я уже переходил Васеда-дори, когда вдруг услышал за спиной торопливые шаги и окрик:

— Эй! Вару-сан! Ты, что ли?

Голос был знакомым. Я обернулся и едва не плюнул от досады. Широко и неприятно улыбаясь, меня догонял Акира Хисида, один из кедай, или «старших братков», как принято называть мелких бандюганов в составе клана якудза. А как вы думали? Якудза — это не только бандиты из азиатских боевиков. Вполне себе реальные группировки, которые делятся на бригады и отделения, соблюдают иерархию и строгие правила. Короче, так себе удовольствие. Насмотрелся я на манеры этих упырей, когда пахал здесь в ресторане, постигая суровую науку восточной кухни.

Но главная бяка была в другом. Этот самый Акира изрядно попортил мне кровушки в свое время. Не спрашивайте, как. Хотя, я и сам расскажу. Старый Оката, внучку которого, как вы помните, мне удалось вытащить из пруда, упорно отказывался платить браткам из якудзы, крышевавшим тот район. Дело могло обернуться совсем худой стороной, потому что антикварная лавка — кусочек хоть и небольшой, но весьма лакомый. Но тут вмешался рыцарь в сияющих доспехах... то есть, в куртке повара, конечно. Мне удалось утрясти вопрос — главным образом благодаря тому, что местному боссу ужасно нравилась пара фирменных блюд в моем исполнении. А дальше — дело техники и вовремя сказанных слов. От лавки Окаты бандиты отстали, но мелкий говнюк Акира, которому тогда только-только стукнуло девятнадцать, меня здорово невзлюбил. Потому что прилюдно получил от босса по мордасам и опозорился прямо на глазах старого Окаты и его внучки.

И вот сейчас этот повзрослевший отморозок, упакованный в щеголеватый костюмчик с галстуком, догонял меня.

— А я смотрю — ты или нет! — фальшиво скалясь, подошел он поближе. — Какая встреча!

— Чего тебе? — хмуро спросил я. — Район здесь вообще не твой, если не ошибаюсь.

— Ну вот, — деланно огорчился Акира. — Я к нему со всей душой, а он... Просто я здесь по делам, понял? А вот у нас с тобой, кажется, есть незаконченное дельце, да?

— Нет у меня с тобой никаких дел, шпаненок, — спокойно сказал я ему, с наслаждением наблюдая, как глумливая улыбочка пропадает с узкого лица и сменяется бешенством. — Просто потеряйся, пока я тебе не поправил твою прическу.

Его рука невольно дернулась к внутреннему карману пиджака. Я засмеялся.

— Воу-воу, полегче, братан! Станешь палить на виду у людей, прямо тут? Не попутал ничего?

Акира справился с собой и снова заулыбался.

— Зачем палить? Я вдруг вспомнил, что давно не навещал лавку Окаты. Очень давно... зато его внучку... Томико, кажется? — видел ее недавно. Красивая девушка. Самое время познакомиться с ней поближе. Ты как, не против?

Я почувствовал, как у меня немеет лицо, будто я стоял на сильном морозе. Волна бешенства нахлынула изнутри, голова стала пустой и звонкой. Но я заставил себя равнодушно улыбнуться. Решение пришло сразу.

— А почему бы мне быть против? Дело твое, я тут вообще проездом, — я сделал вид, что задумался, потом примирительно выставил руки ладонями вперед. — Как-то неправильно мы начали разговор, Акира-сан, ты так не считаешь? Слушай, может выпьем, поговорим нормально? Я тут знаю одно местечко, хозяин мне обязан, так что поставит лучший виски.

В глазах Акиры я увидел торжествующее презрение: все, попался гайдзин, теперь никуда не денется, можно выжимать досуха. Но он тоже улыбнулся.

— Неплохая мысль. Давай, веди, что ли.

В пустом тупичке, куда я свернул после пяти минут петляния по лабиринтам переулков, не было ни души.

— Что за дела? — Акира настороженно осматривался. — И где твое местечко?

— Да вот оно! — сделав удивленное лицо, я показал на какую-то дверь возле мусорного бака. — Вывески нет, ну и что? Здесь, кстати, играют, не только пьют. Чисто для своих, понимаешь?

Я сделал вид, что хочу постучать в дверь и встал вполоборота. Браток расслабился, вальяжно сунул руки в карманы брюк. Зря ты это про Томико, сволочь...

Он дернулся в сторону, но не успел. Порубите-ка мясо и рыбу с мое, когда тебя все время подгоняет су-шеф и некогда даже вытереть пот со лба. Сталь Зангецу развалила череп Акиры с поразительной легкостью — только хрустнуло глухо, как будто расколосся переспелый арбуз. Хрусть, чавк, глухой шум от падения — и больше ничего, ни звука. Времени у меня не было совсем, зато я точно знал, что во всех этих переулках нет ни одной камеры. Странно для высокотехнологичного Токио, конечно.

Нет, я не маньяк. Я просто повар, который вырос в «лихие девяностые». И никакой жалости к подобным типам у меня нет. Поэтому Акира компактно уместился в мусорном баке, который я для верности подкатил, чтобы закрыть лужу крови. В левом рукаве у подростка нашлся узкий длинный нож, который, похоже, он не раз пускал в дело. Так что я лишь немного опередил шустрого паренька.

— Эпитафии не будет, — сказал я крышке бака, послушно лязгнувшей под моими руками в перчатках. Потом я посмотрел на свои ладони. Пальцы не дрожали.

Фараон открыл мне дверь почти мгновенно, как будто все это время стоял там и прислушивался.

— Быстро ты, — одобрительно проворчал он. — Все нашел?

— Ага, — отозвался я. — Если знаешь, где искать, то зря времени не тратишь.

— И что теперь?

— Теперь?

Я зашел на кухню и выгрузил фугу и специи из рюкзака. Посмотрел на разделочный

стол и плиту.

— Теперь я буду готовить, а ты, если хочешь, смотри, но только тихо. Тут под руку говорить опасно. Я, конечно, делал фугу не один раз, но это штука такая... Восток — дело тонкое, Петруха.

— Что? — не понял Фараон.

— Не берите в голову, коллега, это просто цитата. В общем, мне понадобится предельная скорость и сосредоточенность. Настоящее фугу-дзюцу для самураев!

Взмах. Еще взмах. Надрезать вокруг рта. Чешую долой. Теперь глаза и позвоночник. Некоторые удаляют голову целиком, но я предпочитаю оставить, просто надо вытащить мозги, а чтобы это сделать, нужна верная рука. Теперь внутренности... очень аккуратно, очень точно. Печень рыбы-собаки — это настоящий склад яда. Так. Сделано. Аккуратно убрать шкурку. Разделяваем на филе. Теперь режем так, чтобы кусочки просвечивали насквозь, как лепестки... Осталось промыть, и еще раз, и еще.

Сейчас ресторанный повар должен красиво разложить тонюсенькие ломтики на тарелке и подать гостям вместе с особым соусом. Но мы этого делать не будем. Точнее, будем, но только с одной порцией. А вот для второй мне понадобятся ядовитая печень и перчатки, потому что в ход вступает *тот самый* старинный рецепт. Печень и еще кое-что из большой пластиковой банки от Миуры.

Когда я оторвался от фугу, обработал ножи горячим паром, упаковал ядовитые остатки и как следует вымыл стол, уже темнело. Фараон сидел у окна, задумчиво опираясь щекой на кулак и зверски зевал.

— Готово? — встрепенулся он, хлопая покрасневшими глазами.

— Само собой! — с энтузиазмом, от которого даже актер провинциального театра упал бы в обморок, вскричал я, одновременно глазами показывая ему вокруг, на потолок и стены, и страшно ими вращая. — Да я ничего вкуснее в жизни не готовил! Это шедевр, я тебе клянусь! Ты просто пальчики оближешь, или даже проглотишь!

Трехногий стул в углу негодуя скрипнул, или мне просто показалось. Но я продолжал:

— Тащи-ка бутылочку саке, которую я принес! Только не надо подогревать, ладно? Это настоящий божественный напиток, а не какой-нибудь скверный самогон! Без саке ты не прочувствуешь всего восторга, который я тебе приготовил!

Стул скрипнул еще раз, теперь издевательски, и я коротко пнул по одной из ножек. Палец ушиб, между прочим. Зато зачарованная мебель обиженно замолчала. Продолжая бурно восторгаться в пространство и воздевать руки к небу, я разложил ломтики фугу на две тарелки. В середине первой поставил чашечку с традиционным уксусным соусом понзу.

А вот со второй пришлось повозиться. К счастью, в Фараоне вдруг тоже проснулся актерский талант, куда более убедительный, чем у меня. Ахая и охая, демонстративно пуская слюни над первой тарелкой, он унес ее в зал, поставил на стол и занялся сервировкой: безупречно белые салфетки, серебряные палочки для еды, бутылка охлажденного саке (я не поспешил и заплатил Миуре бешеные деньги за бутылку отменного «Дзюммай Дайгиндзё», которого не постыдились бы даже при дворе императора). Само собой — редька дайкон, мелко нарезанный лук и красный перец на столе оказались тоже. Все честь по чести.

Я тщательно вымыл руки, снял фартук и торжественно прихорошился. Не переставая болтать. Улучив момент, мой валлийский приятель, с вдохновением великого трагика метавшийся между холодильником и залом, подобрался поближе и шепнул мне на ухо:

— Что с рыбой делать?

— Ты забыл? Рыбу мы будем есть! — свирепо прошептал я. — Садись за стол!

К чести Фараона, надо сказать, что при упоминании о предстоящем нам пиршестве он не изменился в лице. Ну, почти.

Мы уселись за стол, и я взял на себя обязанности распорядителя. То есть, проще говоря — налил в чашечки-сакадзуки охлажденный sake, с удовольствием втянул носом тонкий аромат и жестом предложил Фараону поднять свою чашечку. Что он незамедлительно и выполнил.

— Буду краток, — сказал я. — Кампай!

Мы выпили. Я взял палочки и прокричал куда-то в потолок:

— О, неужели сейчас я исполню давнюю мечту? О, сколько лет я не пробовал это нежнейшее кушанье! Ты не представляешь, друг мой, как тебе повезло — ведь ты отведаешь фугу впервые!

Хозяин паба серьезно кивнул и заголосил в ответ:

— Вот это да, Вар! Невероятно! Тот, кто этого не ел хотя бы однажды — считай, что и не жил на свете!

Так, продолжая обмениваться громкими речами, мы уцепили палочками по ломтику рыбы, окунули ее в понзу и начали жевать. Фараон делал это с некоторой опаской, я же был абсолютно спокоен — зря, что ли, мне столько раз прилетало по спине бамбуковым дрыном от почтенного Миуры-сан? В свое время дядька был выдающимся мастером приготовления фугу, слава его гремела по всей стране, пока он не решил, что с него хватит и не удалился на покой, торговать в своей крохотной лавчонке.

— Действительно вкусно! — удивленно сказал Фараон, но я мрачно покосился на него, и валлиец снова заголосил, расхваливая неземное наслаждение. Второе блюдо стояло поодаль, мы то и дело косились на него, и я приговаривал:

— А это мы оставим на завтра! Душа радуется, как подумаю, что завтра нас ждет продолжение!

Бутылка sake опустела. Я встал из-за стола, потянулся до хруста в позвоночнике и нарочито широко зевнул.

— Пойду-ка спать, — заявил я громко. И отправился в свою комнату. За спиной с подвыванием и вполне искренне зевнул Фараон.

— Я, пожалуй, тоже. Спокойной ночи!

Было темно, когда я проснулся от страшного треска. Весь паб ходил ходуном, с потолка сыпалась пыль, половицы в комнате страшно стучали. Пока я продираю глаза, кровать трянуло так, что я слетел на пол и здорово треснулся локтем и коленом. Матерясь в голос, я принялся натягивать штаны, пытаюсь удержаться на ногах посреди всего этого хаоса. Ощущения были такие, словно я на корабле, который именно сейчас попал в шторм и вот-вот пойдет ко дну.

Пока я пытался поймать ручку двери, паб трянуло еще пару раз — особенно сильно. И вдруг наступила мертвая тишина. Я прислушался к ощущениям. Ничего не тряслось, вестибулярный аппарат не рапортовал о каких-то незапланированных изменениях в пространстве. И тут я услышал какой-то жалобный, приглушенный дверями звук: не то стон, не то писк. На всякий случай я вооружился, цапнув из свертка Сигурэ, который удобно лег в ладонь. Потом я открыл дверь и спустился по лестнице.

Фараон уже был внизу. Он стоял на пороге зала и ошеломленно осматривался. Я тоже

огляделся и понял, что разделяю чувства хозяина заведения. Посмотреть было на что. В зале царил полный разгром. Тяжеленные столы валялись, перевернутые вверх ногами, на барной стойке я заметил какие-то осколки. Но все это показалось незначительной деталью, когда я присмотрелся к тому, что творится в центре зала, где стоял стол, за которым мы вчера ели фугу.

Этот стол был в порядке — то есть, уверенно стоял, как ему и подобает, столешницей вверх. Вторая тарелка, на которой вчера красовались ломтики ядовитого лакомства, была совершенно пуста. Рядом высилось что-то непонятное. Прищурившись, я хмыкнул. Это была здоровенная куча свежего помета, неприятно синего цвета и еще дымившаяся. Доски столешницы под кучей шипели и курились белым дымком.

— Нормально так, — задумчиво сказал я.

— Вя-я-я-я-я-я, — откуда-то из-под стола раздался тоненький, слабый и жалобный визг. — Вя-я-я-я-я...

Фараон бесстрашно подошел поближе, присел на корточки и посмотрел под стол.

— Так вот ты какой, — сказал он спустя несколько секунд, — Мануанус Инферналис...

— Вя-я-я-я-я, — опять слабо и жалобно ответили ему. Я тоже заглянул под стол. Там, посреди осколков разбитой тарелки, пожеванных салфеток и завязанных узлом палочек-хаси со следами острых зубов, лежало что-то странное. Больше всего это существо было похоже на помесь синей ошипанной индейки, ежа и тушканчика. Правда, у него был длинный хобот, который сейчас болтался беспомощно, как тряпочка. Существо лежало, выставив туго набитый живот, покрытый редкой щетиной, и судорожно дергало длинной, тощей перепончатой лапой.

— Вя-я-я-я-я-я... — провякало оно еще жалобнее. Потом индейкоежа шумно стошнило. В воздухе запахло рыбой и уксусом.

— Теперь ты понял? — задумчиво спросил Фараон, устроившись на стуле. — Понял, что даже на тебя найдется управа?

— Вя-я-я... — каким-то образом существо ухитрилось придать своему стону утвердительную интонацию.

— Понял, что наше терпение не железное? Думаешь, если ты бессмертный или типа того, мы не можем сделать так, чтобы твоя жизнь превратилась в кошмар?

Еще одно утвердительное жалобное «вя» донеслось из-под стола.

— У меня там, — Фараон махнул рукой в сторону кухни, — есть целый мешок активированного угля. И всяких средств для прочистки желудка. Если ты пообещаешь, что больше не будешь пакостить, я, пожалуй, подумаю о том, чтобы тебе выдать хорошую порцию.

Вяканье существа участилось, и бледный хобот несколько раз дернулся.

— А может, выбросим его за дверь, а? — злобно спросил я, изображая «плохого копа». — Выбросим, запремся, а потом, пока он приходит в себя, мы уже перенесемся куда-нибудь, и привет!

Фараон сделал вид, что задумался. Существо под столом притихло и только попискивало совсем жалобно, урча животом и дергая лапой.

— Да нет, — наконец решил валлиец. — Ну куда ему идти? Ты посмотри на него. Пропадет... ладно уж, пусть остается. Но только чтобы ни-ни, понял?!

Дождавшись утвердительного «вя», Фараон смилостивился.

— Вар, — попросил он, — будь другом. Принеси мешок с лекарствами из кухни,

хорошо?

Я пожал плечами и отправился на кухню.

— Клизму брать? — спросил мстительно, выглядывая из дверей.

— Клизму... — протянул Фараон.

— Нет! Вя-я-я... — пискнули из-под стола.

— Ладно, обойдемся без клизмы. А все остальное тащи!

Вот так паб «Дубовый лист» наконец-то пришел в полный порядок. И даже обзавелся кем-то вроде бесплатного охранника. Что же до повара, превращенного в стул, то все оказалось не так просто, но это, как говорится, уже другая история.

Глава 6. Смерть — это только начало

Фараон и Вар

— Слушай, это же надо было так... — Фараон долго пытался подобрать слово поприличнее, и Вар видел, как шевелятся его губы в беззвучной попытке удержать ругательство. Потом валлиец сдался и обреченно махнул рукой. — Так на-ко-ся-чить.

Слово «накосячить» Фараон произнес по-русски и даже довольно чисто, хоть и по складам.

— А чего сразу я? — вскинулся Варфоломей. Потом вспомнил и погас лицом. — Ну да, точно я... Но ты тоже хорош!

— Я? — в свою очередь изумился Фараон. — Постой-постой, с этого места поподробнее, друг мой. В чем моя вина, по-твоему?

— Мог бы меня и остановить вовремя, — угрюмо сказал повар, крутя в руках пустую стопку. Зачем-то поднес ее к носу, понюхал и передернулся.

— Хорошая текила, — укоризненно посмотрел на него хозяин «Дубового листа». — Чего ты кривишься?

— В рот ее больше не возьму. Никогда. Даже не уговаривай.

— И не собирался. А насчет «остановить вовремя» — ты хоть помнишь, каким ты был в тот самый момент?

— Как же я могу это помнить, — пробурчал Варфоломей, — если я с трудом помнил, как папу с мамой звали...

— Вот-вот. А я, знаешь ли, пока еще не совсем спятил, чтобы пытаться остановить двухметрового голема со стеклянными глазами, который рвется обслужить сразу всех сеньорит в заведении.

— Обслужить? — с ужасом переспросил Варфоломей. — Я?

— Ну да... Тьфу ты, Вар! Я в смысле — всем налить, поулыбаться и отвесить комплименты, а не то, что ты подумал!

— Аллилуйя... — обессиленно прохрипел его приятель, утирая холодный пот полотенцем. — Знаешь, мне сразу полегчало.

— По тебе как-то не скажешь, — критически хмыкнул валлиец. — Синий, как Мануанус после фугу.

Повар передернулся и сжал виски ладонями.

— Не напоминал бы ты, а... — но тут, судя по резко остановившемуся взгляду, его осенила какая-то мысль. Варфоломей поднял глаза на лампу в модном стиле «лофт» и тихо спросил:

— Это ты сделал?

Лампа безмолвствовала. Фараон прищурился и хотел что-то сказать, но поднял бровь и тоже посмотрел на медный плафон под потолком.

— А ведь верно... Эй! Слушай, если это твоих рук... лап... хобота дело, то все, молись. Мы тебя предупреждали в прошлый раз.

Оба замолчали и вдруг заревели в один голос:

— МАНУАМУС, ТВАРЬ ТЫ ЩЕТИНИСТАЯ! ЭТО ТЫ СДЕЛАЛ!?!?

Люстра задрожала и замигала. Потом из-за блестящего начищенного плафона высунулась тощая лапка и раздался короткий испуганный писк:

— Нет!

— Не он, — вздохнул Варфоломей.

— Уверен? — подозрительно осведомился Фараон, на всякий случай прикидывая, чем бы тяжелым запустить в лампу.

— Да уверен, уверен, — скривился коллега. — Ему прошлого раза хватило с избытком. Да и пообещал он. Нет, дружище, нет. Это мы сами. Я, в основном. Теперь надо думать, как из всей этой кучи дурно пахнущего вещества выкарабкаться. И желательно, как можно быстрее. Иначе мало нам не покажется.

Фараон мрачно кивнул головой.

— Похмелиться бы! — по-русски простонал Варфоломей, прижимая ко лбу стакан с кубиками льда. — Но нельзя.

— Почему? — с невольным интересом спросил валлиец.

— Потому что качественное опохмеление ведет к длительному запою, вот почему. Не забывай, я все-таки из России.

— Я думал, у вас там так принято — каждый день похмеляться...

— Ну да. В перерывах между растопкой реактора, кормежкой медведя и игре на балалайке посреди бескрайних сугробов центральной улицы. Иногда меня потрясает твое знание наших старинных славянских обычаев, Бриан. Может, ты еще и любимый русский тост знаешь?

— Конечно, — уверенно сказал Фараон. — Na zdrowje, spasibo!

— Пожалуйста, — мрачно отозвался лысый повар. Он встал и пошел на кухню, бормоча себе под нос:

— Чай... Мне нужен чай... Много крепкого чая.

Хозяин паба остался в одиночестве. Мужчина задумчиво поерошил седую конкистадорскую бородку и прошептал:

— «Подарите мне то, чего у меня никогда не было». Интересно, сеньорита, что вы имели в виду? Или вы все-таки сеньора?

Некоторое время назад. Варфоломей

Я проснулся и понял, что кто-то настойчиво трясет меня за плечо. Приоткрыл один глаз. В комнате было уже светло, а надо мной склонилось знакомое бородатое лицо, приговаривающее: «Вставай, вставай скорее!»

— Елки-палки, Фараон! — возмутился я. — Ты бы хоть постучался сначала!

— Думаешь, я не стучался? — пожал острыми плечами валлиец. — Чуть руку себе не отшиб! Там, на двери снаружи, по-моему, остались вмятины от моего кулака. А ты храпишь и даже ухом не ведешь.

— Это потому, что у меня совесть чистая, — зевнул я.

— Ну да, — ехидно сказал мой работодатель, — или очень вовремя появляющаяся глухота.

— Ты меня зачем разбудил? Что, пожар? — я решил, что препираться можно бесконечно, а лучший вид защиты — это нападение.

— Почти, — лаконично отозвался Фараон.

И тут я вдруг понял, что за окном стоит грохот, который не может заглушить даже толстая двойная рама. Похоже было, что на улице идет перестрелка, будто схлестнулись две небольшие армии.

— Что за ерунда? — растерялся я.

— Мексика, Вар! — воздел валлиец к потолку длинный указательный палец.

— Да ну? Шутишь! — обрадовался я. Всегда мечтал побывать в Мексике, но до сих пор как-то не везло: то билеты подорожают, то расстанусь с очередной подругой и фью! — в трубу вылетели планы на отпуск.

— Не-а, не шучу, — хохотнул Фараон. — И не просто Мексика, парень! Это не стрельба и не разборки наркокартелей. Сегодня Диа де Лос Муэртос!

— День мертвых? — удивился я. — Это когда кругом сахарные черепа, скелеты, все поют и пьют за дорогих усопших?

— В общем, да. Поэтому вставай, умывайся и приводи себя в порядок. А я пойду, загляну в шкаф со спиртным. Чувствую, денек будет горячий...

Он как в воду глядел.

Когда я спустился вниз, Фараон уже готовился отпереть входную дверь. Фейерверк снаружи, как ни странно, притих, зато музыка орала вовсю.

— Бодрые здесь покойнички, — сказал я.

— Скорее, их родня, — отозвался валлиец, лязгая замком. — Слушай, Вар, а ты с мексиканской-то кухней знаком?

Я некоторое время размышлял, стоит ли оскорбиться в ответ на такой, явно провокационный вопрос. Потом решил, что мне лень.

— Знаком, — ответил я, надевая фартук. — Тебе что приготовить? Фахитас, энчиладас, тако, буррито, чили кон карне с какао или просто классический? Может быть, чумичанги? Или простецкую тортилью с гуакамолем? А вдруг ты фанат какао и пихаешь его во все блюда? Тогда для тебя подойдет моле «Колорадито». Могу еще...

— Хватит, хватит! — Фараон замахал руками. — Верю. Слушай, я-то всегда думал, что мексиканская еда — это всякий фастфуд, который продают на улицах. Цапнул и побежал, жуя на ходу.

— Дикарь, — с отвращением резюмировал я. — Это фиш энд чипс ваши — фастфуд!

— Не наши они! — взбеленился мой компаньон. — Это все англичане!

— А Уэльс где?

— Ну и что? Все равно мы сами по себе!

— Уэльс для уэльсцев! — продекламировал я на манер футбольной кричалки.

— Для валлийцев, во-первых. А во-вторых, это ты брось, — сказал Фараон серьезно. — Это мы уже проходили. Сначала «Уэльс для валлийцев», а потом в паб никто не заходит и сплошные убытки, потому что туристов как корова языком слизала, а надписи на местном языке никто прочитать не может даже на пьяную голову.

Он даже перестал открывать дверь и облокотился на стену, рассеянно покручивая на пальце кольцо с ключами.

— Ладно, — сказал я примирительно. — А что у вас входит в традиционную кухню?

— Э-э... — мой компаньон почесал висок и завис на некоторое время. — Ну... вот лук-порей у нас любят...

Я подавился глотком холодного чая, который поспешно допивал из большой фаянсовой кружки с гербом Уэльса на боку.

— Чего? Это же приправа!

— А я и не говорю, что порей у нас основное блюдо! — огрызнулся смущенный Фараон. — Просто любят его... Вот нарцисс у нас когда-то принято было на десерт подавать, еще при римлянах.

— Сам видел? — ехидно полюбопытствовал я.

— Иди ты...

— Друг мой Фараон! — вдохновенно обратился я к пустому залу. — Цветы надо дарить женщинам или ставить в вазе на стол. Для красоты. А не есть!

— Сам я не ел, — отрезал валлиец. — Вот же ты прицепился! Ну, гуляш у нас едят. Каул называется. Из баранины, с картошкой, морковкой...

— Пореем... — невинно вставил я.

— И пореем! — зыркнул на меня Фараон. — Между прочим, баранина у нас просто шикарная, куда там ирландской. Под ячменную лепешечку да по тарелочке каула... эх!

— Надо бы приготовить, — задумчиво отозвался я.

— И на десерт, — не слушая меня, продолжал хозяин паба, — добрый кусок Бара Брит.

— Это я знаю, — обрадовался я, — это кекс такой с изюмом!

— Значит, ты все-таки не безнадежен, — резюмировал Фараон.

Я хотел было ответить, но он уже лязгнул засовом и распахнул дверь. Теплый ветер дунул внутрь и принес с собой несколько леденцовых оберток и смятых ярких афишек. Музыка звенела и переливалась, и я вдруг почувствовал, что внутри тоже что-то откликается на этот гитарный перезвон.

— Карнавал, — крикнул Фараон из глубины зала. — Пора выставлять текилу!

Он не успел договорить, а на порог паба уже шагнула разномастная компания — несколько усатых мужиков в расстегнутых почти до пупа цветастых рубашках, с ними две женщины, весело пересмеивающиеся между собой. Одна из них грызла «калаверу» — сахарный череп на палочке.

— Ага! Хосе не дурак, Хосе привел вас в нужное место, ребята! — приветственно потряс кулаком пузатый мужик с седыми висками. Выглядел он крепко поддатым, как, впрочем, и вся его компания, но не было в нем ни капли агрессивности, сплошное дружелюбие. Он увидел Фараона и радостно заголосил: — Друг, можно нам выпить? В горле сухо, как в пустыне!

— А то! — не менее радостно отозвался валлиец. — Милости просим!

Компания заголосила еще веселее, и всем скопом бухнулась за стол.

Я уже не удивлялся тому, что прекрасно понимаю все, что они говорят. Если уж окунулся в чудеса, так давай, делай это по самую макушку, без оглядки на скучную реальность.

— Давайте выпьем за моего деда! — пузатый мужик тут же взял инициативу в свои руки. Литровая бутылка мескаля нарисовалась перед ним практически из воздуха. Ай да Фараон, настоящий кудесник.

— Чтоб меня! Это же мескаль Дель Магве... — благоговейно прошептал пузатый. — Бутылка сорокового года. Нет, синьор, — он покачал головой, стирая ладонью пыль с пузатой бутылки, — эта штука нам не по карману, несите чего попроще.

— За счет заведения, друзья! — царственно отмахнулся старина Бриан. На секунду мне даже показалось, что вместо клетчатой рубашки на нем вдруг образовался ослепительно белый костюм.

— Ого, — ошеломленно крикнул приятель пузатого, — вот это да!

— Сегодня можно, — успокоил его валлиец. — Сегодня такой день. Так что, сеньориты и синьоры, давайте-ка выпьем за дедушку этого достойного человека, хоть я и не имел счастья его знать.

— Для меня это слишком крепко, — пропищала миниатюрная брюнетка, принюхиваясь к мескалю. Этого я уже не мог выдержать.

— Позвольте-ка, — сказал я, подходя к столику, — я смешаю вам чудесный коктейль «Гусано Рохо». Не ту попсу, которую подают туристам-гринго... кстати, мы тоже гринго, только не американо... а настоящий коктейль, сладкий, как поцелуй!

— Ой, — кокетливо заулыбалась брюнетка, — ну, если вы так говорите...

— Он не просто повар, — успокоил мексиканку Фараон. — Он кудесник, каких мало.

— И правда, выговор у вас не как у американцев, — сказал пузатый, улыбаясь. — Кстати, я Хосе. Откуда вы, ребята?

— Руссо, — кратко отрекомендовался я.

— О! — вся компания зашумела одобрительно. — Руссо!

— Хм, — Фараон почесал в затылке. — Пожалуй, я тоже руссо. Объяснять, что такое Уэльс, мне чертовски лень. Не хватало еще, чтобы они сломали язык и мозг над всякими там словами типа «кымраг».

Я закончил смешивать коктейль — имбирное пиво оказалось именно такой температуры, какая была нужна — и подал стакан брюнетке. Пригубив, она восторженно выдохнула: — Ого!

— А можно и мне? — попросила ее подруга.

— С нашим удовольствием...

День мертвых катился по Мексике, разнося во все уголки веселье, перемешанное с печалью, щелкая сахарными челюстями калавер и кастаньетами танцовщиц. А «Дубовый лист» поскрипывал под напором посетителей. Шумные компании появлялись и исчезали, кто-то пел под гитару, спиртное лилось даже не рекой, а океанским потоком.

— У нас что, холодильник бездонный? — улучив момент, спросил я Фараона.

— Не бери в голову, — спокойно ответил тот, — еще ни разу не было такого, чтобы кому-то не хватило.

— Удобно...

В углу зала, на крошечной сцене (кстати, откуда она там?) брэнчал на пианино (а пианино у нас с каких пор?) музыкант. При взгляде на него я как-то даже притормозил посредине всей этой суматохи и присмотрелся внимательнее. Мужчина выглядел колоритно. Во-первых, он был в цилиндре. Пыльный, сдвинутый на затылок, когда-то лакированный цилиндр, совершенно точно — настоящий, не реквизит какой-нибудь. Во-вторых, на мужчине был фрак с засученными до локтей рукавами. Фрак был надет прямо на голое, смуглое и худощавое тело. На шее у мужика болтались многочисленные медальоны, с виду золотые. Вся эта коллекция цацек должна была весить полкило, не меньше. Довершали прикид потертые голубые джинсы и, почему-то, кеды «конверс». Мужчина упоенно лабал какой-то регтайм, и получалось у него это весьма неплохо. В зубах смуглого франта дымилась толстенная сигара, а я никак не мог отделаться от чувства какой-то неправильности. Барон Самеди, под которого успешно косил дяденька, в мексиканский праздник не очень-то вписывался.

В это время мужчина в цилиндре оглянулся через плечо и посмотрел прямо на меня, будто прочитав мои мысли. Взгляд у него оказался холодный и очень цепкий. Но потом мужик улыбнулся, коротким движением сбил цилиндр совсем на затылок, так что стало совершенно непонятно — как он там держится — и снова забарабанил по клавишам.

— Э, братан, — услышал я, и кто-то хлопнул меня по плечу, — давай бегом, тащи

текилу!

Я вздохнул и повернулся на голос. Патлатая харя с нечесаной бородой осклабилась мне в лицо. От хари несло перегаром так, что можно было поднести спичку и забыть потом про кабака навсегда, потому что взрывом бы разнесло все в щепки.

— Ты, что ли, здесь за официанта? — икнул бородатый. — Бегом, я говорю!

— Волшебное слово знаешь? — спросил я его, внимательно глядя мимо, на призывно улыбающуюся девчонку в синей куртке, украшенной принтом Катрины Калаверы.

— Че? — патлатый сгреб меня за фартук. Мне стало скучно, и я ударил, представив на мгновение, что передо мной свинья отбивная, которую надо срочно довести до нужной степени мягкости. Звякнуло, грохнуло, дверь открылась и закрылась, а просека, оставленная спиной бородатого в толпе наших гостей, тут же затянулась.

— Во дает! — восхищенно присвистнул худой лысый парень с татуировкой в виде затылочной вязи готических букв на макушке. — Это же был сам Чич, король армрестлинга.

— Был, — согласился я кротко. — Теперь не будет.

— За это надо выпить, брат!

Он протянул мне бутылку. Я поискал глазами Фараона и, к своему негодованию, обнаружил, что мой работодатель вместо того, чтобы стоять за барной стойкой, развалился, нога на ногу, возле одного из столов, за которым расположилась стайка синьорин угрожающе юного возраста. Фараон что-то им рассказывал, а они заливались смехом. При этом валлиец то и дело прикладывался к горлышку объемистой квадратной бутылки.

— Да и хрен с ним! — выдохнул я. — Однова живем!

— Что-что? — не понял лысый паренек.

— Спасибо за угощение, говорю, — улыбнулся я, взял у него бутылку и сделал большой глоток.

Меня закружило и понесло, разум оставался при мне, но выхватывал из калейдоскопа лиц и моментов только отдельные кусочки, которые вспыхивали и гасли, как ночные искры над костром. Вот мы с Фараоном пляшем что-то безумное посреди зала — не то джигу, не то цыганочку с выходом. Вот я пью на брудершафт с какой-то почтенной дамой, годящейся мне в бабушки, а потом она меня целует — как-то больно уж горячо для бабули. Дневной свет за окнами вдруг сменяется вечерними сумерками. Пустая стопка передо мной снова полна до краев.

Кто-то легко задел меня плечом, почти невесомо, но от этого меня почему-то трянуло, как от хорошего удара током. Я дернулся и мотнул головой.

Это была черноволосая девушка с удивительной, алебастрово-белой кожей точеного лица. В волосах у нее переливалась невероятно красная роза, а роскошное, в пол платье, было расшито алыми и черными цветами, которые выглядели ну просто как живые. Девушка коротко глянула на меня и улыбнулась, блеснув ослепительно-белыми зубами, а потом подмигнула ярко-синим глазом. Я не успел ни о чем подумать, как тело отреагировало само, и моя левая рука отвесила проплывающей мимо синьорине нахальный шлепок по обтянутой шелком платья попке. Немного севернее это точно записали бы в харассмент.

Девушка резко остановилась на полушаге и трянула гривой черных волос. Потом повернулась ко мне. Я замер. Злости в ее взгляде не было — скорее, какое-то любопытство и толика лукавого веселья. Она стояла как раз под лампой, но половина ее невероятно прекрасного лица почему-то скрывалась в густой, почти черной тени. И тут я даже протрезвел: мне показалось, что эта половина усмехнулась мне жемчужной улыбкой

лишенного кожи и мышц черепа, расписанного изящными узорами. Я почувствовал, что трезвею, и помотал головой.

Девушка была на месте, с лицом у нее было все в порядке.

— А вы... нахал, — сказала она бархатным, грудным голосом, от которого у меня внутри будто разлился глоток самого лучшего виски.

— Простите, бога ради, я нечаянно, — покаянно повесил я голову, — сам не знаю, что на меня нашло. Я готов искупить вину!

Она еще несколько секунд смотрела на меня, прищурившись, потом рассмеялась. Да, ребята, это бы такой смех, за который, по-моему, люди отдают полцарства, а то и все ненужное царство целиком.

Фараон, который каким-то образом оказался у меня за спиной, чувствительно ткнул меня между лопаток.

— Эх ты, русский медведь! — укоризненно сказал он. Я готов был провалиться сквозь землю.

— Ничего, — сквозь смех сказала девушка. — Сегодня Диа де Лос Муэртос. Сегодня всем прощается очень многое.

Она кивнула и вдруг словно растворилась в веселящейся толпе. Я перевел дух, провел ладонью по лбу и с удивлением понял, что вся моя лысина мокрая от холодного пота, будто я только что сунул башку под душ. Да что на меня нашло?

Совсем стемнело, и как-то сразу оказалось, что в пабе, который теперь выглядел очень по-мексикански, существенно поубавилось людей. Постепенно гостей становилось все меньше, показались первые свободные столики, а потом затихло пианино, и мужчина в цилиндре, приподняв на прощание свой головной убор, выскользнул за двери «Дубового листа». Моя голова гудела от выпитого, но при этом пьяным я себя не ощущал — скорее уж, готовым гулять до самого утра и своротить не одну гору. Знакомое ощущение, но вот что интересно: последний раз я ловил такую волну еще в студенческие годы, и после это не повторялось.

Я выдохнул, потянулся и опустился на стул около барной стойки. Паб совсем опустел.

— Славно погудели, — сказал Фараон, — давно такого не было.

Старик тоже выглядел довольным, глаза его блестели от выпитого.

— Ну что, — спросил я у него, — будем закрываться?

— Вот как? — внезапно прозвучал у меня за спиной знакомый бархатный голос, от звуков которого я подпрыгнул на стуле. — Закрываться? Фу, как скучно. И никто даже не угостит бедную девушку горячим шоколадом?

— Я сделаю лучше, синьорита, — сказал я. — Сейчас я сварю вам не какой-то банальный шоколад, который можно получить в любой забегаловке. Я сделаю вам настоящий чампуррадо.

— О-о, — протянула она, садясь рядом и касаясь меня плечом, прикрытым чем-то вроде мантильи, — прямо-таки настоящий?

— Убедитесь сами.

— Охотно.

Кукурузная мука оказалась в шкафчике со специями. Другие специи, что удивительно, были там же. Вечно мне «везет», и приправы приходится искать то в аптечке, а то в холодильнике, но на этот раз подвоха не было.

Я помешивал чампуррадо до тех пор, пока не счел напиток полностью готовым. Потом

налил его в большой глиняный стакан, поставил стакан на поднос и вышел в зал.

Фараон, задумавшись о чем-то, сидел за барной стойкой, подперев голову ладонью, и молча смотрел на девушку, которая бродила по залу, разглядывая жестяные таблички, автомобильные номера и вязанки острого перца-халапеньо, развешанные тут и там. У портрета Элвиса с автографом Короля она покачала головой, чему-то улыбнулась и тут заметила меня с подносом.

— Так быстро, — восхитилась она.

— Думаю, что древние майя готовили эту штуку еще быстрее. Все дело в сноровке.

— Да я бы не сказала, что быстрее... — загадочно отозвалась незнакомка.

— Кстати, — я решил ликвидировать досадный пробел, — мы с вами так и не познакомились. Я Варфоломей, Вар, или, если угодно, Бартоломью. Хотя последний вариант мне совсем не нравится. Вон тот мрачный тип — Фараон.

— Вар, — мелодично повторила наша гостья. — Вар — хорошо. А я...

Она призадумалась, потом сказала: — Я — Катрина.

— Катрина? — переспросил я. — Очень популярное имя в этот день.

— Верно, — снова раздался мелодичный смех. Девушка взяла стакан, осторожно подула на дымящийся напиток и отхлебнула. — Ух! Вы меня поразили, Вар. Это отличный чампуррадо.

Мы с Фараоном довольно переглянулись. Я повернулся, чтобы отвесить Катрине еще какой-то комплимент, и с ужасом увидел, что девушка, подобрав платье, усаживается на трехногий стул. Какого черта он тут делает? Я же его на кухню убирал!

— Не-ет! — взвыл я не своим голосом. — Не надо!

Фараон проследил за моим взглядом, и его глаза стали круглыми, как у героя аниме.

— Нет! — заорал он вслед за мной.

Поздно.

Проклятая ножка подвернулась, девушка взмахнула руками, стакан, кувыркаясь, подлетел к потолку. «Хана, — удивительно спокойно подумал я. — Там же кипяток». Но Катрина одним изящным движением успела отодвинуться. Так что чампуррадо только забрызгал подол ее роскошного платья, превратив шелк в коричневую тряпку.

Ледяной разряд пробежал у меня вдоль позвоночника. Все вокруг замерло, время растянулось, как паутина, в которой завязли мы с Фараоном. Откуда-то сверху упала тьма, в которой потонул весь зал, и только Катрина осталась посреди единственного светлого пятна. Она поглядела прямо на меня. Теперь я не мог ошибиться. Вместо половины лица у девушки был скалящийся белый череп, на котором сплетались и расплетались живые линии текучих узоров, распускались и осыпались цветы и листья.

— Как вы посмели? — спросила она. — Как вы посмели оскорбить богиню Миктлансиуатль?

Я больше не был пьян. Мне казалось, что алкоголь выветрился из моего организма бессчетные века назад, и я уже целую вечность вишу в этой темноте. Но я все-таки ухитрился пробормотать:

— Это просто случайность, честное слово. Этот стул вообще не должен был тут оказаться...

Мои губы обжигало смертельным холодом, изо рта шел пар, и я видел, как осколки глиняного стакана на полу покрываются кристаллами инея.

Катрина, Миктлансиуатль, грозная богиня смерти и самое прекрасное существо в моей

жизни, смотрела на меня ослепительно синими, ледяными глазами. Потом она оказалась совсем рядом. А потом прикоснулась к моей щеке ледяными, но одновременно обжигающе горячими пальчиками.

— Только поэтому вы оба еще живы, — прозвучало у меня в ушах, и этот голос был бархатным и режущим, как бритва, смоченная в меду. — Только поэтому. Я прощу вас. Но чтобы это случилось, вы должны подарить мне то, чего у меня никогда не было.

— Что подарить? — каркнул я пересохшим ртом.

— А я не знаю, — развела руками Катрина. — Придумайте! И поторопитесь. С каждым днем опасность над вами будет сгущаться.

Она помолчала и вдруг рассмеялась.

— А ты мне нравишься, Вар. Отличный чампуррадо, и сам ты ничего. Пожалуй, я должна оставить тебе что-то на память, — девушка задумчиво покусала белоснежными зубами нижнюю губу, потом хихикнула. — Придумала!

Я не успел даже пошевелиться, когда почувствовал, как узкая ладошка скользит мне под куртку и прижимается к обнаженной коже. А потом заскрипел зубами от острой боли и одновременно — от непередаваемого наслаждения. Короткая вспышка невозможных ощущений, радужные круги перед глазами. И голос, отдаляющийся и затихающий:

— Пока, мальчики. Не теряйте времени!

Дверь паба хлопнула, и наступила тишина.

— О-бал-деть, — простучал зубами Фараон. С его лица сыпался иней, тающий на полированной стойке.

— Да, — согласился я. Трудно было не согласиться.

— Мне надо вып-п-пить.

— Хватит уже, — сказал я. — Попили.

Грудь горела, я медленно расстегнул куртку и взглянул на кожу. Потрясно. Расскажи кому, не поверят.

Мне подмигивала Катрина Калавера — яркая свеженькая татуировка в олдскульной манере. Такие картинки выкалывали на себе моряки парусников, изрядно принявшие на грудь где-нибудь в Гонолулу. Красавица с розой в волосах, все как полагается. Вот только вместо одной половины лица — узорный череп.

— Слушай, это же надо было так... так на-ко-ся-чить, — обреченно сказал Фараон.

Я вздохнул.

— А чего сразу я?

Глава 7. Было дело на Юконе

Доусон никогда не спит.

Это закон.

Клондайк и Юкон могут потечь вспять, снег может растаять глубокой зимой — но Доусон не спит. Здесь все время кипит жизнь. Зачем тратить лишнюю минуту на сон, если можно провести это время куда веселее? Например, вломиться в салун «У Гарри», где разбитные девочки вертят попками на дощатой сцене, а виски, пусть и паленый — ух, как пробирает, похлеще, чем дома, где-нибудь во Фриско или в Нью-Йорке. Да есть ли он, тот Нью-Йорк? Любой, кто пробыл здесь, на Севере больше года, только ухмыльнется презрительно, слушая, как зеленый новичок-чечако всюю расписывает свои приключения на Миссисипи. Потому что нет никакой Миссисипи. И Фриско нет. Вранье это все, выдумка досужих болтунов, которым делать нечего, кроме как трепать языком. Есть только бесконечная полярная ночь, вой пурги над старательскими хижинами, обмороженные руки и скрип санных полозьев по снегу, жесткому, как наждак, от мороза. Сплюнешь — и затрещит замерзающий плевком. Промедлишь — и останешься в этих снегах навечно, и волки не побрезгуют прибрать твои кости.

Но золото манит к себе, встает волшебным миражом. Поэтому Доусон не спит. Иллюминация здесь почище, чем в ином столичном городе — куда ни глянь, всюду светятся окошки салунов, мюзик-холлов (громкое название для бревенчатого дома) игорных домов и прочих заведений, предназначение у которых только одно. Выманить побольше денег у любого, кому улыбнулась удача на прииске. И сделать это как можно быстрее. А с деньгами, как и со способами с ними распрощаться, тут проблем нет. Только шагни на улицу, и вот уже налево — заведение «Орхидея», где у Рыжей Нэтти вместо передних зубов — бриллианты чистой воды, а уж что она вытворяет с помощью своих пухлых губок, за которыми эти бриллианты прячутся — просто не описать. Направо — цирюльник «Жан из Парижа», который еще недавно был Джоном из Массачусетса, а за его «кабинетом» прячется бойцовский ринг, где можно размять кости и поставить на кон все те же самородки.

Вот, например, вчера — Гризли Билл, дюжий детина, весь заросший дикой рыжей бородищей, из-под которой видно было только горящие от лютого нетерпения глаза, ворвался в Доусон на своей упряжке, от которой валил пар, и напрямик кинулся в контору, где взвешивают и оценивают намытое золото. Даже не стал распрягать упряжку или привязывать собак — так и бросил посреди улицы. А в конторе — крякнул от натуги и взвалил на стол мешок, в котором золота было не меньше шестидесяти фунтов. И здоровенным самородком, размером с кулак боксера, припечатал сверху. Обвел конторских торжествующим взглядом: мол, видали, а? знай наших! Но, как бы ни торопился Гризли, а был он далеко не дурак. Сначала сдал взвешенное золото на хранение, под присмотр парней с кольцами, и только потом свистнул мальчишку, сунул ему мелкий самородок и наказал присмотреть за собаками. А сам кинулся в ближайшее питейное заведение.

— Душа горит! — заорал с порога. — Эй, малый, плесни лучшего пойла, которое есть! Да не на два пальца, лей полный стакан! — и сыпанул на весы невозмутимому кабатчику щедрую порцию золотого песка.

— Лей, тебе говорят!

Налили. И выпил Гризли Билл полный стакан этого «Старого очищенного», способного

дыру прожечь в дубовой доске. Даже не поморщился.

— Еще!

Без проблем, виски имелся с избытком. Налили еще. Только с третьего стакана Билла немного развезло. Он уселся на колченогий табурет за неструганым столом, подтянул к себе бутылку, услужливо поданную кабатчиком, и принялся рассказывать всем и каждому, кто был готов его слушать, как золотишко само, прямо дуром перло к нему с каждой промывкой.

— Сполоснул лоток — а на дне будто масло намазали в палец толщиной! Я смекаю — Билл, вот тут тебе козырная карта привалила! И давай шуровать. За день намыл не меньше чем на тысячу долларов, вот ей-богу!

— Это где ж такое? — охнул Сандерсон, тощий швед с куцей пегой бородой, замученный кашлем, рвущим ему легкие — застудил в самом начале зимы на Фортимайле. Но пьяный Гризли Билл, даром что уже глаза в кучу, вдруг глянул на него остро и пронзительно.

— А что, Сандерсон? Любопытствуешь к чему?

— Да я просто... — растерялся тощий. — Все же интересно.

— Интересно, говоришь? Ну так я тебе скажу: там, где я застолбил, вот где! — и довольный Билл захохотал во всю глотку. А потом схватил в охапку одну из девиц, которые, конечно, тут как тут при виде удачливого старателя — и потащил, визжащую для вида, наверх по скрипучей лестнице, в «номера». Девица в тот вечер своего не упустила, обслужила Гризли как надо на железной кровати с никелированными шарами, и оставила с пустыми карманами, так что с утра тому пришлось идти в контору и отсыпать еще золотишка. А потом Билл и пара охранников отправились из Доусона на юг.

— Хочу пожить, как человек! — сказал Гризли, опрокинув напоследок стакан «Старого очищенного» и нахлобучив шапку. — Чтобы, значит, вокруг меня слуги, все эти «подай-принеси», а я в костюме, в котелке и в начищенных ботинках! И никаких рож ваших, от которых уже блевать тянет.

Никто не обиделся, потому что все понимали: повезло человеку, и он в своем праве. А потом Гризли Билл вернется — и это тоже знали все. Вернется, чтобы снова попытаться ухватить фортуна за ее верткий хвост, который вечно маячит перед каждым юконским старателем, хоть раз державшим в руках унцию золотого песка.

Так что в Доусоне было совсем не скучно. Здесь пили, стреляли, резались насмерть, плясали так, что каблуки отлетали, и все это время швыряли направо и налево пачки денег и горсти самородков. Да уж, всяких чудачеств хватало сполна. Все помнили случай с коровой, которую Том Христиансен, хозяин салуна, заказал пароходом. Все судачили об этом на каждом углу и сходились во мнении, что Том «маленько повернулся головой». Но Христиансен знал, что делал. Корова приплыла по Юкону, ее, мычащую, выгрузили на пристани, и, чавкая уличной грязью, доставили прямехонько в шикарный танцзал, где на полу лежал полированный паркет. А там Христиансен лично уселся на стул и умело подоил корову. За стаканом парного молока выстроилась длинная очередь — вот тут-то и оказалось, что один такой стаканчик обойдется желающему аж в двадцать долларов! Это тебе не чертов однодолларовый вискарь, которого кругом было хоть залейся. Молоко расхватили мгновенно, а вторую партию целиком купила мадам Бонне, звезда самого роскошного в Доусоне музыкального шоу. Та самая, которой Большой Алек, легенда Юкона, подарил золотой сервиз и кувшин для умывания.

Золотая лихорадка пришла на Клондайк.

И уходить сейчас, в 1898 году от Рождества Христова, отсюда пока что не собиралась.

— Слышь, братан! — нетвердым языком обратился изрядно набравшийся Джордж Скромби к своему компаньону Сэму Миллзу. Сэм в это самое время старательно поливал угол какой-то хижины, избавляя организм от излишков выпитого.

— Чего? — отозвался Сэм, громогласно икая. — Что — ик! — стряслось, Джордж?

— Чё это за салун такой, а? Ты его помнишь?

— Какой еще салун?

Сэм подтянул меховые штаны, ежась от ледяного ветра и, прищурившись, глянул туда, куда тыкал корявым пальцем Скромби. К своему удивлению, он увидел основательный дом из квадратного бруса, с крепкой, обшитой железом дверью и вывеской над ней «Салун Отдохни малость. Лучший виски в Канаде и Штатах».

— Врут, поди! — усомнился такому заявлению Сэм. — Откуда в Доусоне лучший виски? Здешнюю мочу только такие как мы с тобой и могут пить. Какой-нибудь хляк-жентельмен с юга от одного стаканчика враз с копыт свалится.

— А давай-ка зайдем, брат! Заодно и убедимся, так ли хорошо там угощают. А? Что думаешь?

— Отчего не зайти? — покладисто согласился Скромби. Золотой песок в мешочке будто прожигал дыру в кармане и настойчиво просился на волю, чтобы быть потраченным на разные развеселые дела. Зря, что ли, они пахали как проклятые целый месяц, замерзая в едва натопленной хижине, а ночами слушая волчий вой? Зато добыча того стоила — полновесное золото, сверкающее и желтое, как летнее солнце.

— Ну, вперед! — проорал Сэм, заглушая свист ветра. Он шагнул на крыльцо, где имелась даже — вот неслыханное дело для этих мест! — железная решетка для очистки обуви, и решительно рванул дверь на себя.

Фараон

В Доусоне мы застряли на несколько дней.

Неслыханное дело. Раньше такое, насколько я помню, случилось лишь однажды.

С каждым новым днем моя тревога росла все сильнее. Как-то совсем не хотелось провести остаток жизни в этой чертовой дыре — пусть даже сейчас здесь обитала уйма народа, и каждый день прибывали новые искатели удачи. Да, конечно, в юности я зачитывался рассказами Джека Лондона и повестями Брет Гарта... романтика Севера, суровые первопроходцы, золотые россыпи и закон револьвера. Но одно дело читать об этом, сидя в кресле с чашкой чая, и совсем другое — когда эта романтика вдруг оказывается со всех сторон. К тому же, в пабе исчезло электричество, и вместо нормальных ламп повсюду появились коптящие керосинки. Я и не думал раньше, сколько хлопот может быть даже с одной-единственной керосиновой лампой.

Из хороших новостей: виски у нас было хоть залейся, причем такого, которого в это время в реальной истории еще не придумали. Почему-то это были два сорта — кукурузный «Вирджиния Лайтинг» и ржаной «Олд Оверхолт». Оба отменного качества, но совершенно непонятно, почему не бурбон. Ладно, от добра добра не ищут. Тем более, что я попробовал здешнюю мерзость, которую безбожно разбавляли во всех местных салунах, и понял, что ни глотка больше не сделаю. По вкусу это было похоже на паяльную кислоту, разбавленную не менее мерзким кофе — для цвета. Поговаривали, что в этот «виски» галлонами вливают соус табаско и сыплют красный перец. «Чтобы по мозгам шибало», — как выразился один старатель, с которым я успел познакомиться.

Я чуть голову не сломал, пытаюсь понять, что случилось, и в результате все время возвращался к одному и тому же: все связано с той самой мексиканской вечеринкой, на которой мы с Варом так неудачно подсунули не тот стул сеньорите Катрине. Похоже, у нас наступили веселые времена.

— Эй, Вар, — спросил я, — Катрина... она, похоже, сказала, что ей от нас нужен подарок?

— Все верно, — невесело отозвался парень. Бедняга все еще переживал за свой поступок.

— Брось расстраиваться, — я хлопнул повара по плечу. — Что должно случиться, то все равно случится, хотим мы этого, или нет. Лучше давай подумаем, что интересного мы можем отсюда притащить для твоей... хм... красотки?

Вар вздохнул. Потом подумал и неуверенно предположил:

— Золото? Шкура белого медведя? Лоток старателя?

— Золото отпадает сразу, — поморщился я. — Ты не забыл, кто у нас Катрина? А? То-то! У нее наверняка за долгую жизнь этого металла было полным-полно. Шкура медведя — белого ты ближе Гренландии не найдешь. А лоток старателя... ты имеешь в виду эту жестяную посудину для промывки породы?

— Ага, — кивнул мой приятель.

— Боюсь, что если ты рискнешь преподнести нашей смертоносной знакомой такой подарочек, то схлопочешь им же по голове. Честное слово, Вар, эти лотки годятся только чтобы из них кормить какую-нибудь кошку. Насмотрелся я в музеях, когда путешествовал туристом по Калифорнии.

— А что тогда? — уныло пожал плечами повар.

— Будем думать! — веско сказал я. — Пока что у нас есть виски, «золотая лихорадка» и полный Доусон людей, которым не терпится получить от жизни все. Так что жарь стейки, а я пойду, почищу дробовик.

— Интересно, есть ли у нас мясо? — задумчиво спросил Вар в пространство. — Свежее. Сочное. Много...

Я не успел ответить, потому что истрепанная побуревшая портьера, теперь скрывающая вход на второй этаж, вдруг зашевелилась. На портьере, кстати, был криво и косо напечатан полинявший от времени портрет какого-то военного — не то генерала Гранта, не то генерала Ли. «Не перепутать бы, если кто решит полюбопытствовать, — подумал я, — а то можно накликать неприятности». Из-за портьеры высунулась знакомая щетинистая лапка.

— Есь! — хрипло пропищал наш невольный спутник, и раздрающе закашлялся.

— Есь... — шепотом повторил он. — Тамь. Кусь. Мясь!

Щетинистая лапка ткнула в сторону кухни.

— Мануанус, пользу приносящий, — я покачал головой. — Что дальше? На Клондайке вырастут пальмы?

— А наш сизый дружок, похоже, простыл, — подметил Вар. Мануанус негодуяще засопел, высунул из-за портьеры свой неопрятный хобот и чихнул.

— Мёрзь! — объявил он. — Весь! Снег кусь...

— Библейский монстр, — ехидно ухмыльнулся повар. — Гроза гробниц, ужас Иисуса Навина. Ел снег в Доусоне.

— Грусть, — согласился я.

— Грусь! — пропищал мануанус.

— Брысь, — меланхолично завершил дискуссию мой компаньон и пошел на кухню. Через минуту оттуда раздался его довольный и ощутимо озадаченный голос.

— Слушай, Бриан, мясо у нас тоже есть. И вот что интересно: это австралийская мраморная говядина. Высшего класса, хоть сейчас в мишленовский ресторан! Этот твой паб довольно избирателен, тебе не кажется?

— Еще бы! — гордо ответил я. — Понимаешь, мы, валлийцы, готовы ходить в лохмотьях, зато еда у нас самая лучшая.

Лысый детина что-то хрюкнул в ответ (я так и не понял, согласен он со мной или нет) и принялся греметь посудой.

А я пошел за дробовиком.

Знаю я эти времена — почитывал всякое. Это только в кино белозубый Смок Беллью и его благородный друг Малыш ловко преодолевают все трудности на Клондайке, успевая шутить, посмеиваться и принимать картинные позы. Реальность, как обычно, куда суровее и грязнее, чем на экране.

В этот момент дверь в паб распахнулась, и внутрь, вместе с клубами морозного пара, ввалились два ярких представителя этой самой реальности.

Варфоломей

Я пластал мясо на кухне, размышляя о превратностях судьбы и особенностях кулинарии здешних мест. Интересно, что никакого удивления я не чувствовал, словно бы организм уже сам, автоматически перестраивался на мировосприятие эпохи, в которой оказывался наш «Дубовый лист». Даже то, что на мне грубые штаны, отдаленно напоминающие что-то очень знакомое, и холщовая рубаха с высоким воротником на костяных пуговицах, я заметил не сразу. Более тщательный осмотр штанов меня все-таки удивил. Заклепки на карманах, грубый синий деним... потертый кожаный лейбл на заднице — ба, да это же «ливайсь»! Почти современные джинсы, хотя джинсами здесь и сейчас их еще никто не называет, все предпочитают загадочное «комбинезон без верха». Зато заклепки имеются даже на ширинке — вот это я понимаю, основательный подход. Говорят, эти самые клепки от конской сбруи убрали с ширинки только после того, как стали поступать многочисленные жалобы от суровых парней — лесорубов, золотоискателей и прочих ковбоев. Не один из них, сидя у костра с широко расставленными ногами и без нижнего белья, обжег себе хозяйство накалившейся заклепкой. Приятного мало.

Но у меня здесь никакого костра не было, так что заклепки мне не мешали. Оправив фартук, я продолжал рубить стейки и одновременно прислушивался к тому, что творится в зале.

— Эй, приятель! — заблажил один из двоих, круглолицый мужичок с висячими усами. — Мне бы горло промочить!

— Запросто, — отозвался Фараон, выставляя на стол две толстых стопки зеленого стекла. — А товарищу твоему?

— А товарищ — ик! — за себя сам скажет, — проворчал второй, крепко сбитый дядя с большой щербиной в зубах и нехорошим шрамом на лбу. — Мне того же, что ему.

Они подошли к стойке и принялись развязывать холщовые мешочки, как по волшебству, появившиеся в узловатых пальцах.

— Ну это... Где у тебя тут...

— Чего изволите? — непонимающе спросил валлиец.

— Весы, чего же еще! Золотишко взвесить!

— А. вон что. Это запросто.

Рука Фараона нырнула под стойку, и он тут же взгромоздил на стол весы. Две латунные чашки на цепочках, набор гирек — все чин по чину.

— Во, это дело другое! — распространяя вокруг себя густейший запах перегара, осклабился круглолицый. — Бумажек мы с собой не носим, уж извини.

Он влез щепотью в мешочек и щедро сыпанул на чашку весов сверкающий желтый песок.

Фараон невозмутимо, как будто всю жизнь только этим и занимался, произвел расчет и выставил на стойку бутылку виски.

— Такого не пил, — прохрипел щербатый. — Что за дрянь?

— Это не дрянь, джентльмены! — с достоинством провозгласил хозяин паба. — Это лучший ржаной виски, который вы пробовали до сих пор!

— Все так говорят, — отмахнулся мужик со шрамом. — Верно, Сэм?

— Слова — пыль, — веско подытожил Фараон, — а вот личная дегустация...

— Чего? — разинул рот круглолицый Сэм.

— Я говорю — надо пробовать. Ваше здоровье, джентльмены, и пусть удача наступает вам на пятки!

Мой приятель молниеносно наполнил третью стопку и опрокинул ее себе в рот. Двое местных последовали его примеру.

— Ух! — крякнул Сэм. — Джордж, да это же чистый нектар! Прямо как в лучших заведениях!

— Будто бывал ты в лучших заведениях, ага, — покривился щербатый. — Но что верно, то верно, пошло хоть куда. Я такого и не пробовал, а ведь спроси кого хочешь, все скажут, что Сэм Миллз пивал везде и всюду!

— Еще по одной? — спросил Фараон.

— Не спрашивай, — хрипнул Джордж, утирая костяшкой пальца невольную слезу умиления. — Наливай! Да не эту фитюльку, лей в стакан!

И корявые лапищи снова потянулись к заветным мешочкам.

Я покачал головой. Да, вот так и происходит самый обычный процесс расставания с денежными средствами в обмен на горячительные напитки. Наверное, еще при Хаммурапи было то же самое. Хотя...

Додумать свое «хотя» я не успел.

Дверь снова распахнулась, и вместе с паром в паб вломилась заиндевелевшая фигура.

— Доктора! — выкрикнула она. — Доктора, ради всего святого, черт вас побери!

Фараон и Вар

Двое пьянчужек, которые уже изрядно опростали свои золотые запасы, повернулись к двери, забыв про выпивку. Краем глаза Фараон заметил, что оба стакана, оставленные на стойке, мистическим образом опустели. Из-за линялой портьеры раздалось довольное урчание.

— Твою мать! — яростно прошептал он в сторону портьеры и погрозил кулаком. — прилично себя веди!

— Мёрзь... Шерсь неть! — жалобно пропищали в ответ. К счастью, этого никто не услышал.

Заиндевелевшая фигура шагнула вперед, снежные хлопья посыпались на пол.

— Доктора! — с отчаянием в голосе снова выкрикнул высокий бородатый здоровяк в

меховой куртке и треухе.

— Что случилось, сэр? — спросил его Фараон с металлическими нотками в голосе. — Успокойтесь, говорите яснее, что у вас за беда?

Варфоломей тоже вышел из кухни и вопросительно уставился на гостя.

— Бен Фергюссон там, на санях, ногу придавило деревом... кость наружу... чертов коновал Смитсон спит, как полено, пьяная скотина... Я шел наугад... — тяжело дыша, бородач пытался объяснить нам все это. Видимо, красноречием он не отличался. Потом он ахнул красным кулачищем по дверному косяку и взревел: — Единственный хирург, этот трус Полсон удрал три дня назад с чужой женой! Во всем Доусоне полно блядей и пьяниц, но никто не может даже зуб выдрать! А Бен...

— Тихо!

Фараон вытер руки полотенцем и позвал:

— Вар, дружище!

Повар появился в дверном проеме и вопросительно поглядел на компаньона.

— Вар, нужно вскипятить воды, да побольше. Не мелочись, ставь на плиту ведро.

— Разбираешься в военно-полевой хирургии? — невозмутимо уточнил Варфоломей, деловито закатывая рукава рубахи и выставляя напоказ цветные японские татуировки.

— Всякое бывало... — неопределенно крутнул в воздухе рукой Фараон и тут же грозно посмотрел на Сэма и Джорджа.

— Джентльмены, помогите затащить сюда раненого!

Джордж Скромби шумно сглотнул и машинально схватил со стойки стакан. Опрокинул в рот, почмокал, потом недоуменно потряс сосуд в воздухе.

— Пустой... Это когда я успел?

— Потом будешь трепаться, приятель! — оборвал его вновь прибывший. Иней на его куртке уже растаял, и слипшаяся от воды, блестящая в свете лампы шерсть торчала острыми иглами. Здоровяк с безумной надеждой в глазах подскочил к валлийцу и схватил его за плечо.

— Вы доктор?

— Я кое-что умею, — пожал плечами хозяин «Дубового листа», скривившись от железной хватки незнакомца. — А вот вы сейчас теряете драгоценное время.

— Верно! — мужчина одним прыжком оказался у двери и вывалился наружу. За ним, похватав шапки, выбежали двое старателей.

— У тебя хоть скальпель-то есть? — спросил Варфоломей, который поставил ведро на плиту и прибавил огонь до максимума.

— Обойдемся этим, — валлиец неуловимо шевельнул рукой, щелкнул кнопкой, и шесть дюймов бритвенно-острой стали вылетели из черной рукоятки складного ножа.

— Однако! — присвистнул повар. — Cold Steel с собой таскаем? Хороший ножичек. Но если там с ногой все плохо, то...

Дверь с грохотом распахнулась, и трое втащили что-то, похожее на крепко спеленатую заскоружлыми шкурами мумию, покрытую снегом. На одном конце кокона было отверстие, над которым курился парок.

— На стол! — распорядился Фараон. Он смахнул с длинной столешницы солонку и перечницу, потом схватил бутылку виски и щедро полил им стол.

— Ох! — горестно крикнул Джордж Скромби.

— Кладите! Режьте ремни!

— Это я его так... — пробормотал здоровяк. — Решил, что лучше уж завернуть, чтобы было потеплее. Эй, Бен, ты как там, старик?

Из глубин кокона раздался долгий тяжелый стон.

— Эк его разбирает, — прохрипел Сэм Миллз. — Постой-ка... Бен Фергюссон? Та ведь я ж его знаю! Стрелок с Лосинового ручья, вот кто это! Удачливый сукин сын, который вместе с компаньоном напал на знатную жилу. А ты, значит, Натан Фелпс?

Бородач коротко кивнул, не переставая проворно орудовать охотничьим ножом, перерезая сыромятные ремни. Когда последнюю шкуру развернули, Фараон мрачно присвистнул.

Варфоломей, любопытствуя, придвинулся поближе и глянул через головы позеленевшего Миллза и бледного Скромби. От увиденного ему тоже стало не по себе. Иссиня-бледный молодой парень с ранней сединой в волосах лежал без сознания. Левая нога у него была замотана в пропитанные кровью тряпки, в которых угадывалась разорванная на полосы рубаха. Там, где тряпки сбились, было видно сплошное месиво с обломками кости и лоскутами почерневшего мяса.

— Господи! — Миллз отшатнулся от стола и добавил крепкое ругательство. — Всякое видел, но это... Точно в мясорубке перемололо!

— Вар, помоги-ка, — в руке валлийца блеснули ножницы. Он споро взрезал самодельную повязку.

— Посторонитесь, джентльмены, — попросил Варфоломей. Ни страха, ни особог волнения он уже не испытывал, словно на столе перед ним лежал не человек, а какой-то полуфабрикат. Не говоря ни слова, вся троица посторонилась, только Натан Фелпс чуть замаялся, словно бы хотел быть поближе к своему приятелю. Но Варфоломей остро глянул на него, и бородач послушно отошел.

Фараон хмыкал, разглядывая страшно изломанную ногу Фергюссона. Потом вздохнул и покачал головой.

— Я не врач, ребята, но даже мне понятно, что этот паренек на двух ногах отбегался с концами.

— Что? — растерянно переспросил Фелпс. — Как это?

— Очень просто, — равнодушно отозвался валлиец, — ногу придется отрезать.

— Но...

— Нат, — проникновенно сказал ошарашенному известием здоровяку Фараон, — скажи мне — сколько ты его сюда тащил?

— Сутки, — пробормотал тот, — или даже больше. Собаки легли в снег, я не смог их поднять, как ни хлестал, только рукоятку бича сломал.

— Ему повезло, что ты силач и сумел дотянуть сани. Но тут одной силы мало, Нат. Погляди — нога уже начала чернеть. Если не сделать сейчас то, что нужно — твой друг умрет от гангрены. И точка.

Фелпс заскрипел крепкими зубами, выругался грязно и махнул рукой.

— Так тому и быть! Если Бен помрет, что я скажу его отцу с матерью? Мы ведь вместе приплыли сюда на пароходе... Нет, лучше уж без ноги, но живой. Действуйте, сэр! Вы точно знаете, что надо делать?

— Не учи отца... — туманно высказался Фараон. Потом посмотрел на Варфоломея.

— Что там с кипятком, Вар?

— Уже всю бурлит. Только... Зачем тебе ведро кипятка, не объяснишь? У нас же

виски столько, что можно целиком слона искупать.

— Погорячился, — коротко объяснил валлиец. Потом досадливо поморщился и добавил: — Да все равно не помешает. Сунь в ведро мой нож, будь так добр. Проведем дезинфекцию.

Варфоломей послушно исполнил просьбу компаньона, потом подумал и добавил к варящемуся в ведре ножу свой Зангецу.

— Хорошо бы его к столу привязать, — озабоченно заметил протрезвевший от всего увиденного Сэм Миллз. Он попробовал на крепость сыромятные ремни, уцелевшие после ножа Фелпса. — А ну, джентльмены, попридержите-ка нашего беднягу!

Миллз сноровисто затянул ремни вокруг груди и ног Фергюссона. Потом уже Фараон крепко, с помощью деревянной мешалки, закрепил импровизированный кожаный жгут выше раны. Когда он натуго закручивал узел, Бен очнулся. И завопил.

— Нат! Что... Где я? Ох... моя нога!

— Потерпи, старик, — здоровяк наклонился к нему и ободряюще потрепал по щеке. — Сейчас тебе станет легче.

— О-ох! Больно!

— Знаю, друг. Неужто больнее, чем в тот раз, когда шаман микмаков попробовал проделать в тебе дыру своим копьём, а?

Фергюссон закрипел зубами. И тут он увидел Фараона, который подошел к столу, сосредоточенно дую на дымящийся нож.

— Это что за хрень?! — взвыл Бен, дергая натянувшиеся струной ремни. — Вы что задумали... а-а-а!

Джордж Скромби сунул в рот раненому горлышко бутылки, полной виски.

— Глотай давай! За мой счет, понял?

Острый кадык заходил туда-сюда по худой шее. Фергюссон одним махом выдул почти всю бутылку и обмяк. Темная щетина, словно по волшебству, еще резче проступила на белом, как мел лице.

— Держите, — просто сказал Фараон, и три пары рук притиснули крепкое тело к столу. Валлиец щедро плеснул на ногу из бутылки, и Бен взвыл, захрипел, вырываясь, как дикий зверь, попавший в капкан.

— Черт, похоже виски не действует! — выругался Натан Фелпс, с трудом, несмотря на всю огромную силу, удерживающий бьющегося на столе мужчину. Джордж Скромби от полноты чувств грязно помянул всех святых, потом вдруг выхватил из-за пазухи мешочек с золотым песком и, хорошенько размахнувшись, ахнул им Фергюссона прямо по макушке — раз и второй. Глаза раненого закатились. И он замолчал.

— Рауш-наркоз, — уважительно прокомментировал стоящий неподалеку Варфоломей. И сам рывкнул: — Бриан, быстрее!

— Заткнись! — огрызнулся валлиец и сделал первый взмах ножом.

Кость перерубил Варфоломей: Зангецу сделал это с такой легкостью, что повару показалось, будто никакой кости и не было — так, ерунда, просто кусок мяса. Щедро промыв срез кипятком с разведенным в нем виски (у Варфоломея глаза на лоб полезли от такого варварского метода, но он промолчал) Фараон умело натянул завернутую кожу на культу и... остановился.

— Ты что? — не понял Фелпс. — Чего встал, док?

— Нитки, fucking shame! — выматерился валлиец. — Я забыл про нитки! Ни кетгута, ни

даже простого шелка под рукой, даже рыболовной лески ни кусочка!

Он зарычал от отчаяния. И тут к его заляпанным кровью рукам, откуда-то из-под стола протянулась костистая щетинистая лапка, сжимающая в когтях пучок чего-то тонкого.

— Вот!

— Святые небеса, — прошептал Сэм Миллз, попятился и грохнулся на задницу. Заскреб подошвами унтов, пытаюсь отползти подальше. — Что это, Господи?!

Щелкнул курок револьвера, выхваченного Фелпсом. Дуло плясало, точно пьяный ирландец в кабаке.

— Э... э... сгинь! Сгинь! — пробормотал дрожащими губами Скромби, отмахиваясь мешочком с золотым песком. Мануанус Инферналис не обратил ни на кого из них внимания. Он снова протянул лапку в сторону Бриана и проскрипел:

— Вот. Брат. Шить.

Валлиец выхватил из когтей пучок нитки, помял его и радостно хохотнул.

— Да это ж отличный кетгут!

Мануанус мгновенно исчез под столом, будто и не было. Фелпс опустил колыт и неверной рукой вытер лоб с проступившими крупными каплями пота.

— Док... я много чего видел... Но...

— Я не пью больше, — тоненько проговорил Миллз, поднимаясь с пола. — Клянусь, как перед алтарем, джентльмены. Ни капли, слышите? Допился.

— Я видел то же, что и ты, Сэм, — с ужасом ответил ему Джордж Скромби. — Похоже пришла пора трезвости, дружище. До конца дней это будет стоять у меня перед глазами...

— Так, — твердо сказал Фараон, и все, кроме Варфоломея, посмотрели на него. Валлиец закончил последний стежок, и в ход снова пошла бутылка виски — уже почти пустая.

— Так, — повторил он. — Забудьте то, что видели, парни, лады? Главное, что этот страдалец, — валлиец похлопал по груди все еще не пришедшего в себя Фергюссона, — похоже, будет жить.

— Я уже забыл, — ответил Натан Фелпс, пряча револьвер под куртку. — Уверен, что и вы, джентльмены, тоже. Так?

Он выразительно посмотрел на Скромби и Миллза. Джордж мелко закивал, а Сэм внезапно затянул псалом, молитвенно сложив перед собой ладони.

— На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею, на аспиде и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона...

— Отрадно видеть такое благочестие. Давайте-ка отнесем пациента в заднюю комнату, — устало сказал хозяин паба, временно превратившегося в салун.

Когда Фергюссон, раздетый и завернутый в чистую простыню, был уложен на койку, Варфоломей, полирующий мягкой салфеткой свой сантоку, заметил:

— Еще долго будет в отключке. По башке ему крепко досталось, да и виски он употребил за троих.

— Есть время, чтобы отыскать настоящего доктора, верно? — Фараон вопросительно глянул на Фелпса.

— Из-под земли достану! — рявкнул тот. — Прямо сейчас отправлюсь! Ну, ребята, я вам по гроб обязан за своего друга. А на Юконе все знают, что Натан Фелпс всегда свои долги платит! Даже не знаю, как вам отплатить за то, что вы сделали...

— Да ладно, — отмахнулся Бриан, но здоровяк яростно пристукнул крепким кулаком

правой руки по ладони левой.

— Вот что! Я эту вещь берег для своей невесты, которая дожидается меня в Джорджии. Но для вас, ребята, не жалко, ей-богу. Если моя удача при мне, то я отыщу что-нибудь еще.

Он сунул руку под куртку, покопался там — и на стойку перед Фараоном и Варфоломеем лег брезентовый мешочек размером с три основательных мужских кулака.

— Держите. Я назвал его «Зайчонок».

Хитрый узел, затянутый на мешочке, уступил крепким пальцам. Брезент зашуршал, и оба — повар и его компаньон — невольно ахнули, да так, что даже новоиспеченные трезвенники Миллз и Скромби с любопытством оглянулись, оторвавшись от совместной молитвы.

Да, этот самородок и впрямь в точности походил на зайчонка, присевшего на задние лапы и любопытно вытянувшего вверх разлапистые уши. Такого большого куса самородного золота здесь, пожалуй, мало кому довелось видеть. И уж точно не такой прихотливой формы.

— Да ты что, Нат? — возмутился Фараон. — Вот еще! Забирай и отвези своей невесте — как ее зовут? — чтобы она видела, что ее будущий муж самый удачливый чертов копатель на всей канадской территории до самой Аляски!

— Джентльмены, — взгляд Фелпса похолодел и стал похож на сизый отблеск оружейной стали. Глядя в эти глаза, Варфоломей вдруг понял, почему Джек Лондон так любил описывать вот таких парней, идущих напролом и не боящихся ни черта, ни пули, ни мороза. — Джентльмены, я сказал свое слово и это от всей души, поверьте. Натан Фелпс не дешевка, и двух слов не говорит. Держите, и вот вам моя рука в придачу. А если будет нужно, то вот мой кольт, моя упряжка, мои кулаки и что угодно. Вы спасли жизнь Бена — я уверен, что спасли, не спорьте! — и теперь я смогу честно взглянуть в лицо его отцу и тетке Джинни, которая вырастила меня вместе со своим сыном, как родного. А теперь извините меня, я не буду терять время. Мне еще надо за шкурку притащить сюда какого-нибудь ученого врача!

Дверь грохнула об косяк, и Фараон почесал бороду.

— М-да. И что нам теперь с этим делать?

— Для начала — спрятать, — спокойно сказал Варфоломей. — А потом... Кстати, а ты не думал о том, что эта штука может стать отличным подарком для нее?

Взгляд Бриана потемнел. Он хмыкнул задумчиво.

— Неплохая идея... Золота у нее, допустим, было как грязи. Но как знать, довелось ли ей держать что-нибудь подобное? Зайчонок, ха!

— Что за черт? — раздался озадаченный голос позади них. Оба резко повернулись. Сэм Миллз стоял и озадаченно рассматривал свою меховую парку, держа ее на вытянутых руках.

— Не чертыхайся, Сэм! — укоризненно сказал ему Джордж Скромби. — Мы же решили начать новую жизнь, или ты уже забыл?

— Конечно я помню, Джо! Но все-таки — вот че... кхм, вот же удивительно!

Он показал парку Фараону и Варфоломею. Сзади, ниже пояса, в шерсти зияла огромная проплешина, как будто кто-то выщипал весь мех.

— Будто я сел в лужу и примерз, а потом поднялся и пошел. Но ничего такого не было! Такая хорошая куртка, верой и правдой послужила мне не один год. А сейчас хоть выкидывай!

— Это лишь брэнная вещь, Сэм, — кротко сказал Скромби. — Пойдем, нам нужно нести благую весть о трезвости и ужасах пьянства.

Варфоломей с непонятым выражением на лице смотрел, как двое бывших выпивох уходят в полярную ночь с просветленными лицами.

— Мануанус, — устало сказал Фараон, — ты настоящий негодяй. Это же потенциальные клиенты!

— Пьянь! — негодуяще высказалась портьера.

— Я, пожалуй, схожу, если ты не против, посмотрю на публику в ближайшем конкурирующем заведении, — сказал лысый повар, напяливая толстое пальто. — Мне надо подышать свежим воздухом.

— Да отчего же мне быть против? — покладисто согласился валлиец. — Только я тебя очень прошу, не убей там никого... от переизбытка эмоций и свежего воздуха.

Когда Варфоломей добрался до дверей танцзала, совмещенного с питейным заведением, он ошеломленно уставился на вывеску. Солидные черные буквы извещали, что «в салуне мадам Китти круглосуточно выпивка, еда и танцы из Европы».

— Ну поглядим, что тут за танцы... — ухмыльнулся повар и толкнул дверь. Прищурился от яркого света, ударившего по глазам в отражения многочисленных зеркал, и вслушался в галдеж разномастной публики.

— Весело тут у них.

Кто-то положил ему на плечо твердую и невероятно горячую ладонь, опалившую жаром кожу даже через толстую шерсть пальто. Варфоломей дернулся, разворачиваясь — и уткнулся взглядом в черные зрачки на смуглом лице. Лакированный цилиндр выглядел здесь совершенно чужеродно, однако никто почему-то не обращал никакого внимания на худого человека в потертых джинсах и фраке на голое тело.

Смуглый улыбнулся.

— Нет, — сказал он.

— Что — нет? — переспросил Варфоломей, удивляясь сам себе, своему неведь откуда взявшемуся спокойствию.

— Нет — это значит, «нет, это не то, что она ищет». Попробуйте найти что-то еще. А теперь, — смуглый взял повара за локоть и легонько подтолкнул в сторону от двери, — рекомендую укрыться вон за той кадкой с бывшей пальмой.

— Зачем?

— Ну, она же обещала вам опасности? С одной вы справились. А сейчас начнется стрельба.

Глава 8. Все еще Юкон

Варфоломей

Этот мужик — кстати, а где он? будто в воду канул! — как в воду глядел. Стрельба началась в ту же секунду, будто кто-то взмахнул волшебной палочкой. Мне почему-то некстати припомнился Гарри Поттер, и я глупо захихикал, скорчившись в три погибели за кадкой. Волшебной палочкой! Да уж, тут не прилетит сова из Хогвартса, а если и объявится, то ее в пух и прах разнесут из всех стволов. Подумают еще, что нечистая сила.

Мысли в голове крутились с бешеной скоростью, а пули тем временем откалывали щепки от кадки с пальмой, крушили ростовые зеркала танцзала и балясины лестницы из красного дерева. Шикарно устроился владелец заведения, ничего не скажешь.

Дамы завизжали особенно громко, и я осторожно высунул голову из-за многострадальной кадки. В это время пальма с хрустом переломилась у основания, посеченного пулей, и обрушилась вниз, накрыв меня листьями.

— Заткнулись все! — бешено заревел чей-то голос, подкрепляя свое выступление еще несколькими выстрелами, на этот раз в потолок. Жалобно зазвенела хрустальная люстра. — Мактавиш, где ты там? Хватит копать, времени нет!

Неведомый Мактавиш был убедителен — рявкнул выстрел, и какой-то здоровенный малый в куртке из медвежьей шкуры повалился спиной на столик, вдребезги разнося бутылки и тарелки, которыми тот был уставлен.

— Ах ты...! Куда побежал? — чей-то крик донесся до меня с другого конца зала, и я увидел, как худой парень со шрамом на щеке вскидывает ружье. Ба-бах! Кто-то взвыл от боли, и канонада продолжилась.

— Господи, Господи, Господи... — забормотал женский голос рядом со мной. Это была совсем еще юная девушка, довольно смазливенькая, разодетая, по местным понятиям, в пух и прах. Явно звезда местной сцены. Сейчас она съежилась за ненадежным прикрытием в виде поваленных стульев, ее лицо было белым, как мел. Сам не понимая, что делаю, я вдруг рванулся, схватил ее за плечо и мгновенно перетащил к себе за кадку, шириной как раз подходящую для двоих. Девушка громко завизжала от страха и неожиданности.

— Всех здесь перебью! Выигрыш на стол, твари! — парень со шрамом передернул скобу винчестера и наповал уложил какого-то лощеного хмыря во фраке, типичного шулера с виду. Точно, — вон как веером разлетелись во все стороны карты, любо-дорого смотреть. И, похоже, сплошь тузы.

Мой разум воспринимал все происходящее удивительно спокойно, как будто я сейчас где-нибудь в кинозале смотрел старый вестерн, только хорошо отреставрированный и цветной. Вот кто-то вскочил и метнулся к дверям. Ба-бах! — и человек, которому в спину припала пуля из винчестера, летит кувырком в угол.

— Пит, гони этих баранов в кучу! Надо поскорее обобрат с них цацки и рыжье, и валить отсюда!

— Та-ак, — зловеще протянули у меня за спиной, — а тут у нас кто? — и лязг рычажного затвора. Я отреагировал быстро, но, похоже, недостаточно. Рука дернулась под пальто и вернулась, сжимая рукоятку сантоку. Взмах — и заросший щетиной мужик, сипя рассеченным горлом и брызгая кровью, как садовый фонтанчик, отшатнулся и рухнул на пол. А вот за вторым я не уследил, парень со шрамом оказался шустрой сволочью. Черное дуло

ружья глянуло мне прямо в лицо, и тут же расцвело вспышкой. Мир замер.

— Э, нет, так мы не договаривались.

Милый и очень знакомый женский голос проворковал это мне на ухо, прохладная ладошка толкнула в сторону.

— Красавчик, ты не забыл, что должен мне подарок? Вот и верь после этого вам, мужчинам! — сеньорита Катрина в шуточной обиде надула губки и покачала головой. — Как же вы, герои, любите рисковать жизнью. Это только у кошки их девять, но у тебя-то...

Грудь обожгло, как огнем, Катрина, скорчив напоследок укоризненную гримаску, куда-то исчезла, и краем глаза я увидел, как ослепительным белым светом полыхнули линии татуировки, доставшейся мне в Мексике. По-моему, даже запахло горелым мясом. Черт, да точно запахло! А-а-а, это же от меня!

Я заорал во весь голос от дикой боли, и мир тут же, словно подчиняясь крику, пришел в движение. Я стоял на ногах, откинув руку с ножом в сторону, у моих ног визжала певичка, а напротив, с идиотски-изумленным выражением лица, парень со шрамом дергал заклинивший рычаг винчестера. «Так не бывает», — промелькнула в голове запоздалая мысль.

— Эй, малый, как тебя там, а ну брось ружье! — сказал кто-то очень спокойным голосом, который, однако, перекрыл весь гвалт и крики. — И ты тоже, Барсук Миллиган. Дважды не повторяю, уроды, сейчас не ваша масть.

— Что за хрень? — просипел каторжного вида дядя, которого, похоже, звали Барсуком Миллиганом. — Это же...

Лицо парня исказилось от ненависти, так что шрам на худом лице налился кровью.

— Пэт Гарретт! — выплюнул он сквозь зубы. Рычаг винчестера с хрустом прожевал патрон. Но тут рывкнули два выстрела, слившиеся в один, и парень, сложившись вдвое, как кукла, отлетел, по пути снеся собой шикарную серебряную плевательницу. Барсук Миллиган лишился части черепа и одного глаза, разлетевшихся кровавыми ошметками. Какое-то мгновение бандюган постоял, качаясь на ватных ногах, а потом грузно повалился мешком, заляпывая кровью паркет. Женский визг достиг практически ультразвуковых частот, так что мне показалось, что стекла, которых миновали пули, сейчас осыплются мелкой крошкой. Но еще один выстрел — на сей раз в потолок — прервал это безобразие.

— Тихо, дамы и господа! — веско сказал кто-то. И добавил: — Как видите, все уже закончилось.

Тут я аккуратно опустил руку с ножом и рискнул медленно обернуться. Медленно — потому что кто его знает, какие намерения у нашего нежданного спасителя.

В двух шагах от меня, у распахнутой боковой двери заведения, практически незаметной из-за больших напольных часов, стоял весьма элегантный джентльмен с роскошными черными усами. В его руках, с обманчивой расслабленностью свисавших вдоль тела, я заметил два дымящихся «кольта» с изящной гравировкой. Джентльмен был одет в весьма непривычный в этих краях пиджак отличного пошива, его рубашка была белее снега, а поперек жилетки тянулась золотая цепочка карманных часов. Встретившись со мной взглядом, мужчина чуть прищурился и вежливо кивнул головой, демонстрируя аккуратный пробор и хорошую стрижку.

— Вы ловко обращаетесь с этим куском железа, мистер, — сказал он. — Вот уж никогда бы не подумал, что Енох Смитсон, этот мерзавец, будет зарезан одним взмахом. А ведь он убил больше людей, чем здесь сейчас публики, да, сэр. Я шел по его следу от

Луизианы, и вот теперь, кажется, моя погоня закончена.

Я уже понял, кто передо мной. Историю Дикого Запада я всегда изучал с большим интересом, а фотографию этого человека разглядывал не один раз. Это был легендарный Пэт Гарретт, который с десятков лет назад или чуть больше застрелил Билли Кида. Шериф, техасский рейнджер, короче — крутой парень. Не то что какой-нибудь там Уайетт Эрп, крутизна которого заключалась только в его собственных выдумках, да брехне журналистов.

Публика потихоньку приходила в себя. Кто-то рыдал истошно, с привизгом, кого-то отливали водой. Не обошлось и без трупов, конечно — и не только среди бандитов. Похоже, ребятки четко знали, на что шли, собираясь обобрать местную богему, а потом слинять с золотишком в непроглядные северные дали. К успеху шли, короче. Не фартануло, что тут скажешь.

— Ми... мистер Гарретт? — к Пэту Гарретту подошел заикающийся от пережитого бледный толстяк в черном костюме. Похоже, это и был хозяин самого крутого танцзала в Доусоне. — Но... но как вы здесь...?

— Добрый день, мистер Христиансен, — револьверы во мгновение ока исчезли из рук законника, а сам он улыбнулся открытой улыбкой «своего парня». — Честное слово, я всякого ожидал, но не такого развлечения в первый же день своего пребывания в Доусоне. А вы — разве забыли, что приглашали меня письмом, поскольку вам требовался искусный бармен, который мог бы преподать несколько уроков вашим парням?

Точно! Как я мог забыть? Пэт Гарретт заслужил в свое время репутацию не только меткого стрелка и бесстрашного охотника за бандитами. Он был отличным барменом, носил среди мексиканцев прозвище Хуан Ларго и даже, по слухам, изобрел несколько коктейлей, которые потом стали знаменитыми. Или еще изобретет...

— Однако же, мистер Христиансен...

— Том, для вас просто Том, сэр! — поспешно перебил его толстяк.

— Однако же, Том, — невозмутимо продолжал Гарретт, — я вижу, что дело с охраной у вас тут поставлено из рук вон плохо. Разве гости не должны оставлять оружие на входе? — и законник выразительно покосился на меня. Я сделал лицо кирпичом. Девушка, которую я во время перестрелки затащил за кадку с несчастной пальмой, уже оправилась и теперь вовсю стреляла в мою сторону выразительными черными глазами. Ничего себе такая девушка, симпатичная брюнетка. Я снова перевел взгляд на Гарретта.

— Все так и есть, сэр! — всплеснул руками Том Христиансен. — Никакого оружия, у нас респектабельное заведение в этом диком краю, сэр! Но я не вижу охранников...

— Потому что их здесь нет, Том, — сурово отрезал законник. — Бьюсь об заклад, если бы можно было каким-то чудом сейчас увидеть, где они, вы бы обнаружили их задницы уже за много миль отсюда. Похоже, они были в доле.

Толстяк сокрушенно повесил голову, а Пэт Гарретт шагнул ко мне и протянул сухую, крепкую ладонь.

— Патрик Флойд Гарретт. Для хороших людей просто Пэт.

— Вар, — отозвался я, пожимая руку легенды.

— Вы чертовски везучий человек, Вар. Я видел, как этот малый, — он дернул подбородком в сторону трупа со шрамом, — возился с затвором. Первый раз вижу, чтобы со старым добрым рычажником такое случилось.

— Старая модель, сэр, за которой, судя по всему, дерьмово ухаживали, — решил я блеснуть своими познаниями (зря, что ли, когда-то коллекционировал оружейные

энциклопедии?). — Вам приходилось держать в руках «тридцать-тридцать»? Его начали выпускать всего четыре года назад, под патрон с бездымным порохом. Новое слово в оружейном деле, вот что я вам скажу. С ним бы такого не случилось.

— Разбираетесь? — заинтересованно хмыкнул Гарретт. — Да, я слышал об этом карабине. И нет, пока что в руки мне такая диковинка не попадала, но было бы интересно поглядеть.

— Скажите, Пэт, — все-таки не удержался я, аккуратно протирая сантоку носовым платком, — это правда, что вы...

— Застрелил Малыша Билли? — перебил меня законник. Он невесело покачал головой. — Так и есть, мистер, так и есть. И будь я проклят, если этим горжусь. Вы наверняка слышали, раз уж спрашиваете, что я написал об этом кровавом деле книгу... Когда нужны деньги и кругом в долгах, еще и не за такую возможность ухватишься, да, сэр. За меня книжку накропал один ушлый писака, который работал у нас в Нью-Мексико репортером. На обложке стоит мое имя, но сам я вряд ли связал бы слова так гладко, чтобы получилась целая всамделишная книга, которая еще, к тому же, должна приносить деньги. А Малыш Билли... парень к тому времени совсем запутался и стал убивать направо и налево. Я был его другом, но нельзя дружить с гремучей змеей, если не держать под рукой кольт и не глядеть в оба. Вот я и глядел. Ладно, Вар, хорошего вам дня — мне еще нужно пообщаться с местным маршалом и задать ему пару вопросов...

— Маршал! — фыркнула девушка, глазевшая на меня. Она закуталась в шаль и курила длинную тонкую трубку. — Эта пьянь? Сэр, если вы сейчас выйдете из нашего заведения, пройдете прямо по улице и свернете на втором повороте налево, то первая дверь, зеленая такая, будет дверью дома, где живет маршал. Только вряд ли вам удастся добиться от него чего-нибудь кроме мычания. Наш маршал третий день в запое, как последняя скотина! — девица фыркнула, еще раз многозначительно зыркнула на меня своими глазами и величественно удалилась, переставляя длинные ноги, как модель на подиуме. Пэт Гарретт улыбнулся краешком губ, кивнул мне и направился напрямиком к барной стойке, старательно обходя трупы и лужи крови. Настоящий профи, что тут скажешь...

— Братан! — густой дух перегара едва не свалил меня с ног, а тяжеленная лапа, хлопнувшая по спине, весила, будто куль муки, не меньше. Это при том, что я и сам не из маленьких. Я со вздохом обернулся.

— Братан! — почувствованно повторил огромный пузатый мужик неопределенного возраста, с длиннющей бородой в стиле вольного охотника. Новый выхлоп перегара, и я почувствовал, что глаза начинают слезиться. — Ты ж меня спас!

— Что-то не припомню такого, — вежливо покачал я головой.

— Да лана! Ты ж эта... грохнул этого сучонка, который аккурат в меня целился! Прямо вспорол его, как дичину! Не-ет, Чарли Белл таких вещей не забывает! Пошли, угощаю!

— Минуту, сэр, — вздохнул я, прикидывая путь к отступлению. — Сейчас я к вам присоединюсь.

— Точна? Ну гляди, я вон там, за сто... ик!... ликом.

Я похлопал говорящего медведя по лапе... или руке? — и направился ко входной двери, понимая, что танцы накрылись. Машинально сунул руку в глубокий карман пальто. Под пальцами завозилось что-то щетинистое.

— Ай, черт! — я аж подпрыгнул, выдергивая руку из кармана.

— Неть! — пискнуло оттуда негодующе.

— Ты что там делаешь?

— Шпать... — буркнуло из кармана. — Тамь шпать.

Я выругался себе под нос одновременно с удивлением пытаюсь прикинуть, как упитанный Мануанус ухитрился поместиться в пусть и просторный, но все-таки не такой уж большой карман. Да кто его знает, этого непонятого зверя.

— Мистер! — донеслось до меня, когда я уже взялся за ручку двери. — Эй, мистер! Погодите минутку!

Да что еще?!

Я с досадой остановился и посмотрел через плечо. Ко мне торопился молодой парень — крепкий, плечистый, с приятным, располагающим к себе лицом. Знакомым каким-то лицом... где я его видел?

— Погодите, мистер, — парень подошел вплотную и протянул руку. — Позвольте представиться — Джон Чейни. Я, если так можно сказать, писатель, хотя вряд ли вы про меня что-нибудь слышали. Собираю материал для очерков про Юкон и «золотую лихорадку».

Мама дорогая! У меня глаза полезли на лоб, и я только каким-то чудом сумел сохранить невозмутимое выражение лица. Джон Чейни... Это сейчас он Чейни, никому не известный журналист, рискнувший все бросить и уехать на Аляску, чтобы попытаться намыть немного золотишка. А через пару-тройку лет этого парня узнает вся Америка, его книгами будут захлеб зачитываться взрослые и юнцы. Правда, на обложках этих книг будет стоять совсем другое имя. Джек Лондон.

— Слушаю вас, Джон, — кивнул я.

— Вся эта история... как вы думаете, потянет это на хороший очерк?

— На очерк? Джон, о чем, черт возьми, вы говорите? Да это же готовый отличный рассказ! Любой редактор удавился бы за такой материал!

— Правда? — просиял парень, и его бронзовое от северного загара лицо с крепкой челюстью осветилось бесхитростной улыбкой. — Это же здорово! Чувствую в вас образованного человека, сэр. Не подскажите ли, что это за джентльмен, с которым вы сейчас разговаривали? Я в это время, к сожалению, был занят — помогал перевязывать раненого. Да, вот это перестрелка!

— Это сам Пэт Гарретт, Джон, — подмигнул я будущей знаменитости.

— Ого! — лицо писателя вытянулось от удивления. — Да уж, это имя везде на слуху... Вот это да!

— Думаю, что он не откажется ответить на пару вопросов.

— Уже бегу! Спасибо, мистер! Мне бы и с вами поболтать не мешало. Но вы, похоже, торопитесь?

— Да, дела, — вздохнул я, скорчив опечаленную физиономию. Джон еще раз крепко тиснул мне ладонь и устремился к Гарретту, о чем-то беседовавшему с помятым бледным барменом, который, сокрушенно качая головой, расставлял в буфете за стойкой уцелевшие бутылки.

— Эй, Джон! — окликнул я парня. Тот притормозил и вопросительно уставился на меня. И я не удержался от хулиганского вопроса.

— Поделитесь секретом — почему писательство? Я-то думал, здесь, на Юконе, все только и думают, как бы поймать удачу и намыть золота, чтобы хватило на всю жизнь.

— Да нет никакого секрета, — Чейни ухмыльнулся, — Золото, это ведь кому как

повезет. Вот мне — не повезло. Почти год я колотился на своем участке, который мы еще с парой ребят застолбили недалеко отсюда. И ничего, только крупницы, которых хватит на стаканчик местного виски, не больше. Да, похоже, что золото — это не мое. Но знаете, что, мистер?

— Что?

— Я не жалею, вот что. Кто прошел перевал Чилкут, тому уже наплевать на все эти городские дразги. Смешно вспомнить, ей-богу, по каким только пустякам я переживал, пока жил в Калифорнии! Сейчас все это в прошлом, как будто случилось лет сто назад. Зато я понял, что мне хорошо удастся поймать на карандаш местный... как это сказать?

— Колорит? — подсказал я.

— Вот-вот, точно, именно колорит! Теперь пишу, как проклятый, а скоро двинусь обратно, на юг. В голове полно сюжетов, чертова уйма идей.

— Знаете, что, Джон? Когда будете печатать свою первую книгу, назовите ее «Сын волка». Бесплатный совет. Честное слово, читателям понравится.

— «Сын волка» ... — Джон Чейни медленно, почти по складам произнес это название и задумчиво глянул на меня острыми живыми глазами. — А что, очень хорошо. Пожалуй, прислушаюсь к вашему совету, мистер Безымянный Герой.

Я рассмеялся, потом толкнул дверь. Из дверного проема хлынул поток морозного воздуха, с клубами густого пара. Я поежился.

— Уходишь? Так быстро?

Я захлопнул дверь, сокрушенно покачал головой, распрощавшись с мыслью покинуть танцзал в скором времени, и снова обернулся. Брюнетка, придерживая шаль на груди, стояла и смотрела на меня с ехидным прищуром.

— Куда бежишь, герой?

— Ну... — пробормотал я, чувствуя, как щеки начинают предательски пылать, — надо бы завершить кое-какие дела.

— Завершишь, — сказала девушка серьезно. — Потом. А сейчас — дай руку и пойдем со мной.

И я пошел. А вы бы как поступили? Почему-то у меня была твердая уверенность, что «Дубовый лист» без меня сегодня никуда не денется. Вот знал я это, и все тут.

Фараон и Вар

Вернулся я под утро. Фараон, который, судя по его виду, глаз не сомкнул, встретил меня коротким хмыканьем, хотел было что-то сказать, но пригляделся и передумал. Потом рассмеялся и посоветовал:

— Вар, ты бы морду вытер. Помада в этом временном периоде жутко липучая.

— Уже вытирал, — буркнул я. — Только платок привел в полную негодность, больше никакого эффекта. Сейчас, возьму что-нибудь покрепче.

— Пемзу возьми, — насмешливо посоветовал Фараон, — эта штука враз поможет.

— Спасибо, ты такой добрый, компаньон, — широко оскалился я в ответ.

— Кстати, что там случилось-то? — любопытно расспросил валлиец, привычными, доведенными до автоматизма движениями протирая полотенцем стаканы и стопки.

— Обычное дело, перестрелка, — я пожал плечами.

— Двадцатый век на носу! — возмутился хозяин паба. — Никакой, понимаешь, культуры обслуживания!

— Ну почему... — возразил я, вспоминая прошлую ночь. — Есть культура... и ой, какая

культурная, я тебе скажу...

— Ага-ага. То-то я смотрю, на тебе эта культура оставила целый ряд несмываемых отпечатков.

— Все бы вам, дорогой друг, — с чувством произнес я, закончив оттирать лицо и бросая полотенце в мусорную корзину, — глумиться над высокими чувствами!

Потом я стянул рубашку и почесал грудь. Фараон поднял брови.

— Ого, — только и произнес он. Я недоуменно замер и поспешил к зеркалу.

Да уж. Действительно «ого».

Тагуировка с Катриной выглядела так, будто ее сначала нанесли порохом, а потом этот порох подожгли. В самом центре ладони сеньориты Катрины, которой она кокетливо помахивала на цветном рисунке, виднелся четкий круглый след. От пули.

Значит, мне только показалось, что я успел увернуться... Зато все остальное, похоже, не показалось.

Люстра в зале тяжело заскрипела. Мы оба, не сговариваясь, подняли глаза к потолку. На одном из рожков, временно превратившихся в керосинку, гордо восседал Мануанус. Закутанный во что-то невообразимое. Это что-то представляло собой жуткий калейдоскоп из шерсти, ниток, какой-то неопрятной пряжи и клочков меха.

— О-о, — простонал Фараон, глядя на это безобразие. — Теперь я знаю, как выглядит аллергия.

— Вот! — пискнул щетинистый монстр, гордо, как фотомодель, поворачиваясь то одним, то другим боком и демонстрируя изделие большого разума. Потом он достал откуда-то деревянные палочки для еды и победно потряс ими в воздухе. — Вот! Я связал! Не мерзь!

— Я вчера, после того как ты ушел, видел лысую лайку, — медленно и задумчиво произнес валлиец. — Почти совсем лысую. Ее хозяин, который явился, чтобы помочь нам с раненым, пытался продать бедную собаку мне всего за доллар. Я дал ему десять и попросил отвести к жене местного столяра, которая любит собак. Потом мне сказали, что Сьюзан при виде лайки чуть не разрыдалась от жалости. Сдается мне, что собачка теперь будет как сыр в масле кататься. Пока не обрстет. А еще сдается мне, что я теперь знаю, чьих шаловливых лап это дело.

— Шерсь, — упавшим голосом пропищал Мануанус. — Шерсь взять.

Он покопался в бездонных пространствах своего свитера (как это назвать еще, я попросту не придумал) и протянул в сторону Фараона что-то длинное, размотавшееся почти до пола.

— Вот. Брать. Носить! Греть! — от такого количества произнесенных за раз слов наш ручной монстр начал даже хрипеть.

— Черт побери, — с чувством сказал валлиец, рассматривая подарок Мануануса. — Да это же пояс из чистой собачьей шерсти! Как раз на мою поясицу.

Мой компаньон сурово посмотрел на съезжившееся существо. Из свитера торчал только нервно подергивающийся хобот.

— Спасибо.

— Незаць! — пропищали в ответ.

— Но, чтобы больше никаких лысых собак, понятно?

Дождавшись утвердительного сопения, Бриан начал прилаживать пояс на себя. Я устало присел на табурет.

— Бурная ночь? — посочувствовал валлиец. — Знаешь, не у тебя одного. Пока я дождался чертова доктора, пока мы перетащили раненого в более подходящее место... Короче, одним, как водится, веселье, а другим — тяжкий труд.

— Извини, — покаянно пробормотал я.

— Да ерунда это все, не бери в голову. Ну зачем ты здесь был нужен? И так народа хватало.

— Представляешь, Фараон, — вспомнил я, — я там Джека Лондона встретил.

— Да ладно? — валлиец даже перестал примерять новый предмет туалета. — Seriously? И как он?

— Еще ничего не написал. Но название для будущего сборника рассказов я ему уже придумал.

— И как оно — быть причастным к истории? — с любопытством спросил мой приятель. Я подумал.

— Да как-то даже и не знаю. Кстати, я выяснил еще одну ценную вещь.

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовался Фараон.

— Самородок не годится.

— Вот черт!

— А я-то как расстроился, только представь!

— И что теперь?

— Теперь? — переспросил я. — Теперь, похоже, можно ехать дальше.

«Дубовый лист» громко скрипнул потолочными балками. Мануанус Инферналис перестал стучать импровизированными спицами и подозрительно покосился на потолок.

Я потянулся, чувствуя, как хрустят суставы. Да, денек был еще тот. Но, похоже, теперь Доусон уже останется позади. Наконец-то. Все-таки хорошо охлажденным я люблю только вино и пиво.

Глава 9. Доброе слово и кольт

Хертогенбос. Брабант. 1494 год

Ерун ван Акен сидел на деревянном табурете и с отсутствующим видом вертел в пальцах, перепачканных красками, длинную кисть. Время от времени художник принимался яростно скрести заросшую щетиной щеку, потом снова замирал, глядя в одну точку — на картину, которая огромным квадратом темнела посреди мастерской.

Скрипнула дубовая дверь, и в щель просунулась чья-то голова. Голова покрутилась туда-сюда и радостно воскликнула:

— Ерун! Ты чего сидишь один-одинешенек? Пылью своей дышишь, весь уже паутиной зарос! Пойдем-ка, накатим по кружечке доброго...

Взгляд головы воткнулся в картину и намертво к ней прикипел.

— ...По кру... добро... — просипела голова и закашлялась, будто кто-то внезапно крепко прихватил человека за кадык. Дверь открылась шире, и в мастерскую протиснулся невысокий толстяк, разодетый по последней моде, что в Хертогенбосе, да и во всем Брабанте означало «ткань подороже да сам побогаче».

— Ч... что это, Ерун? — прокашлял толстяк, завороченно глядя на изображение.

— Сад, — мрачно отозвался художник.

— Сад? — изумился толстяк, опасливо, боком, как краб, огибая картину. — Это где ж такое сажают нынче, а?

— Сад земных наслаждений, — сварливо ответил ван Акен.

— Ничего так у тебя тут наслаждения, — пробормотал гость, стараясь держаться подальше от картины. — Такие наслаждения, знаешь ли...

— Ты не туда смотришь, — по-прежнему мрачно поправил его ван Акен. — Смотри вон туда.

— Туда? — непонимающе пробормотал толстяк. Потом лицо его просветлело. — А! Ну вот это другое дело! Благолепие... облачка вон...

Он покосился на другую часть триптиха и снова замер.

— Нет, ну там-то сад, — сказал он. — А тут...

— А тут — ад! — раздраженно откликнулся хозяин мастерской и бросил кисточку на пол, и без того заляпанный многолетними наслоениями масляных красок.

— Ад у тебя, Ерун, знаешь ли, тоже какой-то странный, — толстяк покрутил головой и запустил пальцы под тесный воротник, врезавшийся в красную шею.

— Да чтоб тебя! — внезапно взвыл Ерун ван Акен и подскочил с табурета. От неожиданности толстяк подпрыгнул, замахал руками, пытаясь удержаться, и шлепнулся на задницу, угодив полой своего отороченного мехом упелянда в свежую лужицу ярко-красной краски. Впрочем, он даже не заметил этого, потому что ткнул дрожащим пальцем по направлению створки триптиха.

— А это что за мерзость с крылышками? А? Да как вообще могло такое родиться в голове у добропорядочного христианина?!

— В голове? — криво усмехнулся ван Акен. — В голове? Счастливый ты человек, Виллем ван Майден!

Художник мрачно усмехнулся, глядя на побледневшего толстяка и снова перевел взгляд на картину. Там, куда были направлены его глаза, кисть с поразительной четкостью

изобразила существо, покрытое нежной розовой шерсткой, со стрекозиными крылышками и хвостом. Все вместе это выглядело, как сочетание несочетаемого, при этом радостно улыбающееся.

Иероним Босх вздохнул и снова потянулся за кистью, уже не обращая внимания на Виллема ван Майдена, ругающегося на чем свет стоит — толстяк все-таки заметил краску на своем роскошном упелянде.

* * *

Все началось совершенно невинно. Просто замечательно началось. Заказчик, пожелавший остаться неизвестным. Важный посыльный в бархатной куртке, с кошельком золотых монет. И пожелание: «Нарисуй мне все чудеса ада и рая, чтобы при одном взгляде на твоё творение люди понимали греховность мира». Ад и рай — это Босх любил, умел и рисовал со всей страстью.

А потом появилось это...

Однажды, хмурым декабрьским утром, когда в мастерской по углам еще лежали ночные тени, Ерун ван Акен (сам он давно уже предпочитал называть себя Иеронимом) потянулся за кистью, чтобы поправить один блик на пурпурной накидке грешника.

— Снег! Мерзь! — пропищал кто-то за его спиной. Иероним Босх вздрогнул, кисть чиркнула по накидке и оставила безобразный мазок.

— Тьфу! — выругался художник досадливо. — Твою мать!

— Мать! — радостно пропищали за плечом снова. — Мать! Хвать!

И тут живописец, к своему ужасу, почувствовал ощутимый щипок за ягодицу.

— Что за...! — взвыл он, вскакивая с табурета. Щипок тут же повторился, да так, что Иероним опрокинул глиняную посудину со старательно растертой краской. Потрясая кулаками, он грязно выругался — замысловатым оборотам речи позавидовал бы любой бандит с большой дороги.

— Взять-перемать! — согласились с ним. И Босх наконец-то увидел то, что его ущипнуло. Увидел, и крепко протер глаза. Отвратительно розовое видение не исчезло, а наоборот — хихикая, устроилось на едва начатой створке триптиха, болтая перепончатыми лапами.

— Изыди, — неуверенно перекрестил химерическое создание художник.

— Неть! — помотало оно головой с огромными кокетливыми глазами. И сделало бантиком... губы? клюв? хобот? Художник не выдержал и сам ущипнул себя — на сей раз за руку.

— Ай! — боль была самая настоящая.

— Ай! — согласились с ним. — Дай! Хвать!

Розовое шерстистое потянуло к ван Акену длинные тощие лапки.

— Стой! — в ужасе крикнул он, отмахиваясь кисточкой. Создание обиженно нахмурилось и поправило невесть откуда взявшийся на щетинистом гребешке засаленный бантик.

— Неть, — пропищало оно жалобно. — Хотеть!

— Блядь, — обессиленно сказал живописец, падая задом на табурет. Точнее, сказал он не совсем это, но фраза Иеронима, совершенно точно, имела в тогдашнем брабантском диалекте именно такое значение.

— Плять! — радостно запрыгало розовое и шерстистое. — Плять! Мать! Дать!

И тут Босха осенило.

— Стой! — строго сказал он. — Я буду тебя рисовать.

Создание широко распахнуло свои и без того большие глаза и уставилось на художника целым скопищем маленьких шестиугольных зрачков.

— Вать? — растерянно произнесло оно.

— Ри. Со. Вать, — отдельно произнес брабантец. — Понимаешь? Брать и рисовать!

— Брать? — кокетливо протянуло розовошерстное и неуловимо омерзительным движением поправило что-то — вероятно, грудь. Босх судорожно сглотнул и потряс в воздухе пальцем.

— Рисовать! Портрет!

— Дя! — восторженно пропищали с угла триптиха.

— Ты. Тут сидеть. Молчать, — уже освоившись, строго сказал хозяин мастерской.

— Сидеть, — согласились с ним. Подумали и добавили: — А потом хватать и брать!

Блять!

Мысленно передернувшись, живописец кивнул.

— Потом — посмотрим. А теперь сидеть и молчать.

Он отступил на шаг, прищурил один глаз, привычно поднес к лицу раздвинутые пальцы, измерив перспективу. И положил первый мазок кистью.

* * *

— Вот так это и случилось, дорогой мой Виллем, — закончил свой рассказ Иероним-Ерун. Он придирчиво осмотрел угол триптиха и потянулся к мастихину.

— Это ужасно, — прошептал толстяк, мелко вздрагивая. Художник посмотрел на него с удивлением.

— Да чего ты так трясешься? Ну бывает... Вон и святого Антония искушали разные твари. Я потом ходил в церковь, если тебя это хоть как-то успокоит.

— Ты что? Не понимаешь?! — взвизгнул Виллем, судорожно комкая в пухлых пальцах испачканный краской угол упеянда. — Ты нарисовал чистейший ужас, Ерун! Я даже смотреть на это не могу, у меня мороз по коже!

— Ну, ты все-таки преувеличиваешь, — польщенно пробормотал живописец. — Я, конечно, старался передать что-то этакое, inferнальное, но, по-моему, вышло даже довольно забавно.

— Забавно? — хрипло каркнул ван Майден. — Так значит, по-твоему, в этом есть что-то забавное?

Иероним Босх хотел что-то ответить, но толстяк выставил вперед ладони.

— Нет-нет, Ерун. погоди. Сейчас ты сам все поймешь.

Он подошел к двери, распахнул ее настежь и крикнул фальцетом:

— Марта! Ма-арта!

Снизу ему ответила служанка.

— Что случилось, сударь Виллем?

— Зайди-ка, Марта, — распорядился гость.

— Что ты... — растерянно начал художник.

— погоди.

Марта, румяная девица — что называется, кровь с молоком, свежее личико под чепцом — вошла с опаской, присела в поклоне, вопросительно глянула на ван Майдена: что господин удумал?

— Посмотри-ка вон туда, Марта, — нетерпеливо распорядился толстяк, тыча пальцем в

картину и стараясь не смотреть в ту сторону.

— Куда пос... ой, мамочки!

Загрохотала по полу деревянная миска, которую Марта до этого держала в руках. А сама служанка как была, так и грохнулась рядом на доски, пребывая в глубочайшем обмороке.

— Видишь теперь? — спросил гость.

— Ничего не понимаю, — живописец был растерян до крайности.

— Ерун. Как друга тебя прошу — закрась ты это... эту мерзость. Или сотри.

— Я подумаю, — сухо отозвался Иероним Босх. Потом набрал в рот воды из оловянной кружки и шумно прыснул служанке в лицо. Марта открыла посоловевшие голубые глаза, похлопала ресницами, громко ойкнула и завизжала. Но ван Майден схватил ее за плечи и потряс — грубо, как куклу, так что голова девицы моталась туда-сюда, чепец удержался только чудом.

— Ты! Слышишь меня? Чтобы ни одной живой душе! Поняла? Иначе выгоню на улицу, чтоб и духу твоего здесь не было! Поедешь к своим родителям, свиньям хвосты накручивать! О городской жизни можешь забыть тогда. Поняла? Ну?

Марта закивала головой, истово, прижимая ладони к щекам, будто собиралась сорвать голову с шеи и запустить ее подальше, как тряпичный мяч.

— Иди, — толстяк выпроводил служанку, захлопнул дверь и повернулся к художнику.

— А ты говорил... В общем так, Ерун. Или ты слушаешь меня, или я сделаю так, что придет стража и твою мастерскую запрут на замок, а к дверям приставят караульного.

— Да что ты такое говоришь? — возмущенно крикнул живописец. Но толстяк уже, переваливаясь на коротких ногах, шел к двери, повторив напоследок:

— Я тебя предупредил.

Когда нежданный гость все-таки покинул мастерскую, Босх тяжело сел на табурет и задумался. Из этого состояния его вывел какой-то шорох. Вскинув покрасневшие от плохого освещения и возни с красками глаза, Иероним увидел, как розовошерстная страховидина поудобнее устраивается рядом с палитрой.

— Кусь! — хихикнула она и запустила лапу в плоску с любовно разведенной художником красной краской. Облизала когти и хищно ухмыльнулась, выставив частокोल острейших белых зубов, которые росли в пасти несколькими рядами — один за другим. Только сейчас мейстер начал соображать, что, кажется, его мерзопакостная гостья не так уж и безобидна.

— Майдень! — обиженно скрипнула страховидина. Все слова она произносила потешно, смягчая их окончание. Но почему-то особо смешным это не казалось — было в ее голоске что-то зловещее. — Майдень хамь! Кусь его! Грызь!

— Не надо кусь! — испугался Иероним. — Не надо! Не такой уж он и плохой...

Последние слова художник произнес без особого убеждения, и розовошерстная это почувствовала. Она покосилась на мейстера своими многозрачковыми буркалами, похлопала длинными ресницами и повторила:

— Грызь!

Тело Виллема ван Майдена, исковерканное до неузнаваемости, сложенное пополам и изломанное, нашли засунутым в узкую щель между двумя покосившимися домишками на неприметной улице. Ван Майден был абсолютно гол, его брюхо было вспорото от лобка до самого горла, а кишки в опавшем брюхе попросту отсутствовали. На лице покойника застыло такое выражение, что даже выдавший виды начальник стражи мелко крестился и

отворачивался.

— Чего его сюда понесло? — недоуменно спросил один из стражников, отлично знавший окрестности. — Ни блядюшника здесь приличного, ни выпивки...

Когда Иероним Босх узнал об этом, он ничего никому не сказал. Просто позвал Марту, попросил ее сбегать в ближайший погребок и сунул кошель с деньгами.

— Купи покрепче, — хрипло сказал он.

А потом заперся в мастерской, и беспробудно пил почти неделю. Марта, которая то и дело подкрадывалась к двери и прикладывала к ней ухо, чтобы понять — жив хозяин или нет, потом божилась подружкам в церкви, что слышала из мастерской женское хихиканье. Но когда мейстер, весь почерневший и опухший от пьянства, наконец-то появился на пороге мастерской, и Марта сумела проскользнуть внутрь, чтобы прибрать следы суровой мужской пьянки — там никого не было.

Всю жизнь Ерун ван Акен, которого история сохранила под именем Иеронима Босха, мечтал рисовать натюрморты. Бывало, что он просыпался утром, радостно улыбаясь, потому что во сне видел гроздь винограда, яблоки на грубом дереве стола, чеканный медный кувшин, из которого тянется стебель свежесрезанной розы... «Рисуй меня!» — будто кричала она, тянулась из сна своими листьями.

Потом Босх улыбаться перестал. Когда он в первый раз попытался нарисовать то, что видел во сне, а потом отошел от загрунтованной доски с нанесенными на нее мазками, то заплакал. Там, в квадрате, пробужденном к жизни его воображением, тянулись к черному небу изломанные ветви странных деревьев, жаба в островерхом железном колпаке играла на дырявой волынке, крылатый уродец щелкал огромными ножницами... Мир Босха стал населен чудовищами — потому что чудовища жили рядом с ним.

После гибели ван Майдена нечисть с розовой шерсткой и огромными глазами, в которых кружилась неприкрытая похоть, сливаясь в кольцо зрачков, какое-то время не появлялась. А потом, однажды утром, оказалась в мастерской. И не одна. С собой она привела еще нескольких — они пищали, сцепившись в клубок, катались по полу, ссорились, но как только мейстер зашел в мастерскую, притихли. Потом вперед вышел один — самый рослый. Глядя на него, Иероним едва сдерживался, чтобы не расхохотаться во все горло — настолько комично-нелепым выглядело это существо.

Розовошерстная сунулась было, чтобы что-то пропищать, но получила от рослого увесистый подзатыльник и спряталась за незаконченную картину. Рослый важно поклонился и почесал щетинистое брюшко.

— Вот! — объявил он. — Здесь жить! Охь-ра-нять!

Он ткнул пальцем на сморщенное нечто в кокетливом огрызке чепца и куске старой шали, обмотанном вокруг тушки.

— Мать! — радостно сказал он. Повернулся в другую сторону. — Зять! — еще поворот. — Дядь!

Почесал шишковатую голову, подергал голым хоботом. Ткнул в создание, радостно грызшее старую кисточку, валявшуюся на полу. — Брось!

Создание послушно оторвалось от недогрызенной деревяшки и вытянулось в подобие строевой стойки, пошатываясь на голенастых птичьих ногах. Глядя на эту фантазмагорию, Иероним протер глаза, отчаянно надеясь, что бредит. Не бредил.

— Брать! — сказал рослый, ткнув когтем в любителя кисточек. Тот радостно оскалился.

— Брать! Брать! Хвать! — оживилась розовошерстная, высунувшись из-за картины.

— Цыць! — строго было сказано ей. Рослый почесал задней ногой за ухом, удивительным образом ухитрившись не упасть, сморщил хобот и презрительно махнул лапой в сторону кокетливой розовой страхолюдины с бантиком.

— Блять! — огорченно сказал он и развел лапами. — Умь неть!

Взгляд одного из глаз предводителя разношерстной банды (второй глаз в это время смотрел куда-то в потолок, точно у редкостного зверя хамелеона) упал на старую почерневшую доску — подарок Иерониму от отца. Это было «Искушение Святого Антония» работы неведомого художника. Краски совсем потускнели, но все еще была отчетливо видна фигура святого, окруженного демоническими страшилищами.

— Дедь! — завопил он, подпрыгнув от радости. — Онь! Дедь!

Иероним хмыкнул, глядя на то, как нечищенный корявый коготок указывает на особенно мерзкого монстра над головой Антония.

— Дед? — переспросил художник.

— Дедь! Дедь! — рослый вдруг погрузился, шмыгнув хоботом и пропищал сипло. — Дедь неть. Пропаль. Многь леть.

«Мне надо выпить», — решил Босх и махнул рукой.

— Пропади оно все пропадом, — сказал он решительно. — Зато какие натурщики...

Ерун Антонисон ван Акен, больше известный как Иероним Босх прожил довольно долгую по меркам того времени жизнь и мирно скончался в своей кровати. Был конец лета 1516 года, над смертным одром художника всхлипывала любящая жена. Все как полагается. До конца своей жизни Босх так и не узнал, почему неприятности, грабители и пожары обходили его дом и мастерскую стороной. В углу спальни жалобно шмыгала хоботком растрепанная розовошерстная страхолюдина, глядя на тело, накрытое простыней. Это она уговорила всю семейку мануанусов остаться в Хертогенбосе. Как ни шипели на нее другие, потом они махнули лапами и согласились — чего там, от добра добра не ищут, а эта... чего с нее взять, коль замуж выдать такую дуру не получается? Проще согласиться. Иероним, смирившийся с тем, что ему повсюду мерещатся крылатые уродцы, считал их своим наказанием за дерзость мыслей, то и дело ходил в церковь, истово молился, просил у Господа прощения за то, что рисует ужасы вместо цветов. И продолжал творить свои картины.

После смерти Босха оказалось, что за душой у мастера нет ни гроша, и даже дом ему не принадлежит. Картины разошлись по друзьям и наследникам. Семейство монстров покинуло мастерскую и затерялось где-то на просторах Европы. Но их и сейчас можно увидеть — достаточно зайти в музей.

Чикаго. Февраль 1929 года

Альфонс Капоне был в ярости. Джек МакГурн, который привык к буйному характеру своего шефа, только покачал головой, глядя, как тот с размаху швыряет в стену, обтянутую дорогими обоями, хрустальную пепельницу работы какого-то там шикарного и модного мастера. Шварк! — и пепельница разлетается тучей острых осколков.

— Послушай, Аль... — начал было МакГурн, но его прервали.

— Нет, это ты послушай! Эта сука, Моран, что он там себе возомнил, а? Я что, похож на лоха, об которого можно ноги вытирать?!

— Не похож ни чуточки, — меланхолично согласился «Пулемет» МакГурн, мысленно прикидывая, что полетит в стену следующим. Не угадал. Это оказалось серебряное ведро для льда. Бабах! Теперь с сигарным пеплом на дорожном ковре смешался еще и тающий лед.

— Мне нужно выпить, — Аль Капоне внезапно остановился и поставил обратно на стол резной стакан, который уже собирался запустить следом за ведерком. Голос его звучал удивительно спокойно. — Нужно. Прямо сейчас.

— Сейчас распоряжусь, чтобы принесли виски, — сказал Джек, но Капоне покачал головой.

— К черту! Хватай свою хренову шляпу, Джек, пойдем, навестим бутлегера. Я знаю тут одно местечко, до которого не добрались крысы. Подышим воздухом. Осточертело уже торчать здесь, как в мышеловке!

МакГурн пожал плечами и взял с вешалки шляпу. К перепадам настроения Аля привыкнуть было нельзя. Можно было только следовать за ним.

Когда они вышли на освещенную улицу, Джек коротко мотнул головой парочке крепких парней в одинаковых пальто. Парни скучали у ступенек парадного. Увидев МакГурна вместе с боссом, они подобрались, выплюнули недокурные сигареты и зашагали следом, отставая на пяток шагов — исполнительные, неразговорчивые, не спрашивающие, куда и зачем.

Аль Капоне шагал, размахивая руками, и вертел головой в «федоре», продолжая громко ругаться — замысловатые непристойности, которые изрыгал его рот под тонкими черными усами, заставили бы заткнуться любого докера. Пулемет МакГурн снова передернул плечами, одновременно проверив, насколько легко вынимается из наплечной кобуры пистолет. На Бога надейся, а сам не плошай.

— Куда идем-то, Аль? — спросил он, подпустив в голос самую малость беспечности. Капоне встал как вкопанный и яростно оглянулся на него.

— А тебе-то что? Иди, куда ведут, и не спрашивай! — он кинул в угол рта толстую короткую сигару и принялся ожесточенно раскуривать ее, нежадно разлохматив кончик. Выпустил клуб дыма в вечерний воздух Чикаго и вдруг смягчился: — Ладно, не дуйся. Нервы ни к черту. Пошли, тут рядом.

Они свернули в незаметный переулок, откуда дунуло холодным ветром, и под ноги МакГурну вынесло пару замызганных газетных листов. Он ругнулся, заметив грязь на лакированном носке ботинка, вынул носовой платок и нагнулся, чтобы стереть скользкое пятно. А когда разогнулся — чуть не уткнулся головой в широкую спину Аля. Тот озадаченно оттопырил толстую нижнюю губу и сдвинул шляпу на затылок.

— Хрень какая-то... Здесь было заведение Микки Горовитца. Вот прямо тут, где я стою, лестница в подвал и деревянная дверь. А сейчас ее нет.

— Как это? — осторожно поинтересовался Джек. — ты не путаешь, Аль?

Тот наградил МакГурна яростным взглядом.

— Я что, по-твоему, совсем тупой? Или, может, я сраный наркоман?! Это было тут! Погоди-ка...

Аль Капоне изогнул бровь и посмотрел на желтую лампочку, неярко светившую шагах в десяти.

— А это еще что такое?

Под лампочкой была дверь. Обычная, ничем не примечательная, таких дверей до черта в разных городах, и за каждой обычно скрывается непримечательная забегаловка. «Скрывалась, — мысленно поправил себя Джек. — До чертова сухого закона». Над дверью красовалась вывеска. Прищурившись, Джек МакГурн кое-как разобрал название: «Две пушки».

— Когда я чего-то не понимаю, мне это не нравится, — сипло объявил Альфонс

Капоне. Гангстер решительно крутнулся на каблуках и зашагал к неведомой двери. — Откуда тут это взялось? Кто это такой смелый — открывать без спроса новое заведение? А?

Вопрос был риторическим, и Джек промолчал. Он коротким кивком послал парней вперед, а сам, настороженно оглянувшись, замкнул процессию. Капоне решительно преодолел пару замызганных кирпичных ступенек и толкнул дверь. Звякнул колокольчик.

Варфоломей. Немного раньше

— Мануанусь! — торжественно, развалившись в большой жестяной миске, вещал наш кошмарный постоялец. — Мануанусь — эть страх! Ужась! Сьмерть!

Я месил тесто для пиццы и задумчиво посматривал на тощую щетинистую лапку, неаппетитно перемазанную в томатном соусе. Впрочем, сам Мануанус Инферналис выглядел не лучше. Соус был везде — на его хоботе и даже на задних лапах, которые торчали из миски, будто там лежала только что ошипанная утка.

— Все мануанусь — эть ужась! Кусь врага, потомь грызь! И кьровь — фrrrrrrрь! — наш кабацкий монстр, очаровательно грассируя, довольно убедительно изобразил предсмертные хрипы неведомого врага и затрясся всем тощим ребристым тельцем. Для пущей выразительности втянув брюхо к самому хребту. То самое, кстати, брюхо, которое, как я уже мог убедиться, способно раздуться до невероятных пределов, вместив почти десять кило отборного говяжьего фарша. Ну, тут я сам виноват. Не углядел вовремя.

— Миску отдай, — кротко сказал я, постукивая для убедительности Зангецу по разделочной доске. Мануанус возмущенно покосился на меня, сфокусировал глаза на ноже, потом многочисленные зрачки снова разбежались в разные стороны и закружились в безумном калейдоскопическом хороводе.

— Неть, — пропищал он. — Я охранять! Врагь кусь мясь, а я его — хватть!

— Мясь я уже нарезал и спрятал, — пояснил я, сам себе удивляясь. Стою на кухне, невесть в каком времени, разговариваю с ожившим ужасом, который способен маньяка-убийцу напугать до мокрых штанов... И что? А ничего! Пришлось признаться: не то я окончательно очерствел, не то просто привык, не то что-то еще. А ведь я видел собственными глазами, как во Флоренции века этак шестнадцатого, куда наш «Дубовый лист» занесло всего на несколько часов после Аляски, здоровенный и насквозь пропитой кондотьер, наверняка прошедший не одну смертоубийственную стычку, потянулся за кинжалом, когда ему не понравился ответ Фараона. Наш практичный валлиец отказался налить ему вина «в долг».

— Охолони, приятель, — сказал он в ответ на ругань и угрозы. — Нет — значит нет. Иди и попей из лужи вместе со своей мамашей-свиньей, понял?

Взвыв от злости под хохот других выпивох, наемник рванул кинжал из ножен. Потом глянул на что-то за плечом Фараона. Уронил кинжал, воткнувшийся в дощатый пол, захрипел от ужаса, царапая скрюченными пальцами завязки на рубахе, упал и тут же помер. В гробовой тишине Фараон обернулся и посмотрел назад. Он-то увидел, что на створке шкафа с бутылками сидит, скрючившись, как горгулья с Нотр-Дам, угрюмый Мануанус, и в глазах его горят нехорошие красные огоньки, дергаясь, как пламя крошечных свечных огарков.

А выпивохи ничего не увидели. Крестясь и бормоча что-то, они подхватили жмурика и уволокли его, оглядываясь и шепча то ли проклятья, то ли молитвы. Должно быть, они еще больше удивились, когда приперлись потом с факелами (а я такой паскудный народишко знаю — обязательно приперлись бы!), и не обнаружили никакого питейного заведения. Я

даже хотел как-нибудь полистать старые флорентийские летописи и покопаться в архивах — а ну как где-нибудь сохранилась запись о «дьявольской пропаже таверны»? Но дела, дела... короче, так и не собрался.

Тесто было готово. То, что надо — не люблю я все эти извращения, когда пицца толщиной с картонку, так что через нее стол просвечивает. Нет, настоящая пицца должна быть в меру пышной, это же не еда распоследнего итальянского бедняка, для которой он по сусекам наскреб пару горстей муки, две тощие помидорки и горсть оливок. Я посмотрел на раскатанный блин теста и начал смазывать его соусом. Мануанус с интересом наблюдал за моими манипуляциями. И вдруг насторожился. Хобот нервно дернулся несколько раз, редкая щетина на загривке вздыбилась слипшимися иглами. Из растопыренных пальцев выскочили длинные, очень неприятные на вид когти. Монстр резво выбрался из миски, не обращая внимания на капающий с него соус. Его глаза расширились так, что весь Инферналис стал похож на какой-то гибрид стрекозы и мясорубки.

— Неть... — проскрежетал он, и спрыгнул на пол.

— Эй! — возмутился я, хватаясь за швабру. — Ты чего творишь? Я только что все вымыл!

Поздно. Что-то вереща, Мануанус долбанул по кухонной двери так, что она чуть не сорвалась с петель. Цокая когтями по полу, он выскочил в зал и яростно заверещал. Это было похоже... да ни на что это не было похоже. Звук саданул по моим барабанным перепонкам так, будто в каждое ухо мне мгновенно ввинтили по ржавому шурупу. Я бросил швабру и заткнул уши пальцами. Помогло слабо.

— Да что тут у вас такое? — на лестнице стоял разъяренный Фараон и тряс головой, морщась от боли. — Дайте почитать споко...

Он осекся, глядя куда-то в сторону двери, и глаза его стали похожи на выпученные зенки Мануануса, который внезапно успокоился и резко замолчал. Я тоже поглядел в ту сторону.

Мама дорогая...

Это было похоже то ли на кошмарную семью беженцев, то ли на небольшой цыганский табор, родившийся в извращенном воображении какого-нибудь последователя Босха, если не его самого. Голова у меня закружилась, и я прислонился к дверному косяку. У нас на пороге стояла целая... семья? стая? рой? — и каждый из них был очень похож на Мануануса. Кто-то настороженно шевелил коротенькими крыльями, кто-то топорщил щетину. Чем-то это все напоминало мне старый фильм «Вий», когда нечисть лезет в церковь к ополоумевшему Хоме Бруту. Слева громко шмыгнул тощий хобот, на кого-то зашипели, и опять наступила тревожная тишина.

Потом толпа чудовищных созданий зашевелилась, и оттуда настороженно выступил худой остроухий монстр, на котором красовалась старая драная бейсболка с надписью Red Devils. Отчего-то это меня рассмешило, и я, не удержавшись, фыркнул. Мануанус Инферналис негодуяще покосился на меня, потом раздулся, как рыба-луна и зыркнул на вновь прибывшего. Под суровым взглядом тот как-то съежился, снял бейсболку с бесформенной головы и развел такими же тощими, как у нашего невольного постояльца, лапками.

— Дедь... Воть...

— Дедь жить здесь! — рявкнул Мануанус. — Одинь!

Дед? Вот это ничего себе... Я от изумления чуть не выронил сантоку, но вовремя успел

поймать нож за самый кончик рукояти. Мануанус тем временем окончательно перешел на какую-то смесь шумерского с арамейским, он всегда так делал, когда был чем-то не на шутку взволнован.

В разговор неожиданно для всех вмешался валлиец. Он помахал рукой и крикнул:

— Эй, эй! Ребята! Невежливо говорить на незнакомом языке, когда хозяева тут стоят и ни черта не понимают!

Спустя некоторое время мы кое-как разобрались. Оказывается, сейчас мы наблюдали трогательную семейную встречу нескольких поколений. Которые все эти столетия кочевали по Европе, останавливаясь там, где им больше нравится, до смерти пугая суеверных горожан и селян, попадая в страшные городские легенды и байки. Наш Мануанус был у них патриархом — самый старшенький, то есть. Неудивительно, раз он помнит еще времена римских императоров. Его отпрысков хватало с избытком (кстати, а как размножаются мануанусы? ничего не хочу об этом знать...), но кто-то сгинул бесследно, а кто-то находился в добром здравии... если, конечно, словом «доброе» тут вообще можно кого-то назвать. Так что теперь весь этот сброд водил за собой самый старший внук.

Тут я услышал знакомое слово и перебил недовольно заворчавшего Мануануса. От его мягких знаков у меня уже ум за разум заходил.

— Босх? — спросил я. Внук нашего монстра закивал своей головой так, что уши затрепетали в воздухе.

— Босьхь! Рисоварь... кхудожьникь! Кисть крась!

— Ого, — Фараон хмыкнул, — так вот кому мы обязаны всеми этими жуткими картинками. А критики-то ломали головы, искали потаенные смыслы, чуть ли не к розенкрейцерам бедного Иеронима причислили. Разгадка лежала на виду...

— Жаль только, что кроме нас ее никто не узнает, — закончил я.

В этот момент я поймал на себе какой-то чересчур уж внимательный взгляд, пригляделся и чуть не подавился чаем — успел все-таки налить себе кружку, под аккомпанемент всех этих семейных разборок.

Из цыганской толпы на меня глядело что-то невообразимо розовое, пушистое и выглядящее настолько странно, что мои глаза отказывались соединять все детали в одно целое. Во-первых, у нее были выпученные глазищи с накрашенными ресницами. Во-вторых, на хоботе красовался кружевной бант. В-третьих, на лапы были натянуты женские, когда-то лакированные босоножки, из которых торчали неумело, но старательно крашенные розовым лаком когти. В-четвертых, шерсть на голове была завита явно при помощи старых добрых бигуди. И, как добивающий выстрел прямо в голову — на этой... этом... была детская юбка на резинке!

Увидев, с каким ужасом я уставился и не отвожу взгляд, монстр женского рода — ну, а как мне это было еще назвать? — кокетливо подмигнул мне и обеими лапами поправил что-то впереди. Наверное, грудь. Потом запахнулся в кружевную шаль, невообразимо пыльную и грязную, и призывно заморгал.

Вид у меня, похоже, был тот еще, потому что даже Мануанус внезапно заткнулся и, лязгнув зубами, вопросительно посмотрел на меня. Перевел взгляд на розовое и пушистое. Его хобот нервно дернулся. Инферналис посмотрел на своего внука, и было в этом взгляде что-то такое, отчего тот отступил на шаг и выставил вперед лапы.

— Неть! Неть кусь! Этъ Блять!

Отчего-то я ни капли не сомневался.

— Блять! — разъярился Мануанус. — Позорь!

— Дедь! — игриво пропищало розовое. — Хвать!

И немедленно свое намерение осуществила.

Несколько секунд Мануанус бессмысленно глядел перед собой, суетливо ощупывая самое дорогое, только что подвергнувшееся вероломному нападению. Его внук зажмурился и прижал уши. Внезапно из клубящейся толпы монстров просеменила какая-то ветхая тварь, больше всего похожая на мою соседку по подъезду из прошлой, ныне закончившейся спокойной жизни. Та пенсионерка, Надежда Петровна, выглядела так же, если, конечно, не брать во внимание хобот. Ветхая резво прихватила пискнувшую Блять за шерсть и утащила в глубину стада.

Мануанус выдохнул и махнул когтистой лапой.

— Брысь, — довольно спокойно сказал он. Приободрившийся внук, видимо осознав тот факт, что убивать сию минуту его не станут, снова затеял спор.

В общем, через полчаса все разрешилось — к нашему удовольствию. Фараон милостиво согласился, чтобы семейство несколько дней провело в нашем пабе («Но только чтобы без шума! Иначе...»), Инферналис пообещал лично присматривать за всеми и каждым. Потом вся толпа собиралась отправиться восвояси, в какую-нибудь другую эпоху. Я, правда, толком так и не понял — как они прознали про «Дубовый лист»? Путаные объяснения внука ясности не добавили: говорил он еще хуже, чем наш Мануанус, так что я просто плюнул и отправился обратно на кухню. Розовое и шерстистое попыталось было увязаться за мной, но получило подзатыльник сразу с двух сторон, что-то обиженно пролепетало и угнездило на музыкальном автомате, в который незаметно превратился патефон. Остальные разбрелись по темным углам, но на люстру никто не посягнул. «Знают свое место», — восхитился я.

А потом нас занесло в Чикаго.

Фараон, Вар и другие

Аль Капоне толкнул дверь. Звякнул колокольчик, и «деловой» решительно вошел в освещенный зал, где не было ни души, но музыкальный автомат исправно играл пластинку. Дюк Эллингтон всю исполнял Creole Love Call.

— Нормально! — рявкнул Капоне, оглядываясь и по-хозяйски уперев руки в мясистые бока. Он откинул полы пальто и обернулся к МакГурну, который озадаченно поднял брови.

— Что такое, Джек?

— У меня такое ощущение, Аль, что эти ребята и слыхом не слыхивали ни про какой акт Уолстеда, — отозвался тот. — Не похоже это на заведение бутлегеров, э?

— Щас узнаем, — цыкнул его босс зубом и потопал к барной стойке. За ней стоял сухопарый чернявый мужик, горбоносый и жилистый. Мужик меланхолично протирал стакан.

— Ты в курсе, кто я такой? — без обиняков кинул ему Капоне.

— Вы Альфонс Капоне, — кивнул тот головой, в меру почтительно, но без торопливости. Ни капли страха или подобострастия — это МакГурн отметил машинально, продолжая изучать обстановку заведения. Скелет акулы под потолком производил впечатление что надо — здоровенная, должно быть, зверюга была.

— Верно. Я Капоне, — довольно ухмыльнулся Аль. — А вот ты что за хер с бугра?

Уловив интонации босса, ребята МакГурна насторожились и положили руки на потертые приклады «томмиганов», подвешенных в удобных петлях под длинными плащами. Мужик, как снова отметил про себя Джек, это все видел, но ни капли не напрягся, не

побледнел и даже стакан протирать не перестал.

— Меня зовут Бран, и это мое заведение «Дубовый лист».

— Че за название такое? — удивился Аль Капоне. — А имя. Ты ирлашка, что ли? Не похож ни разу.

— Босс, там вроде вывеска другая была... — подал было голос один из парней, но Аль глянул на него и процедил:

— Тебя кто спрашивал?

Подручный отвел глаза и стал переминыться с ноги на ногу. «Заменить придется, — с досадой подумал МакГурн. — Слабак, хоть с виду и бычара. Ненадежный».

Капоне снова поглядел на хозяина, но момент для привычного устрашения был упущен. Мужик неторопливо потянулся к шкафчику и плавным движением достал оттуда пузатую бутылку с незнакомой этикеткой.

— Разрешите вас угостить? — спросил он. Как по волшебству, на стойке появились три тяжелых «рокса», отблескивающие хрустальными гранями. Взмах руки — и три порции выпивки янтарно-медового цвета, совершенно одинаковые улеглись в стаканы без плеска.

— Что за пойло? — недоверчиво осведомился Аль Капоне. Он взял «рокс» и принялся. Хмыкнул удивленно. — Джек, глянь-ка. Похоже, и впрямь виски, а не та аптечная микстура, которую разливает по бутылкам Парнелл в этом районе...

Джек МакГурн тоже поднял стакан и как следует потянул носом воздух. Да, аромат был отменный. Пахло медом и фруктами, чуть обожгло ноздри. Виски, точно. Настоящий шотландский, такое ни с чем не спутаешь. МакГурн сделал глоток и прищурился.

— Ну как? — ох уж этот Аль, недоверчивый, как всегда.

— Пей, — сказал Джек. — Не пожалеешь.

Капоне пригубил, потом крякнул изумленно и в пару глотков прикончил весь виски в стакане. Поставил «рокс» на стойку, легонько толкнул его в сторону хозяина.

— Значит так. Сейчас ты мне говоришь: что, откуда и почему. А потом я думаю, что с тобой, таким ушлым, делать. А заодно и с твоим баром. Этим стаканом ты только что купил себе время. Не знаю, откуда ты такой борзый, но вискарь у тебя классный.

Скрипнула дверь за стойкой. МакГурн одним коротким движением достал из кобуры и положил перед собой на стойку «кольт». На пороге кухни («Да, точно, должна же быть здесь кухня, раз такое заведение», — подумал Джек) стоял здоровенный лысый детина и непонятно на всех смотрел. Тоже без малейшего страха. Рукава куртки у детины были засучены, а мускулистые руки покрыты цветными татуировками, по виду точь-в-точь как у матросов, которые частенько ходят к япошкам и где-нибудь там, в Нагасаки, рисуют на себе всяких рыб, демонов и цветы. Красиво, но сам МакГурн сроду бы не стал делать себе такую.

— А ты еще кто? — этот вопрос сегодня звучал как-то уж слишком часто.

Варфоломей молча оглядывал всю честную компанию. У стойки стоял мордатый коротышка в сбитой на затылок шляпе. Попадись такой где-нибудь еще, даже внимания на него не обратил бы, типичный коммивояжер, как из книжки. Вот только взгляд у коммивояжера был нехороший: холодный, с хозяйским прищуром. Да и лицо, которое не раз и не два попадалось Вару в книгах, посвященных «сухому закону» и американской преступности, тоже не вызывало желания застраховать у коротышки свой автомобиль. Гангстеры, мобстеры, «славные парни», черт их разберет. Короче, нет бога, кроме нелегального бухла, и Аль Капоне — пророк его.

— Мистер Капоне, — наконец, сказал он, решив, что злить дерганого Аля не стоит,

репутация у бандита была так себе. — Меня зовут Вар, я здешний повар.

— Повар? — удивился Капоне и махнул Фараону — опять же по-хозяйски, даже не глядя. Валлиец понял все правильно и снова налил виски. Основательно так налил, на два пальца. Вар пригляделся. Не скупится дружище Бриан, не скупится... Наливать пришлым бандосам вот так вот запросто сорокалетний Valvenie — это по-нашему, по-русски, от всей широкой души.

— Откуда меня знаешь? — спросил Капоне, ухватив толстыми пальцами «рокс». Фараон выставил на стойку глубокую тарелку с орешками, гангстер цапнул парочку и бросил в рот. Задвигал челюстью, перемалывая.

— Да кто же вас не знает? — отозвался Варфоломей, глядя, как на люстре с интересом наблюдает за всем происходящим Мануанус. — Это же вы сказали, что добрым словом и револьвером можно добиться гораздо больше, чем просто добрым словом.

Капоне расхохотался.

— Слыхал, Джек? Я сказал! Прикинь, а я и не помню! Но мне нравится, да нравится... — он резко оборвал смех и прищурился, глядя на Варфоломея. — Только это не так.

Альфонс Габриэль Капоне выдержал драматическую паузу и продолжил:

— Я бы сказал «добрым словом и кольцом», сечешь? Не люблю револьверы, мороки много, — и снова закатился смехом. — Мне нравится этот повар, и слова ничего так, возьму на вооружение.

Джек МакГурн хмыкнул и пригубил виски. В отличие от Капоне, он не переставал шарить темными глазами по залу. Вар хорошо помнил из прочитанного, как опасен был этот сицилиец, выросший в Бруклине и успешно притворявшийся ирландцем. Мужик не злой, но исполнительный и совершенно безжалостный — такие как раз и делали себе успешную карьеру в «ревущие двадцатые». Если, конечно, не ложились под пулями других искателей удачи.

— Может быть, предложить вам стол, господа? — спросил Фар. — Виски, ясное дело, за счет заведения.

Аль Капоне коротко глянул на него и задумался.

— Ну, а чего бы и нет? — решил он через несколько секунд. — Я ведь и вышел-то только затем, чтобы выпить. Заодно и перетрем, как с вами быть. Джек, ты никуда не торопишься? Тебя Луиза не заждалась?

— Подождет, — коротко ответил МакГурн.

— Ну и ладненько. Где там твой стол? Эй, а вы чего там встали? — босс махнул рукой подручным. — Давайте, садитесь, я не фараон какой-нибудь, чтобы передо мной все стояли навтыжку. Угощают, а мы и не откажемся, да, парни?

«Быки» улыбнулись натужно, но перечить не стали — босс шутить не любит и дважды не приглашает! — поэтому аккуратно подсели к столу, на котором уже появились стаканы (на сей раз шесть), закуска и содовая.

— И ты, повар, иди сюда! — Капоне снял шляпу и небрежно кинул ее на крючок. Бросок удался, «федора» повисла на крючке, и чикагский гангстер довольно заухмылялся. Вар подошел и неспешно примостился за соседним маленьким столиком, пододвинувшись поближе.

— Выпьем, что ли? — спросил Аль. И тут же резко, без перехода: — Слышь, ты че творишь?

Фараон вскинул брови, но увидел, что взгляд Капоне прикован к лицу «быка», застывшего со стаканом в руке.

— Это тебе что — микстура от кашля, что ли? На кой черт ты льешь в этот виски содовую? Совсем рехнулся? Только напиток портишь. Пей чистым и только попробуй еще раз сделать что-нибудь такое — мало не покажется, сечешь?

Парень истоиво закивал головой и отодвинул от себя содовую, глядя на нее, как на адское пламя.

— Другое дело, — удовлетворенно сменил гнев на милость Капоне. — А теперь выпьем.

И мы выпили. А потом выпили еще и еще. Хорошо так выпили, на всю катушку.

— А картишки у вас тут имеются? — Аль Капоне чуть посоловел, но взгляд оставался твердым и цепким, а голос — властным. Варфоломей поглядывал на него и думал, что талант не пропьешь, каким бы он ни был. Все-таки фигура, историческая личность, хоть и мерзавец.

— А как же, — отозвался Фараон. — Сейчас организуем.

— Во, это правильно, а то я уже зевать начал, — усмехнулся гангстер.

Карты появились на столе, и колода мгновенно затрещала под ловкими пальцами МакГурна. Он уже собирался было раздать, как вдруг Аль Капоне подскочил на стуле.

— Это что за хрень? Кто меня за коленку хватает? — заорал он, побагровев от злости. — Руки все показали!

Подручные переглянулись с испугом и вытянули ладони вперед. МакГурн невозмутимо продолжал тасовать колоду — его-то руки были и так на виду.

— Тебе показалось, Аль, — сказал он. — Успокойся ты, хорошо же сидим, какие еще коленки?

Капоне матюгнулся, но постепенно успокоился. Раздали карты, и тут же один из быков, неловко шевельнувшись, смахнул свои под стол.

— Тьфу ты, деревня! — плюнул Аль Капоне. — Ползи теперь, доставай! Мог бы тогда сразу засветить картишки, чего мелочиться?

Парень, мрачно сопя, полез под стол. «Томпсон» он давно снял, как и другой «бык», и повесил за ремень на вешалку рядом. Внезапно «бык» взвыл нечеловеческим голосом, треснулся спиной об массивную столешницу и на четвереньках, по-крабьи выскочил из-под стола, подвывая от ужаса. Лицо его было белым, как у призрака, а волосы стояли дыбом.

— Чего? — Капоне вскочил, бросив карты, и выдернул пистолет из кобуры под пиджаком. И тут же заорал тоже. А Фараон с Варфоломеем переглянулись в ужасе. Потому что оба они отчетливо увидели, как покрытая розовой шерсткой лапка с размаху хлопнула Капоне по заднице.

— Там... там... — подручный, так и не поднявшийся на отказывающие от страха ноги, подвывал, отползая от стола подальше. — Там дьявол!

— Хвать! — пропищало что-то из-под стола. Капоне заорал снова, теперь уже во всю глотку. И выстрелил. Пуля прошила половицу прямо под ногами у Джека МакГурна, который враз утратил всю невозмутимость.

— Аль! — крикнул он. — Ты совсем сдурел?

— Заткнись! Оно меня потрогало! Ай!

«Кольт 1911» грохнул еще раз. Теперь пострадал соседний стул, который с треском завалился на перебитую пулей ножку.

— Неть! Хвать!

«Бык» завыл совсем уже дурным голосом. Остановившимися от ужаса, круглыми, как у совы глазами он смотрел на крылатое страшилище, выпрыгнувшее из-под стола, скалящее тонкие шилья зубов и тянущее к нему лапы.

— Кх... кхрррр... — заперхал он, раздирая тугой ворот рубашки на налившейся нездоровой синевой шее. Дернул ногами и свалился, закатив глаза и с тупым костяным стуком ударившись затылком об пол. Второй подручный тоненько визжал, уставившись на люстру. Джек МакГурн несколько раз перекрестился. Все-таки крепкий мужик, остался сидеть, как сидел, только белые пальцы накрепко сжимали карты.

Фараон

Я не сразу понял, что происходит. Вокруг орали так, что казалось — стаканы потрескаются. А вот я, да и похоже, что Вар вместе со мной, видели только хихикающую Плять, которая выглядела вовсе не страшно, даже умильно, со своим помятым бантиком. Чего эти ребята так всполошились?

Это потом уже Мануанус объяснил нам с Варом (если, конечно, объяснением можно было назвать отдельные слова с чудовищным акцентом, из которых наша образина составляла свою речь), что мануанусы никогда не выглядят страшными для тех, с кем рядом решили обитать. Просто уродцы, невозможные создания, ничуть не ужасные — и только. Но вот для чужих это реальные монстры. Я не уверен, что понял, но кажется, Инферналис объяснил, что, когда его запечатывали в гробницу, в полном составе полег целый отряд тяжеловооруженных воинов, и два мага с ними в придачу. Они полагались на свои освященные мечи, заговоренные щиты и проверенные молитвы.

Вышло как-то не очень. В конце концов, маги победили и сумели наложить печать на двери гробницы — но тут же и сами отбросили копыта, досуха высосанные противостоянием злу. А запертому монстру пришлось отчаянно скучать несколько сотен лет.

— Не надь такь! — укоризненно потряс когтистым пальцем Мануанус и обиженно посмотрел на нас, будто гробницу построили именно мы.

Примерно то же самое получилось и сейчас. Засидевшаяся мадам расчесывала свою розовую шерсть, а потом решила пошалить. Ну в крови это у нее... или что там у них вместо крови, ихор? Не удержалась и стала приставать к таким видным мужчинам. Нас в Варом она, понятное дело, исключила из списка, памятуя о крепких затрещинах от деда и отца. Но за столом сидели еще четверо, и эти четверо оказались оч-чень любопытными объектами для флирта «мануанус-стайл».

Недолго думая, Блять прихватила за коленку первого, кто попался. Понятное дело, попался ей сам Аль Капоне. Ну, а потом паренек уронил карты...

— Не тронь меня! — Капоне забился в угол и выставил впереди «кольт». — Изыди!

— Неть! Амь! — розовошерстная захихикала и ухватила Аля точно между ног.

— Ым-м! — выпучил глаза гангстер. Джек МакГурн дернулся к своему пистолету, второй «бык» рванулся к вешалке, сдергивая оружие за ремень, и мы с Варом приготовились к неприятностям. Но тут на паб обрушилась невозможная, вязкая как кисель, тишина, будто сверху кто-то вылил ведро жидкого льда.

По столу, небрежно распихивая лапами карты, шествовал Мануанус Инферналис. Он остановился перед Джеком МакГурном, который силился нажать на спусковой крючок и не мог, увязнув в остановившемся времени, точно муха в янтаре. Мануанус заглянул в помутневшие глаза «ирландского сицилийца» и оскалился во всю ширину пасти. МакГурн,

лицом похожий на статую из белого мрамора, не мог пошевелиться, и только зрачки его глаз расширились во всю радужку.

— Неть, — что-то увидев в глубине этих зрачков решил Мануанус. Щелкнул костистыми пальцами. — Не смерть. Бежать. Шпать!

Потом он повернулся к замершему Капоне и радостно сопящей на нем Бляти.

— Брысь! Оставь! — прошипел он.

— Неть! — заныла та. — Жить с нимь! Брать! Хвать! Сладь!

Инферналис вздохнул, вышло это у него как-то совершенно по-человечески.

— Мать-перемать, — непривычно длинно выразился он и почесал за ухом. — Внуць!

Существо в криво напыленной бейсболке тут же возникло прямо перед ним.

После короткого спора решение было принято — а мы двое могли только сидеть и смотреть. Хотя краем глаза я заметил, что Вар, похоже, вовсе не застыл. В его глазах прыгали веселые искорки, а пальцы поглаживали шершавую рукоять сантоку по прозвищу Зангецу. «Надо же, — изумился я. — Вот она, особая кухонная магия!» Я рискнул пошевелить головой, и понял, что преспокойно могу это сделать. Видимо, на своих умение Мануануса не распространялось — ну, или он сам так решил.

— Брысь с нимь, — распорядился Инферналис. Потом с невыразимым презрением пожал щетинистыми плечами и добавил совершенно без всякого акцента. — Вульгарисы...

Обрадованная Блять схватила замершего и пучащего глаза Аль Капоне и поволокла его к дверям, каким-то образом ухитрившись взвалить тучного гангстера на свое тщедушное тельце. Обернувшись к вешалке, Мануанус ухмыльнулся, и мне на долю мгновения показалось, что я успел уловить его настоящий облик. Нечто совершенно чудовищное, неопишное словами, кошмарное — дохнуло в меня ледяным ужасом, милосердно чиркнуло по мозгу и тут же исчезло, не давая возможности запомнить и увидеть целиком.

Инферналис ткнул когтем в сторону «быка», отчаянно тянувшегося к «томмигану». Коротко прошипел что-то. Здоровенный детина дернулся, почернел, открыл рот в беззвучном вопле. И тут же просто осыпался мелкими черными чешуйками пепла, как догоревшая сигарета. Мертвеца на полу постигла та же участь. А Джек МакГурн, двигаясь, как сомнамбула, взял со стола свою шляпу, перекинул через согнутую руку пальто, сунул «кольт» в кобуру и на негнущихся, будто деревянных ногах пошел к двери паба, повторив путь безвольной тушки Капоне, которого уже и след простыл. Медленно открыл ее и вышел на улицу.

Дверь хлопнула, медленно и тускло прозвенел колокольчик. И тут же растаяло ощущение ледяного кома в желудке.

За столом было пусто. Только дымился в хрустальной пепельнице окурочек контрабандной «короны», лежали россыпью карты, да на полу рядом темнели две кучи пепла.

— И что это было? — мрачно спросил Варфоломей. По углам завозились и зашуршали. Мануанус почесал пузо и жалобно сказал:

— Блять — неть! Никто не хвать!

— За это я тебе, пожалуй, даже благодарен, — подумав, согласился повар. — А убивать тех двоих точно надо было?

— Неть, — сокрушенно сказал Инферналис, соскребая с лапы засохший томатный соус. — Онь стрелять, я кусь. Второй — не я.

— Я за шваброй, — хмуро сказал Варфоломей. И вдруг крепко зарядил себе по лбу

ладонью, взревев раненым медведем: — Да пицца же, блин! Сухой закон ваш, так-перетак!

Повар рванулся в сторону кухни, по пути рассказывая, что он обо всем этом думает.

Фараон проводил его взглядом, вздохнул, зашел за стойку и взял совок с метелкой.

Он успел собрать весь пепел, которого оказалось на удивление немного, и аккуратно ссыпать его в мусорное ведро. Успел налить себе виски и примоститься за столиком.

Колокольчик снова звякнул.

— Вечер добрый, — на пороге кто-то стоял, стряхивая с плаща крупные капли дождя. — Не видел раньше этого места. Неужели кто-то плюет на «сухой закон»? Глазам не верю. В таком случае, может быть, у вас найдется что-нибудь покрепче чая, мистер?

Гость шагнул в зал и спохватился.

— Кстати, я нашел прямо у вашего порога шляпу. Отличная «федора», похоже очень дорогая. И метка есть, — он замешкался, — да, точно. «Эй Си». Не ваша?

— Повесьте вон там, на крючок, — отозвался Фараон. — Думаю, у хозяина эта шляпа не одна, хотя как знать? Проходите, мистер, сейчас что-нибудь сообразим.

Гость шагнул под лампу, и свет очертил молодое лицо с гладко выбритым крепким подбородком. Мелькнул шрам на лбу.

— Эрнест, — протянул он руку, которую Фараон незамедлительно пожал, — если уж у вас водится виски, то плесните как следует, не скупясь. Я весь промок, как собака. Не люблю большие города, а Чикаго в особенности. Если бы не дела, сроду бы не приехал сюда из Вайоминга. Какая там охота, вы бы только знали!

Говорил он рублеными, четкими фразами, точно печатал их на пишущей машинке.

— Знаю, — засмеялся валлиец, сноровисто разливая по стаканам виски, на этот раз другой, с терпким, дымным запахом. Он пододвинул стакан гостю, а сам взял второй.

— За что выпьем? — спросил посетитель, откидывая ладонью со лба густые темные волосы.

— Давайте... — Фараон на мгновение задумался, потом улыбнулся. — Давайте за прощание с оружием. Да, пожалуй. Прощай, оружие! — повторил он с удовольствием и выпил до дна. Мужчина изумленно поглядел на него, не донеся свой стакан до губ.

— Откуда вы знаете? Это же название моей книги... Но роман только что вышел из типографии...

— Я много что знаю, мистер Хемингуэй, — рассмеялся хозяин паба. — Пейте. Сегодня нам никто не помешает.

Глава 10. Непотопляемый

Лондон. Май 1912 года.

— Продолжим, — судья был деловит и краток. На самом деле сэр Джон Бигман, за плечами у которого было множество громких судебных дел, просто очень устал. С тех пор, как началось разбирательство по этому кораблекрушению, прогремевшему по обе стороны Атлантики, судья только и делал, что перечитывал машинописные копии допросов свидетелей, увесистые тома морского права и просматривал целые груды чертежей. Судья чертовски хотел спать, но времени на это не было — общественность требовала призвать виноватых к ответу. Оставалось только понять, кто же они — эти самые виноватые.

— Вызывается свидетель Чарльз Джоуин, — бесцветным от усталости голосом произнес Бигман и негромко стукнул судейским молотком по столу — почти не коснулся полированного дерева специальной подставки.

— Вы были пекарем на лайнере «Титаник», принадлежавшем компании «Уайт Стар Лайн»?

— Да, Ваша че... Ваша милость... Ваша... — худощавый мужчина со щегольски нафабранными усами запнулся и покраснел.

— Обращайтесь ко мне просто «судья». Давайте уже оставим все эти церемонии, мистер Джоуин.

— Как скажете, Ваша... судья. Да, я устроился на «Титаник» перед самым выходом в море. Только не пекарем.

— Нет?

— Главным пекарем, судья. Под моим началом была еще целая команда. Славные ребята. Почти все там остались...

— Пожалуйста, давайте придерживаться точной последовательности событий, мистер Джоуин. Расскажите, что было до крушения?

— Да ничего не было, — недоуменно пожал плечами Чарльз Джоуин и провел жесткой ладонью по коротко стриженным темным волосам. — То есть, все было как обычно. Ночная смена закончила с тестом — мы его всегда ставили с расчетом, что надо будет утром, к завтраку, подать побольше горячей выпечки пассажирам первого и второго классов. Ну, а потом я лично проверил, все ли готово, пошел и лег спать.

— И все? — Бигмен пристально смотрел на пекаря.

— Да, судья. Я заснул сразу, всегда сплю крепко, так что пушкой не разбудишь. Но в этот раз проснулся мигом. Еще бы не вскочить, когда так долбануло, что едва с кровати не скинуло! Спал я одетый, только брюки снял, чтобы не помялись. Утром некогда разлеживаться — подхватился, да беги работать. Вот я и решил, что прилягу по-быстрому, чтобы потом времени не терять...

— Что было дальше, мистер Джоуин?

— Дальше... Я же говорю — долбануло так, что я сквозь сон решил, будто что-то взорвалось. Я открыл глаза, сразу подскочил, натянул брюки, схватил рабочую куртку — и ходу из своего закутка! Побежал к ребятам. А там у всех паника, потому как народ полусонный, да и раньше в море никто не ходил, в отличие от меня. Тут я понял — беда, нужно чем-то их занять, а то худо будет, совсем голову потеряют.

— И что же вы сделали?

— Скомандовал, чтобы хватали мешки и набивали их хлебом из вчерашних остатков. Оставалось очень много, поэтому я прикинул и кричу: «Каждый — по полсотни буханок на палубу!»

Судья Бигмен впервые за сегодняшний день посмотрел на свидетеля с интересом.

— Зачем же?

— Меня как будто что-то изнутри толкнуло: похоже, дело серьезное. Я же сызмальства в море, судья, и братья у меня на королевском флоте. Так что нутром чую, когда пахнет жареным. А как раз такое чувство у меня тогда и было. Поэтому я про хлеб и скомандовал. Решил, что пусть лучше в каждой спасательной шлюпке будет запас, от этого пекарня не обеднеет. А если придется ответить за самоуправство — так я отвечу. Перед людьми легче оправдаться, чем перед Господом.

— Очень благородный поступок с вашей стороны, мистер Джоун, — сухо отметил судья.

— Благородный он или нет, просто показалось, что так будет правильно. В общем, когда мои парни перетаскали весь этот хлеб по шлюпкам, я их собрал вместе и сказал: «Братцы, теперь спасайте свои жизни. Я вам больше не начальник. Выживем — свидимся». И ушел. Потому что — ну какой из меня командир, а? Тем временем пароход уже начал крениться, палуба ощутимо так наклонилась.

— Вы видели кого-нибудь из старших офицеров?

— Капитана, вы хотите сказать, судья? Нет, не видел. Это ж по нашим меркам небожители, они до нас никогда и не снисходили. Ни капитан, ни старпом... Вот Берта Питмана видел, да, он как раз на «Титанике» за палубные дела отвечал.

— Герберт Питман, вы хотите сказать? Третий офицер?

— Ну да, он. Мы все его звали Бертом... В общем, Питмана я увидел, когда таскал буханки на шлюпочную палубу. Он меня по плечу похлопал: все, мол, верно делаешь, продолжай — и куда-то убежал.

— Продолжайте, мистер Джоун.

— Я и говорю. Попрощался я со своими ребятами, и напрямик пошел, куда глаза глядят. А глядели они у меня в бар, куда же еще.

— В бар? — приподнял бровь судья Бигман.

— Так точно, Ваша честь, судья. Именно в бар. Я решил: уж если сегодня на тот свет, так дам я себе поблажку, отправлюсь туда под хмельком, а то и совсем пьяный. Так веселее. Потому как страшно мне было — до чертиков, хоть перед своими я и храбрился, как мог. А сейчас махнул на все рукой и отправился... Хотя нет, не так. Сначала я дошел до шлюпок.

— Зачем?

— Мне ж место в шлюпке было назначено. Мог сесть и спокойно сидеть, ждать, пока спустят на воду. А потом — знай, греби... Но я к тому времени уже подогретый был, — бывший главный пекарь смущенно кашлянул в кулак, — в закутке-то у меня была бутылка доброго виски припрятана. Ну знаете, плотнуть с устатку, чтобы ночью не так холодно и сыро было. Вот я и выхлебал ее всю.

Судья Джон Бигмен терпеливо слушал, чуть поджав губы.

— Пришел я к шлюпке, а там уже идет погрузка. Женщины, дети... Какой-то сучий сын... извините, судья! — фрачник какой-то, так и лез в шлюпку поперек всех, прямо ужом вертелся. Пришлось отвести его за угол и сунуть пару раз в ухо. Как на духу говорю — просто не стерпел. Смотрю, а шлюпка-то уже полным-полна, но для меня место еще нашлось бы. Да

только я плюнул на это, и какую-то дамочку с сыном посадил туда. Что я, не из Биркенхеда родом, что ли? У меня дед был на том судне, которое в честь нашего города назвали. Ну знаете, судья, тот самый «Биркенхед», который в пятьдесят втором на дно пошел...

— Мне известно про этот случай, — кивнул головой судья.

— Мой дед был там. Сержантом в Западно-Суррейском Ее Величества полку. Ему повезло, уцелел, и от акул спасся чудом. Он мне и рассказывал, как солдаты и офицеры до конца оставались стоять на палубе, пока женщины и дети садились в шлюпки. Вот я его рассказ на «Титанике» и припомнил.

— Что было потом?

— Потом... А вот потом я точно пошел в бар, уже без всякого промедления. Странное это было местечко, доложу вам, судья. Но приятное...

Несколько месяцев назад. Апрель 1912 года. Где-то в Атлантике

Фараон

Бар на трансатлантическом лайнере — не то заведение, которым я мечтал управлять. Честно скажу, уж больно хлопотное местечко. По неисповедимой прихоти судьбы, на этот раз наш «Дубовый лист» превратился в шикарный, обшитый дубовыми панелями (натуральными, между прочим!) зал, в котором хватало места на десяток столиков и длиннющую барную стойку все из того же дуба. Люстра, кстати, тоже была, хрустальная и с кучей каких-то бронзовых висюлек. Что касается самого бара, то бутылок здесь была целая прорва, но вот беда — названия большей части из них мне не говорили ровным счетом ничего. «Ирландский особый виски от Корморана» — что это, скажите на милость? Это хорошо или плохо? А перегонка тройная или нет? «Содовая МакКинли»... ладно, содовая она и в Африке содовая, как ни крути. Но вот «Бодрящий сироп Лапуа» своим названием напоминал мне какое-то лекарство. Следовало ли добавлять его в коктейли, или этот самый сироп предназначался для чего-то другого?

Впрочем, бедняге Вару пришлось еще хуже. Кухня в этом баре вообще оказалась не предусмотрена — только легкие холодные закуски и бутерброды, всякие там канапэ на шпажках. Вместо холодильника был ледник, благо запасы льда там не иссякали.

Похоже, этот бар не числился ни на одном чертеже «Титаника». Я это понял, когда к нам забрел один из офицеров лайнера, который, похоже, относился к механикам. У мужика глаза на лоб полезли, когда он внезапно нарисовался на пороге нашего заведения. Он даже зажмурился, а потом крепко потер лицо ладонями. Потом решительно подошел ко мне.

— Простите, мистер... э-э...

— К вашим услугам, сэр. Я Бриан, сэр. Бриан... Смитсон.

— Мистер Смитсон, это что — бар?

Я оглянулся по сторонам и пожал плечами.

— Конечно, сэр. А на что еще это похоже?

— Но... Откуда он здесь?

Какой-то джентльмен в серой клетчатой визитке, прислушивавшийся к нашему разговору, негромко хохотнул и тут же сделал вид, что всецело занят своим стаканом виски с содовой.

— Что значит — откуда, сэр... не имею чести знать вашего имени... — пришло время прикинуться таким непробиваемым барменом. Берем в руки бокал, полотенце, вытираем, смотрим прямо в глаза.

— Я Питман. Герберт Питман, третий палубный офицер. Моя работа — знать все, что

творится на палубах «Титаника». Я знаю каждый чертеж лайнера до мелочей. Но бар... я просто не припомню...

Бедняга был в растерянности, на него прямо смотреть было жалко. Питман даже снял фуражку и вытер большим фуляровым платком вспотевший от волнения лоб. Нервно поерошил бакенбарды и снова уставился на меня.

— Мистер Питман, сэр. Я не понимаю вашего вопроса. Это палубный бар второго класса, сэр. Мы здесь с самого выхода из порта. Как еще, по-вашему, это заведение могло здесь оказаться? Ведь не из воздуха же?

Так. Подбавить немного деловитой наглости в голос: мол, смотри, я занятой человек, у меня клиенты, соображай быстреей.

— М-да... — Герберт Питман медленно и озадаченно покачал лысеющей головой. — Прямо какое-то помрачение рассудка. Простите, мистер Смитсон. Что-то со мной не то сегодня.

— Понимаю, сэр. У вас очень много работы, все эти хлопоты, пассажиры, палубное хозяйство. Такой огромный пароход, сэр. Не желаете ли капельку нашего фирменного коктейля?

— Коктейль? — офицер отреагировал со слабым интересом. — Признаться, никогда не пробовал, считал это американской блажью. Хотя один мой старый друг по морскому училищу — большой любитель такого рода напитков. Даже не знаю...

— Ну что вы, сэр! — ага, сейчас я тебя поражу наповал. — Это, можно сказать, давным-давно выбор тех, кто следует за модой. Конечно, хороший шотландский виски остается вне конкуренции, сэр. Но коктейли смешивают уже сто лет, и пока что эта наука — да-да, именно наука, сэр, не улыбайтесь! — еще ждет своих колумбов. Кстати, могу предложить вам «Кровавую Мэри».

— Что-что? — теперь уже заинтересовался не только Питман. Оторвался от своего виски мужчина в клетчатой визитке, и еще два джентльмена, лениво перекидывавшихся в бридж за столиком неподалеку, тоже наострили уши.

— Извольте. Для начала позвольте вас слегка шокировать. Берем настоящую русскую водку.

— Водка! — Питман был поражен до глубины души. — Это же грубый напиток без всякого аромата!

— Да, сэр. Исключительно грубый и резкий. Но дайте мне всего минуту.

Да, я знаю, что «Кровавую Мэри» впервые подали аж в 1921 году, и было это в Париже. Кажется, в баре со странным для французской столицы названием Harry's New York Bar. Тогда все случилось случайно — тамошний бармен Петтио страдал от безделья и перепутав бутылки, ливанул в водку томатного сока. Ну, а я сейчас сделаю все по правилам. Так-так. Где тут у нас ворчестерский соус? Вот он. Щепотка перца... соль... пара капель табаско. Водка, томатный сок, несколько капель лаймового. Теперь веточка сельдерея и — вуаля! — подаем.

— Это пьют сразу, несколькими глотками, сэр, — учтиво сказал я, поставив перед Питманом высокий стакан с долькой лимона, насаженной на край. Офицер недоверчиво взял стакан в руку, принялся, хмыкнул негромко.

— На кону моя репутация, мистер Питман, сэр! — подбодрил я его. — Давайте же. Поверьте, вам понравится!

Наконец, Питман решил и опрокинул стакан в рот. Замер, выдохнул и прислушался к

своим ощущениям. Потом его брови поползли вверх, и он одобрительно кивнул.

— Действительно, очень... бодрит, мистер Смитсон. Знаете, я бы сказал, что это весьма вдохновляющее сочетание! Вы только что изменили мое представление о русской водке.

— Только в чистом виде ее не пей. Не надо, тебе не понравится, — меланхолично сказал по-русски появившийся за моей спиной Варфоломей. На сей раз повар был одет в щегольской сюртук «с искрой», отутюженные брюки и лакированные ботинки. Из-под жилетки виднелась ослепительно белая рубашка.

— Простите? — озадаченно спросил Питман.

— Я говорю — отличный выбор, сэр, — дружелюбно отозвался Вар, на сей раз на безупречном английском. Мануанус, устроившийся на одном из рожков бронзовой люстры под потолком, пропищал что-то неразборчивое и слышимое только нам. Я незаметно показал ему кулак, и монстр обиженно свесил вниз щетинистый хоботок.

— Могу я попросить то же самое, мистер Смитсон? — робко осведомился один из любителей бриджа. Его товарищ энергично закивал головой.

— Разумеется, господа!

Вот она, мирская слава. Глория мунди, так сказать. Теперь я — изобретатель «Кровавой Мэри». Главное, чтобы эта глория не канула вместе со мной на дно океана. Чертов «Дубовый лист», да что с тобой не так?

Некоторое время "до". Фараон и Вар

— Твою мать.

Варфоломей грохнул кулаком по барной стойке.

— Твою мать! — повторил он громче и с нарастающей безнадегой в голосе. Фараон молча смотрел на него.

— Мало того, — прошипел повар, — что здесь вообще нет кухни. Мало того, что этот дурацкий прикид жмет под мышками. Так это что — еще и «Титаник»?!

— «Титаник», — флегматично подтвердил валлиец. — И мы на нем.

— И сегодня тринадцатое апреля.

— Верно.

— За что мне это все?!

— А мне?

Вар подумал и решительно сказал:

— И тебе тоже не за что.

Он прищурился и протянул:

— Ма-а-ануанус...

— Неть, — твердо заявил монстр, расположившийся в мельхиоровом ведерке для шампанского и зябко кутающийся в коряво связанный шерстяной шарф. — Туть самь не знать.

— То есть, ты не в курсе, — уныло перевел его слова на человеческий язык беглый повар и пригорюнился. — Елки-палки, во дела...

— Да ладно тебе, — рассудительно отозвался Бриан. — Бывало и хуже.

— Когда? — нездорово оживился его компаньон. — Ну-ка, расскажи?

— Ну... — после продолжительного молчания хозяин паба был вынужден признать: — Нет. Хуже точно не было. Даже когда я попал в Гренландию времен викингов.

— А там-то откуда пабу взяться? — удивился Вар.

— Именно. Я тебе потом расскажу. И про скисшее пиво, и про длинный дом с торфяной

подсышкой, и про очаг по-черному, и про овец прямо в доме. И про кровную месть по любому поводу. Потом. Если выберемся отсюда. Тогда я хотя бы не собирался утонуть.

— Надо же что-то делать! — Вар энергично потер лысину обеими руками и привычно взялся за сантоку.

— Что? — нехорошо покосился на него приятель. — Ты, кстати, это... ножичек-то спрячь подальше. Здесь тебе не суши-бар и даже не закусочная. Не поймут. Приличное общество, начало двадцатого века, Европа... К тому же, похоже, готовить тебе не придется.

— Надо попробовать избежать встречи с этим чертовым айсбергом, — пробубнил Вар хмуро.

— О. А я все гадал — когда тебе придет в голову идея поменять исторические реалии? Ну ладно, допустим: «Титаник» отвернул от айсберга. А что потом?

— Потом лайнер придет в порт.

— И все благополучно сойдут с трапа на берег?

— Точно.

— Все-все? Включая важные шишки, типа богатея Джона Джекоба Астора, Исидора Штрауса и прочих? Которые были известны на двух континентах? И ты их — раз, и воскресишь своей чудесной волей?

— Да уж. Тогда что делать?

— Все как обычно. Давай готовиться к посетителям. А там — будь, что будет. Кстати, у нас довольно хорошее место. Насколько я понял, это палуба второго класса, рядом с курительным салоном.

— Откуда ты знаешь? — удивился Вар.

Фараон вздохнул.

— Когда-то в юности я очень интересовался всей историей этого рейса «Титаника». До дырки зачитал кучу книг. Вот и посмотрим, есть ли от этого хоть какая-то польза...

14 апреля 1912 года. Атлантика. На пути к Ньюфаундленду

— Что вы здесь делаете? — Чарльз Латойллер, второй помощник капитана, процедил этот вопрос, неприязненно глядя на лысого хмурого громилу в сюртуке, который был тому явно маловат. Громила пожал плечами.

— Я бармен, сэр. С палубы второго класса. Принес...

— Прошу вас отправиться на вашу палубу и выполнять свои обязанности, — резко прервал его Латойллер. — Здесь вам, кабатчикам, быть не положено.

Лысый ухмыльнулся. Что-то в этой ухмылке было такое, отчего Чарльз Латойллер невольно почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Вслед за испугом пришло раздражение, и второй помощник сделал шаг вперед.

— Да я уже ухожу, мистер Латойллер, — еще раз ухмыльнулся детина, примирительно выставив вперед широченные ладони. — Заходите в наш бар, нальем вам рюмочку.

Каков наглец! Пока Латойллер собирался с мыслями и искал достойный ответ, лысый развернулся и был таков. При этом Чарльзу Латойллеру показалось вдруг, что из-за его плеча выглянула и тут же спряталась неопишимо кошмарная морда, выставившая вперед голый щетинистый хобот и кровожадно приплюснутая. Моряк передернулся и, убедившись, что вокруг никого нет, украдкой перекрестился.

— Ты-то чего сунулся? — ворчливо спросил Вар. Мануанус, удобно устроившийся в корзинке с бутылками, накрытой для предосторожности полотенцем, заворочался и прошипел:

— Грызть! Хрусть их, кровь чавкь! Хамь кусь!

— Ну да, конечно. Давай устроим здесь кровавую резню. Как раз перед айсбергом. Добавим, так сказать, перца в пресную жизнь экипажа.

— Пересь! — оживился Мануанус, и опрометчиво высунул голову из-под полотенца. Стюард, только что закончивший менять постель в одной из роскошных кают, случайно повернулся и посмотрел не туда. Через секунду деревянная панель на стене затрещала от удара головой — глубокий обморок свалил незадачливого представителя обслуживающего персонала надежнее боксерского нокаута.

— Тихо ты! — шепотом взвыл Вар, поставив корзинку на пол и оттаскивая бесчувственного поседевшего стюарда в темный закоулок под лестницей. — Осторожнее можно!

Мануанус завозился под полотенцем и обиженно что-то забулькал.

— Еще историй твоих мне тут не хватало, ага. Хотя ладно, все равно не заткнешься же. Рассказывай.

История, которую поведал Мануанус Инферналис, заняла ровно полчаса, в течение которых Вар, тихо и злобно матерясь, блуждал по лабиринту палуб, лестниц и вестибюлей, то и дело попадая то в курительную, то в зал для принятия солнечных ванн, то на шлюпочную палубу. Все это время Мануанус вещал, не переставая. Если убрать из его речи чудовищно исковерканные слова, повторы и нечленораздельное «вяаяя!», то история выглядела так:

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МАНУАНОС ХОДИЛ В КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Однажды, когда-то давно, много людей в железе пошли в крестовый поход. Чтобы отобрать у других людей много песка и камней. Потом эти люди захватили крепость. В крепости был подвал. В подвале спал Мануанус. Они его разбудили. Все люди умерли сразу же. Крепость осталась пустая. Конец.

— Прекрасно, — пробормотал повар. — Просто прекрасная история, такая выразительная... ее бы экранизировать за большие деньги.

— Правдъ? — обрадовался личный монстр паба «Дубовый лист». — Фильм снять?

— Да, — подтвердил Варфоломей почти искренне. — И пусть это сделает Кэмерон. А на твою роль возьмем ДиКаприо. Уф, блин, приши наконец-то.

Фараон

Все внутри меня звенело, как будто до предела перетянутая гитарная струна. Нервишки шалят, похоже. Неудивительно: вот он и наступил, тот самый день, о котором я столько читал. Всего через несколько часов огромный лайнер с многотысячным населением столкнется с ледяной горой и утонет, оставив после себя гигантские заголовки в газетах и всемирный шок обывателей, которым до этого столько времени вешали на уши лапшу о «непотопляемости».

И сделать с этим ничего нельзя. Нет, конечно, можно попытаться изменить историю — предупредить рулевого, попытаться достучаться до капитана. Только зачем? Неизвестно еще, как все обернется, если «Титаник» целехоньким прибудет в порт, а по сходям спустятся пассажиры, даже не подозревающие о том, что они все мертвы.

Я ломал над этим голову вторые сутки и никак не мог прийти к какому-то решению. А времени оставалось все меньше.

В бар ввалился Вар, бросая хмурые взгляды на корзину у себя в руках. Посмотрев на меня, он пожал плечами и скорчил выразительную рожу, изобразив свободной рукой

длинный хобот. «Мануанус, — понял я, — снова наш постоялец что-то натворил». Впрочем, повар не выглядел особенно озабоченным. Он отнес корзину в заднюю комнату, потом вышел и присоединился ко мне за барной стойкой, мимоходом поприветствовав нескольких завсегдатаев, уже успевших облюбовать пару столиков.

— Зачем тебе корзина? — поинтересовался я. Варфоломей недовольно поморщился.

— Для отвода глаз. Я ходил к радистам, — честно ответил он. — Пытался их убедить, что нужно связаться с ближайшими судами и быть постоянно на связи. Эта путаница с непонятным сигналом бедствия здорово подгадила в ночь крушения.

— И что сказали радисты? — невольно заинтересовался я.

— Старший радист, — мрачно поправил меня мой компаньон, — некий Филипс. Упертый тип, ни в какую не соглашался меня выслушать. Пришлось даже побоксировать с ним...

У меня глаза на лоб полезли.

— Слушай, — я почесал затылок, — этот самый Филипс вроде как погибнет вместе с «Титаником».

— Да и черт с ним, — Вар был явно зол. — Я намекнул ему, что вместо того, чтобы пачками передавать в эфир всякую чушь от пассажиров, нужно прислушиваться к тому, что сообщают другие радисты. Об айсбергах, например, о ледовых полях. Парень меня послал подальше. Я подбил ему глаз. Правда, у него чисто английский характер: начальству он не наступит, дрались мы честно. Только никакого толку в этом нет.

— Верно. И мы оба это понимаем... Ладно, смешаю-ка я лучше пару коктейлей вон для тех джентльменов.

Я улыбался через силу, колот лед, разговаривал о каких-то пустяках, а сам вглядывался в лица пассажиров, которые вереницей проходили передо мной. Обычные лица, ничего в них нет странного, никакой печати обреченности. Люди плывут на лайнере и свято уверены в том, что через несколько дней он доставит их в Америку. Ну, кого-то доставит, это верно.

Даже Мануанус, который пробрался под барную стойку, был непривычно тих и весь как-то съежился. Я поставил перед ним стаканчик «Кровавой Мэри», и монстр захлюпал коктейлем. На часах время близилось к вечеру. Скоро посетителей поубавится, потом большая часть пассажиров отойдет ко сну...

Кто-то громко вскрикнул, зазвенело разбитое стекло. Я вздрогнул и огляделся. Высокий мужчина с черными густыми усами и шрамом на щеке схватил девушку, которая вошла в бар в сопровождении своего спутника, и заслонился ею, выставив вперед револьвер. Я ни черта не понимал. Девушка, которая, похоже, пребывала в полуобморочном состоянии, еле держалась на ногах.

— Черта с два ты меня арестуешь, Джек Митчелл! — злобно прошипел черноусый, щелкнув курком револьвера. — Я этой девке башку разнесу, не успеешь и пикнуть!

— Марчелло, тебе некуда бежать, — я перевел взгляд на другого. Щеголеватый, гладко выбритый мужчина средних лет, в безукоризненно сидящем на нем сюртуке, тряхнул наручниками, зажатыми в кулаке. — сам подумай. Тебя разыскивают по обеим сторонам океана. Далекó собрался?

— Туда, где ищейкам Пинкертонa до меня точно не добраться! — прохрипел усатый. Он ткнул девушку дулом револьвера в висок. Бедняжка закатила глаза и мешком повисла в руках бандита — в том, что это бандит, я уже не сомневался, пинкертоновцы кем попало не интересуются.

— Отпусти я тебя сейчас — куда пойдешь, Марчелло? — поинтересовался сыщик из агентства Пинкертона. — Мы посреди океана. Что, шлюпку тебе прикажешь подать?

— Прикажу — и подашь! — оскалился черноусый. — Только мы сделаем лучше. Сейчас я возьму эту сучку...

— Негодяй! — заорал юноша, который, похоже, привел свою спутницу в бар на пару коктейлей. — Отпусти...

Больше он сказать ничего не успел. Марчелло, не глядя, выстрелил в его сторону. Промазал, но удачно: попал прямо в лоб ни в чем не повинному соседу юноши, да еще навывлет — кровью забрызгало нескольких человек, которые стояли сзади. Толпа ахнула, и наступила зябкая тишина.

— Понял теперь, что мне плевать на все? — рыкнул Марчелло, снова ткнув стволом револьвера в висок девушке. — Слушай сюда, легавый...

Я посмотрел под стойку. Мануанус Инферналис невозмутимо допивал «Кровавую Мэри», засунув хобот в опустевший стакан. Потом монстр покосился на меня, и я увидел тлеющие в его зрачках багровые искорки. Я вздохнул и кивнул. В этот момент пинкертоновец выхватил пистолет. И все замерло. Ощущение было такое, словно кто-то распахнул дверь огромного морозильника. В углах помещения по дубовым панелям побежали, ветвясь, тонкие прожилки инея, и дерево захрустело, будто на сильном морозе.

— Что происходит? — спросил Вар, который только сейчас высунулся из задней комнаты и с недоумением смотрел на все, что творится вокруг.

— Предотвращаем преступление, — я пожал плечами. Мануанус одним прыжком выбрался из-под стойки и, хищно горбясь, заскочил на столик рядом с неподвижно застывшими фигурами, покрытыми инеем. Джек Митчелл почти успел поднять свой пистолет. Девушка безжизненно висела в руках бандита. Марчелло, оскалив зубы, нажал на спуск револьвера. Застывшая сцена напоминала какую-то скульптурную группу из музея восковых фигур.

Инферналис запрыгнул на плечо девушке, оказавшись прямо перед лицом итальянца (хотя, может быть, этот Марчелло был сицилийцем, кто его знает?), покрытым густой щетиной. Принюхался. Потом широко разинул пасть, усеянную шильями зубов, концентрическими рядами уходящих куда-то в глотку. И откусил Марчелло лицо вместе с половиной черепа. Прожевал, хрустя костями, довольно рыкнул и проглотил. Сунул костистый палец в пасть, достал оттуда глаз на длинном стебле нерва, рассмотрел и засунул обратно. Собрался уходить, но подумал, и откусил ладонь с зажатым в ней револьвером. Потом радостно рыгнул и пропищал:

— Крёвь! Вкусь!

— Да твою же мать... — пробормотал обалдевший от такого зрелища Вар. Мануанус подтвердил:

— Мать! — и неуловимым движением оказался под стойкой, где довольно развалился, почесывая брюхо.

— Еще «Мэри»? — спросил я, замороженно глядя на заиндевелоного бандита с красным провалом на месте лица.

— Мерь! Пить! — пискнул Мануанус.

Тишина закончилась, и вся композиция внезапно пришла в движение. Изуродованный труп Марчелло осел на расползшихся ногах и грохнулся на пол. Сверху на него повалилась обморочная девица. Пинкертоновец, который каким-то чудом удержался и не выстрелил,

остановившимся взглядом уставился на расплзающуюся лужу крови.

— Пресвятая Дева Мария! — охнул кто-то. В углу, где иней на дубовых панелях превратился в капли воды, кого-то шумно вырвало. Кто-то заорал благим матом.

— Что... что это? — тоненьким голосом спросил Джек Митчелл. Парень в шоке, понял я. Достал бутылку виски, щедро плеснул сразу половину стакана, подошел и всунул виски прямо в руку сыщику.

— Выпейте, сэр. Сейчас же!

Митчелл одним глотком вылебал виски, задохнулся и выпучил глаза. Ну еще бы, братец — бочковая крепость, это тебе не шуточки.

— Что случилось? — прохрипел он обожженной глоткой. В это время вся толпа посетителей поспешно покидала бар, толкаясь в дверях. Я с интересом отметил, что спутник девушки сбежал в первых рядах. Ах, эти рыцари, защитники юных дев...

— Понятия не имею, мистер Митчелл, — я пожал плечами. — Похоже, этот мерзавец хотел разделаться с бедной девушкой, но что-то пошло не так. Божья кара, сэр! Другого разумного объяснения, хоть убейте, я придумать просто не могу. Я всякое в жизни повидал, мистер, но вот такого...

— Ни черта не понимаю, — пробормотал пинкертоновец. — Бред какой-то.

— Давайте прежде всего вынесем отсюда бедняжку, — предложил я. — Когда она очнется, это зрелище вряд ли окажется ей по душе.

Взгляд Митчелла постепенно стал более осмысленным. Он решительно тряхнул головой.

— Верно говорите, мистер...

— Смитсон, — подсказал я.

— Мистер Смитсон. Нужно действовать быстро. Сейчас сюда набегит толпа офицеров.

Мы вынесли девушку, все еще пребывающую в блаженном беспомыслии, и аккуратно уложили ее на банкетку в вестибюле, поручив заботам охающих дам, которые уже тут как тут — возникли, словно из ниоткуда, с любопытством косясь в сторону двери бара. Но я их огорчил, решительно захлопнув эту самую дверь.

— Вар, друг мой, — попросил я, — пожалуйста, постойте у двери, чтобы никто не сунул сюда свой нос до прихода офицеров.

Повар кивнул и молча прислонился спиной к двери. Пинкертоновец аккуратно обошел труп бандита, стараясь не наступить в красную лужу, и, присев на корточки, сноровисто обыскал тело.

— Ага, — довольно сказал он. — Вот и алмаз.

— Алмаз? — удивился я.

— Алмаз Типпо-Сагиба, знаменитого индийского мятежника. Еще известного, как Типу Султан. Марчелло с дружкой похитил эту драгоценность в Массачусетсе, у одного богача. История темная... Отцу того, британскому судье, алмаз достался во время службы в Индии, при подавлении мятежа сипаев. Непростая судьба у этого камня, и крови на нем тоже немало. Гоняюсь за ним уже почти год, такие дела.

— Получается, теперь крови на этом алмазе еще больше, — философски заметил я, и Джек Митчелл согласно кивнул.

— Так-то оно так... Но мое дело — отыскать камень и вернуть его владельцу, — сказал он. — Желательно, конечно, вместе с преступником. Но, коль скоро преступник уже предстал перед высшим судом, то моя задача выполнена. Телеграфирую в агентство, как

только смогу.

В дверь властно постучали. Вар молча отступил в сторону, и в бар ввалилось несколько человек — все из числа офицеров «Титаника».

— Что происходит, господа? — спросил уже знакомый мне третий палубный офицер Герберт Питман. Потом он увидел всю картину, резко побледнел и согнулся над кадкой, в которой росла раскидистая пальма. Джек Митчелл сунул руку в карман и жестом фокусника извлек оттуда бляху агентства Пинкертона.

— Господа! — сказал он. — Здесь произошло преступление, но убийцу удалось остановить!

— Это что ж за оружие так стреляет? — обескураженно спросил кто-то из офицеров.

— Сейчас я все объясню. Кстати, — Митчелл растерянно повертел головой, — а где револьвер Марчелло? Вы не видели, господа?

— Вечер перестает быть томным, — буркнул себе под нос повар. Я был совершенно согласен со своим компаньоном — уборка будет непростой.

— Должно быть, это взорвавшийся при выстреле револьвер нанес такие ужасные раны, — предположил я. А что еще оставалось? Версия не хуже прочих, хоть какое-то объяснение всему случившемуся.

— Револьве-ер? — недоверчиво протянул Митчелл и задумался.

— Бандит, насколько я понимаю, итальянского происхождения? — спросил мужчина в офицерской тужурке, с надменным породистым лицом. — Все эти итальянцы, переселенцы, сброд из третьего класса... Будь моя воля, я бы таких на пароход не пускал ни за какие деньги.

«А ты, похоже, у нас и есть Латойллер, — подумал я, — с такой-то брезгливой физиономией».

— Бьюсь об заклад, — неугомонный Вар, как и ожидалось, промолчать не сумел, — что они про вас такого же мнения.

Латойллер побагровел, но счел ниже своего достоинства отвечать какому-то «кабатчику». Он резко развернулся на каблуках и посмотрел на пинкертоновца.

— Мистер Митчелл, я распоряжусь, чтобы труп убрали в специальное помещение, предусмотренное как раз для... э-э... подобных прискорбных случаев. Прошу вас проинформировать меня обо всем самым подробнейшим образом, сэр. Разумеется, после того как вы закончите здесь.

С ледяной вежливостью Чарльз Латойллер коснулся пальцем козырька фуражки и гордо покинул бар. Скатертью дорога, мил человек.

Следующий час мы занимались неблагодарным делом ликвидации следов «прискорбного случая». Несмотря на то, что нам в помощь отрядили нескольких матросов, порядок удалось навести не сразу. Кровь — это, знаете ли, ужасно липучая штука, она намертво въедается в любую щелку. Так что, когда я в очередной раз разогнулся, придерживая гудящую поясницу, и удовлетворенно обвел взглядом до блеска отдраенный пол, мои часы уже перескочили стрелками за девять.

— Зачем мы это делаем? — риторически спросил Вар, наливая себе стопку травяного ликера. — Все равно ведь потонет все это...

— Во-первых, утонет только «Титаник», — поправил я его. — Во всяком случае, дорогой мой Вар, я очень на это надеюсь. А во-вторых, если это так, то кровавое пятно посередине зала «Дубового листа» меня не очень порадует.

Повар молча опрокинул вторую стопку и принялся руководить матросами.

Наконец, вернулся Джек Митчелл. Он устало плюхнулся на стул, поерошил волосы и выдал:

— Знаете, господа, а этот ваш старпом — редкий зануда!

Матросы весело загоготали. Я щедрой рукой налил каждому из них по доброй, полновесной порции виски и отправил восвояси. Вар повесил снаружи на двери бара табличку с извинениями, повернул ключ, и мы, все трое (не считая, конечно, невидимого нашему гостю Мануануса) уселись за стол, молча глядя на бутылку бурбона.

— «След бизона», — Митчелл прочитал название на этикетке и удивленно поднял брови, — надо же. Я не большой специалист по выпивке, господа, но точно знаю, что перепробовал все, чем богата Америка. Тем не менее, такого не припомню.

— Отменный бурбон, Джек — вы позволите вас так называть? — сказал Вар, разливая виски по стопкам.

— Да называйте по имени, у нас это запросто, — отмахнулся сыскной агент. — Давайте, господа, выпьем, благо повод есть, и этот повод куда как хорош. Я наконец-то завершил это чертово дело! И теперь его итог, — Джек похлопал себя по жилетному карману, — отправится домой.

— Еще по одной? — как-то уж очень жизнерадостно отозвался на эти слова Вар. Я, прищурившись, посмотрел на него, но повар ответил мне совершенно невинным взглядом: мол, ну а как тут не выпить-то? Выпили, и еще раз.

Бравый сыщик окосел примерно на шестой стопке — к закуске он даже не притрагивался, а бурбон заливал в себя со скоростью пылесоса. Оперевшись щекой на кулак, он вздохнул.

— Хар-рошие вы парни, скажу я вам... Вот так бы плыл и плыл на этом пароходе, эх... Никаких забот! А вернусь — и начальство сразу отправит в какую-нибудь чертову дыру вроде Луизианы, где кроме крокодилов и словом-то перекинуться не с кем.

Еще несколько минут пинкертоновец красноречиво живописал нам ужасы луизианских топей, потом горестно признался:

— Знаете, ребята, вот был у меня один напарник, Раст. Неплохой мужик, родом откуда-то из Нью-Гэмпшира, что ли. Звали мы его «Счетовод», за то, что он постоянно таскался со здоровенной канцелярской книгой. Все записывал, каждую свою мысль. Но толковый, въедливый, как бульдог... Правда, иногда с ним было жутковато. Вот так, бывало, сидишь в засаде где-нибудь в глуши, в хижине, поджидая очередного бандюгана. И тут, значит, Раст уставится на тебя пустыми глазами и выдает что-то в духе...

Митчелл подпер вторую щеку кулаком и забубнил замогильным голосом:

— «Мы рождаемся заново, но проживаем ту же жизнь, которую уже много раз проживали. Сколько раз мы вели уже эту беседу? Кто знает... Мы не помним свои жизни, не можем изменить свои жизни, и в этом — весь ужас и все тайны самой жизни».

— Представляете? — агент обвел нас осоловелым взглядом. — А ты сидишь, керосинка еле коптит, за окном ночной лес, револьвер у тебя на взводе, и тут такое... Короче, потом я попросил перевести меня куда угодно, только бы подальше от этого малахольного. Говорят, он раскрыл какое-то громкое дело, как раз в Луизиане, правда схлопотал три пули. Ну да, это в нашей работе как раз неудивительно.

— Слушай, Джек, — вкрадчиво спросил Вар, умело и незаметно набулькивая до краев очередную порцию Buffalo Trace в стопку Митчелла, — а этот твой алмаз — он хоть

большой? Может, там и посмотреть-то не на что?

— Да лан-на! — возмутился агент. Он решительно, одним глотком отправил в рот содержимое стопки, шумно выдохнул и ударил по столу крепким кулаком. — Эт' я тебе скажу, алмаз так алмаз! Раз увидишь, не забудешь! Говорят, что его х'зьяин, этот Типпо-Сагиб, с ним не рас... не рас-ста-вал-ся.

Последнее слово Митчелл старательно произнес по складам. Потом он нетвердыми пальцами полез в жилетный карман и достал оттуда черную коробочку.

— Во! — гордо сказал он, протягивая ее Вару. Щелкнул, открываясь, замочек, и повар присвистнул. Да и с моих губ, похоже, невольно сорвалось что-то такое, потому что пинкертоновец расплылся в пьяной и довольной ухмылке. На черном бархате лежал огромный, сияющий всеми своими гранями камень, от которого словно бы исходило голубоватое завораживающее сияние. Вар бережно взял алмаз двумя пальцами и посмотрел сквозь него на свет лампы.

— Надо же... Один камушек, а столько людей из-за него переубивали друг друга, — сказал он с непонятной интонацией.

— А т-то! — потряс пальцем Джек Митчелл. Потом глаза его закатились, он со стуком уронил голову на стол и захрапел.

— Разучилась пить молодежь, — наставительно сказал Вар, глядя на спящего сыщика, — а ведь этот еще из лучших.

Откуда-то из-под стола внезапно высунулся щетинистый хоботок. Мануанус поднялся на цыпочки, расправив свои костлявые задние лапы, точно сегменты складной лестницы. Прикоснулся когтем к сверкающему камню и шумно втянул хоботом воздух.

— Алмаз Соломона... — сказал он, совершенно без всякого акцента. — Твердый. Не кусь.

И снова спрятался под стол.

Мы с Варом ошарашенно посмотрели друг на друга. Потом он положил алмаз в коробочку, защелкнул замок и поставил коробочку на стол. Подвигал ее пальцем туда-сюда.

— Вар, — сказал я, — похоже, я знаю, о чем ты думаешь. И мне это как-то... ну, не нравится, что ли.

— Бран, — отозвался повар, — ты вот что... Скажи-ка мне: слышал ли ты что-нибудь про алмаз Типпо-Сагиба? Ну хоть что-то? Хоть краем глаза читал?

— Ничего, — подумав, сказал я. — Нет нигде упоминания о таком камне. Вот Куллинан, Кохинур или Великий Могол — пожалуйста, а этот...

— Во-от! — наставительно покивал повар. — А это значит, что наш камушек попросту не доплыл до берегов Америки. А Джек Митчелл — он-то был в списках выживших?

— Ну, я не помню все списки наизусть... — начал было я, но поглядел в глаза своего компаньона и со вздохом признал: — Не было. Может, наизусть я и не помню, но фамилия обязательно осталась бы где-нибудь в памяти, да и без интервью выживший пинкертоновец вряд ли обошелся бы. Но никакого интервью Джека Митчелла в природе не существует, так же как отчета или мемуаров.

Вар несколько мгновений глядел на меня. Потом протянул руку, взял коробочку и решительно положил ее в карман своего сюртука.

— Все-таки это неправильно, — я еще упирался, хотя и понимал — что толку, если этот камень канет на дно океана?

— Я же не для себя, — просто сказал повар. — Я для нее.

И тут я все понял. Вспомнил Катрину и ее слова: «Вы должны подарить мне то, чего у меня еще не было». Зажмурился, протянул руку и нащупал прохладное горлышко бутылки. Налил себе бурбона, глотнул и выдохнул сквозь холодное пламя, растекающееся по глотке:

— А-а. Вон ты о чем. Согласен. Но с ним-то как быть? — я кивком показал на спящего. — Получается, мы с тобой ему не оставили ни единого шанса спастись.

— Я сам его в шлюпку отнесу, — мрачно сказал Вар, — и пусть хоть кто-нибудь попробует помешать. Официальное лицо, при исполнении... Ну, а что там дальше с этой шлюпкой случится — уже не нам с тобой решать.

Раздался стук в дверь. Я встал, а Вар заботливо поднял спящего мертвецким сном Митчелла и одним легким движением закинул к себе на плечо.

— Положу на диван в задней комнате, — сказал он.

За дверью обнаружился крепкий жилистый мужчина с нафабранными усами. Выглядел он смущенным.

— Простите, мистер Смитсон, — мужчина вытирал руки полотенцем, а лоб его был испачкан мукой, и поэтому я его узнал. — Мы с вами незнакомы, но я пришел спросить, когда послать людей со свежим хлебом...

— Отчего же незнакомы, мистер Джоун? — приветливо сказал я старшему пекарю. — Заходите, сейчас все обсудим, за стопкой виски, если вы не против.

Лондон. Май 1912 года.

— Что значит — «странный бар», мистер Джоун? — скептически спросил судья Бигман.

— Ну... — растерялся бывший старший пекарь с «Титаника», — как вам сказать, господин судья...

— Словами. По-английски, желательнее, мистер Джоун, — Джон Бигман не был настроен на шутки. Усталость все больше давала о себе знать, и судья еле сдерживался, чтобы не сорвать свое раздражение на ком-нибудь из присутствующих. Он несколько раз глубоко вздохнул и продолжил уже спокойным голосом: — Давайте по существу вопроса.

— Хорошо, — покладисто согласился Чарльз Джоун. — Странный... потому что какое-то там было все словно бы неправильное. Вот, например, виски. Я, господин судья, в жизни немало повидал, и стесняться не стану — знаю толк в добром скотче, как и все парни из Биркенхеда. Даже американский виски для меня не в диковинку, уж поверьте. Но ни единого названия из тех, что были напечатаны на этикетках, я ни разу в глаза не видел. Ни единого! При этом виски отменный, врать не стану.

— Что-то еще?

— Да. Как-то там тревожно было. Будто кто-то в спину смотрит. И второй бармен — крепкий такой парень, лысый, совсем был не похож на тех, кто обычно за стойкой стоит. Все руки в татуировках, будто делали где-нибудь в Нагасаки.

Джоун неловко замялся.

— А один раз мне даже почудилось, что из-за бутылок высунулась — господин судья, я ей-богу говорю правду! — мерзкая такая харя, с хоботом...

— Достаточно, — чересчур мягко прервал пекаря судья Бигман, вслушиваясь в смешки из зала. Потом он повернулся к судебной стенографистке, безуспешно пытавшейся не хихикать в кружевной платочек. — Мисс Бордлей, прошу вас вычеркнуть эти показания мистера Джоуина из протокола.

И, все-таки не сдержавшись, рывкнул на весь зал суда:

— Хобот! Да что за...

«Титаник». Под барной стойкой. Мануанус Инферналис

— Хрррр... Вяяяя! Вяяяя! Айсьберьгь! Мерзь! Вяяяя! Хррррр...

Кошмарный сон в мельхиоровом ведре для шампанского.

Варфоломей

До столкновения с айсбергом оставалось всего ничего. Во всяком случае, в этом вопросе я всецело доверял Фараону, который прочитал тонну книг про знаменитое кораблекрушение. Скоро все полетит к чертям. Наверное, именно в этот момент я окончательно успокоился и уверился в том, что сделать ничего нельзя. Спасти всех не получится, и корабль обретет свою последнюю пристань там же, где лежит в наше время. Потом про него напишут книги, снимут кино, история обрстет выдумками и предположениями. А мне... мне остается только наблюдать.

Я выпил еще стопку виски и решил прогуляться. Критически оглядел себя в зеркало и остался доволен — все на месте, одет прилично, даже ботинки начищены так, что в них можно глядеться. Сойду за пассажира первого класса, главное морду сделать кирпичом.

Несмотря на позднее (по корабельным часам, конечно) время, на самой роскошной прогулочной палубе было полно гуляющей публики. Особенно в районе шикарного ресторана «А la porte» и курительного салона. Оркестр наяривал регтайм, джентльмены покуривали и выпивали, дамы в нарядах типа «дорого-богато» щебетали о своем и рассматривали ночное море сквозь застекленные окна. Ощутимо пробиравшая прохлада, похоже, никого не смущала — кругом искрились мехами роскошные манто и всякие прочие шубки, в названиях которых я не разбирался. Искусственного меха здесь не было, это точно, как, впрочем, и зоозащитников. Публика вокруг гуляла такая, для которой деньги не были проблемой, так что разговор про искусственный мех здесь попросту бы не оценили.

Я невольно увлекся, рассматривая всех этих миллионеров, промышленников, стальных королей и знаменитых журналистов. При мысли о больших деньгах, внезапно вспомнилось, что в кармане лежит алмаз Типпо-Сагиба. Я усмехнулся и проговорил вслух:

— Такого у тебя, душа моя Катрина, точно не было.

Татуировка на моей груди на мгновение стала невыносимо горячей.

— Вы уверены? — негромко и вкрадчиво спросил кто-то из-за моего левого плеча. Каким-то чудом мне удалось не дернуться и даже не подать виду, что я слегка испугался. Я спокойно повернул голову, одновременно доставая из кармана портсигар с папиросами. Черт его знает, откуда он у меня взялся. Вероятно, прилагался «по умолчанию» ко всему нынешнему антуражу.

Сзади, небрежно облокотившись о перила, стоял смуглый человек в длинном черном пальто, фраке и идеально отглаженных брюках. Несколько старомодный шелковый пластрон просто резал глаза — настолько он был белоснежным. Зато неизменный лакированный цилиндр на сей раз выглядел вполне уместно. «Не то, что тогда на Аляске», — подумал я. Встретившись со мной взглядом, давешний знакомый слегка улыбнулся и приподнял цилиндр.

— А что не так-то? — спросил я с любопытством. — Камень не из тех, которые под ногами валяются. Бриллиант с историей. Одна штука, эксклюзивный продукт.

— Все так, — склонил голову спутник Катрины. — История имеется, и камень действительно уникален. Но за долгое время в этих изящных ручках, смею вас заверить, перебивало множество подобных драгоценностей. Например, розовый бриллиант Трисакти,

или Даймонд ДеБирс. А как вам «Флорентиец» из коллекции Медичи?

— Убедили, — вздохнул я. — Про Трисакти я даже не слышал. И что теперь?

— Ищите, — пожал мой собеседник острыми плечами, щелчком сбивая с пальто какую-то невидимую пылинку. — Время у вас еще есть.

— Да просто полно времени! — саркастически усмехнулся я. — Особенно сегодня.

— Сегодня ничем не отличается от вчера, — глубокомысленно заметил смуглый. — Рекомендую вам вернуться в бар, чтобы не пропустить ничего важного.

Я поперхнулся папиросным дымом, пытаясь как-то уложить в голове эту совершенно идиотскую словесную конструкцию.

— Простите, сэр, у вас все в порядке? — меня негромко окликнул официант, бесшумно проскользнувший рядом, с подносом, уставленным бокалами с шампанским. — Вы так громко беседуете сами с собой, что я подумал...

— Сам с собой? — я обернулся. У перил никого не было.

— Да, все в порядке, — я махнул рукой. — Люблю, знаете ли, иногда поговорить со своим внутренним голосом. Полезные советы дает... хоть и не всегда.

Официант неопределенно-вежливо хмыкнул, а я взял с подноса бокал, залпом выпил дорогое шампанское, варварски погасил в оставшихся каплях бычок и еще раз окинул взглядом пассажиров.

Тоска. Пожалуй, и верно, нужно пойти в бар. Там как-то уютнее.

Фараон и Вар. 15 апреля 1912 года. Ночь.

Когда Варфоломей вошел в бар, Фараон, облокотившийся на стойку, вопросительно поднял голову. Прежде чем повар успел что-то сказать, валлиец уставил вверх палец, показал на часы и коротко бросил:

— Сейчас.

Почти в ту же секунду Вар ощутил толчок, от которого задребезжали бокалы над стойкой, а потом — долгий, мягкий скрежет, почти на грани слышимости. Он зажмурился и сильно потер щеки ладонями.

— Что это было? — мужчина у дальнего края стойки, допивавший свой коктейль «Авиация», удивленно поглядел на Фараона. Не меняясь в лице, валлиец вежливо пояснил:

— Мы налетели на айсберг, сэр и скоро все утонем. Или почти все.

— Айсберг? — несколько секунд мужчина оторопело смотрел на бармена, потом громко рассмеялся: — Ну вы и шутник! Всем известно, что «Титанику» всякие такие айсберги — как слону дробина.

— Как скажете, — покладисто согласился с ним Бриан. — Дробина, конечно. Еще одну «Авиацию», сэр? Как вам коктейль? Может быть, самую малость больше мараскина?

— Я бы предпочел чуть больше джина, — хохотнул мужчина. — Хотя коктейль просто замечательный, да, сэр.

Варфоломей протянул руку и, не глядя, взял с полки бутылку виски. Глянув на этикетку, он увидел, что держит Laphroaig Quarter Cask и невольно ухмыльнулся. Посреди моря пите «лафройг», в котором все напоминает о море — ирония судьбы. Островной скотч ухнул в горло и торфяной горечью растекся во рту.

— Нервничаешь? — остро глянул Фараон.

— Есть немного.

— Погоди, то ли еще будет через несколько часов, когда все поймут, что непотопляемый пароход на самом деле очень даже тонет, — тихо пробормотал валлиец.

Через несколько часов его предсказание, разумеется, сбылось.

Палубы превратились в ад, наполненный растерянными, орущими, рыдающими, кое-как одетыми людьми. Правда, перед этим Вар и Фараон заблаговременно вытащили из бара по-прежнему бесчувственного пинкертоновца и погрузили его в одну из спасательных шлюпок, заботливо накрыв брезентом. Когда они, осуществив это, без сомнения благородное дело, с чувством выполненного долга удалялись от шлюпки, их окликнули.

— Эй, вы! Что вы там делаете?

— Да что ж нас никак в покое не оставят? — вздохнул повар. Потом присмотрелся повнимательнее.

— А вы еще кто такой? — спросил он без особого интереса.

— Я? — задохнулся от возмущения высокий холеный мужчина. — Я, к вашему сведению, Джозеф Исмей, и я председатель компании «Уайт Стар Лайн»! Еще раз — что вы здесь...

Кулак Фараона врезался в челюсть известного бизнесмена, председателя, директора-распорядителя и человека, который принял решение о строительстве «Титаника». Джозеф Брюс Исмей мешком осел на палубу. Варфоломей удивленно ухнул по-совиному, быстро огляделся, потом подхватил безвольное тело и, крикнув от натуги, перебрросил его в шлюпку, где Исмей сломанной куклой развалился прямо на укрытом брезентом агенте.

— Валим отсюда! — прошипел повар, тигриным скоком преодолев сразу половину расстояния до двери в коридор. Уже на подходе к бару, он посмотрел на приятеля и спросил: — Это что было вообще?

— Давно хотел это сделать, — мрачно отозвался Фараон, потирая сбитые костяшки. — Этот гад сбежал с «Титаника» вперед женщин и детей. Сел в пустую шлюпку, когда...

Он внезапно замер, пораженный до глубины души. Варфоломей, нехорошо ухмыляясь, смотрел на него.

— Так это получается, что он не сел... Что это мы его...

— Мы его, — подтвердил повар. — Сначала ты его левым хуком, а потом я его, как добрый самаритянин. Очухается в шлюпке, не будет ничего помнить. Чист, аки голубь!

— Бли-ин! — саданул себя ладонью по лбу валлиец.

— Вот так, — назидательно воздев палец вверх, сказал Варфоломей тоном школьного учителя, — мы творим историю. Помимо своей воли.

Фараон заскрежетал зубами и выругался на валлийском.

15 апреля. Половина второго ночи.

Поставить на барную стойку было уже ничего нельзя. Стаканы скользили по ней и падали на пол — «Титаник» накренился угрожающе, и крен с каждой минутой продолжал увеличиваться. Поэтому валлиец с точностью опытного хирурга манипулировал бутылками прямо на весу. В коридорах по-прежнему орали, топали и просили о помощи. Несколько раз люди забегали в бар, но, увидев двоих мрачно-спокойных мужчин, неспешно опрокидывающих стопку за стопкой, глядели на них, как на сумасшедших, и выбегали, ища спасения в другом месте.

Фараона и Вара это вполне устраивало. Правда, были редкие исключения — например, все тот же старший пекарь Чарльз Джоуин, который появился еще раз, со стоическим спокойствием попросил несколько бутылок виски и, несмотря на все увещевания, настоял на том, чтобы заплатить за них полную цену. Вар с уважением поглядел на этого мужика, от которого несло, как от перегонного куба. Если у повара до этого еще оставались какие-то

сомнения в том, что старший пекарь спасется и останется цел и невредим, то теперь эти сомнения рассеялись бесследно.

Дверь еще раз распахнулась. На пороге, с трудом удерживаясь на ногах, стоял растрепанный старик, после короткого взгляда на которого Варфоломею отчего-то вспомнилось студенчество и университетская аудитория. В одной руке старик, весь перекосившийся от тяжести, сжимал ручку большого окованного железом чемодана, а за вторую ладонь уцепилась маленькая кудрявая девочка, замотанная в клетчатый плед.

— Неплохое... место, Софи, — тяжело дыша, проговорил старик. — Давай... немного посидим... здесь.

— Да, — пискнула девочка. Старик шагнул вперед по перекосившемуся полу, но тут тяжеленный чемодан вырвался из его руки и загромыхал в угол, по пути сокрушив своей бронированной тушей несколько стульев. Вар, пользуясь предусмотрительно протянутой через весь бар валлийцем веревкой, ловко подскочил к сторбившемуся человеку, ухватил того за локоть и посадил к стене, где не было риска упасть.

— Бегите к шлюпкам! — сказал он с тревогой. — Вы с ребенком, вас туда посадят!

— Не... дойду... — прохрипел старик, держась за сердце. Он бросил взгляд на чемодан в руке у Вара, который повар держал с небрежной легкостью, и скривился в гримасе отчаяния. — Я профессор Симон Розенфельд... Труд... труд всей жизни, господа...

Девочка в это время с ловкостью обезьянки пробралась к стойке и уцепилась за ее край.

— Ой, — внезапно засмеялась она, — у вас тут такой потешный сидит... Ой, он хоботом шевелит! Смешной!

Валлиец подавился глотком виски и посмотрел под стойку. Там, выпучив от неожиданности глаза и открыв зубастую пасть, съежился посиневший Мануанус Инферналис. Прежде чем Фараон успел хоть что-то придумать или просто пошевелиться, маленькая Софи протянула руку и смело погладила монстра по взъерошенному хохолку.

— Ыть, — тоненько сказал Мануанус и замер, вцепившись когтями в край мельхиорового ведерка. Когти пропороли металл насквозь.

— Смешной! — девочка улыбнулась ошалевшему существу и посмотрела на Фараона. — А у меня вот кто есть!

Она засунула руку под плед и протянула Мануанусу крошечного, жалобно попискивающего черного котенка. Монстр вжался в край ведра, но лохматый котенок уже высунул язычок и лизнул его прямо в хобот.

— Коть, — жалобно-беспомощно сказал монстр. — Коть... амь!

— Я тебе дам — амь! — прошипел Фараон, внезапно разъярившись. Нервы сдали, и все вдруг упало на него тяжелым грузом: тонущий пароход, события последних часов, удар кулаком в челюсть Исмею... — Я тебе дам, скотина бесчувственная! Фугу забыл?

— Неть фугь! — переполошился Инферналис. — Неть! Коть — не амь!

Он выдернул когти из мельхиора и осторожно, неумело погладил котенка. Тот в ответ лизнул хобот еще раз и запищал снова.

— Дедушка сказал, что меня не пустят в шлюпку с Чернышом, — хлопнула носом девочка, — но он же маленький! Я его не брошу!

— Не бросишь, — успокоил ее Фараон. — Давай так: ты отдашь Черныша мне, а я обещаю, что его сберегу и потом, когда мы будем в Нью-Йорке, отдам тебе. Хорошо?

— Правда? — с надеждой спросила Софи.

— Правда-правда, — подтвердил валлиец, на душе у которого в этот момент скребли

даже не кошки, а натуральные саблезубые тигры.

— Тогда держите! — обрадованная девочка решительно протянула котенка Фараону. Он осторожно взял теплое, мохнатое, почти невесомое тельце и бережно посадил котенка в корзинку для бутылок, где лежали несколько полотенец. Сверху бармен накрыл Черныша салфеткой и зыркнул на Мануануса.

— Смотри в оба!

— Вяаяя, — мрачно пробурчал inferнальный монстр, но спорить не стал, а послушно залез в корзинку и уселся рядом с котенком. Тот уткнулся в щетинистое брюхо и внезапно перестал пищать. Из корзинки раздалось неуверенное и пока еще неумелое урчание. Мануанус Инферналис совершенно по-человечески вздохнул, злобно посмотрел на Фараона, потом свернулся невообразимым клубком вокруг котенка и засопел.

— О чем вы говорите? Что еще за труд жизни? — недоумевающе осведомился повар у тяжело, с хрипом дышащего профессора. Губы у того синели все больше, и повар крикнул через плечо:

— Бриан! У нас есть в аптечке что-нибудь от сердца?

— У нас и аптечки-то нет, — уныло отозвался валлиец. — Потому что ее третьего дня кто-то съел. Целиком.

— Твою мать, — с чувством выругался Варфоломей.

— Не... трудитесь, юноша, — хрипнул Розенфельд. — У меня уже было несколько инфарктов. Похоже, этот последний... Умоляю, — он с неожиданной силой вцепился холодными пальцами в запястье повара, — спасите девочку и заберите мой чемодан!

— Софи — ваша внучка? — спросил повар.

— Нет, нет, — покачал головой старик. — Она потерялась в этой неразберихе, я нашел ее внизу, на палубе, ее чуть не растоптали... Спасите ее...

— Я отведу ее к шлюпкам, — вмешался Фараон, — прямо сейчас. Идем, милая, — он поднял девочку на руки.

— А дедушка?

— Он придет позже, — ласково сказал валлиец. Посмотрел на Варфоломея бешеным взглядом: — Я мигом. Дверь не закрывай!

— Шутник... — пробурчал повар. Проводил бармена взглядом и снова посмотрел на профессора.

— В чемодане... — задыхаясь, сипел тот. — уникальная... рукописная инкунабула. Это «Рубайат» Омара Хайама... Я вез его в частную коллекцию, но это огромная... огромная ценность, понимаете?

— А как же, — ошарашенно отозвался Варфоломей, — конечно, я понимаю! Но...

— Спасите книгу! — надсаживаясь, выкрикнул профессор Розенфельд. И замер. Неподвижный взгляд потускнел, зрачки остановились на чемодане и словно бы разом покрылись пылью.

— Земля пухом, — вздохнул повар. — Все-таки многовато у нас тут трупов за два дня.

Он, как мог, уложил старика, сложив тому руки на груди. Провел ладонью по лицу и закрыл профессору глаза. Потом рывком вздернул чемодан и взгромоздил на полку.

— Спасите... Легко сказать! Тут бы самим спастись.

15 апреля. 2 часа 18 минут ночи

— Кота держи! — заорал Фараон. — Не отпускай! Холодно-то как...

— Да держу я! — взвыл в ответ Варфоломей, каким-то чудом удерживающийся на

самом верху шкафа, по пояс в бурлящей воде. — У меня тут кроме кота еще и этот, с хоботом, в корзинке! Ты сам книгу не потеряй!

— Не потеряю! Поставлю ее потом в пабе на видное место, а на обложке напишу «Рецепты»! Или прямо с чемоданом поставлю!

— Тот свет! — просипел простуженно Мануанус Инферналис и закашлялся.

— Точно. Тот свет уже отчетливо виден! Ай, да какого черта, — внезапно совершенно спокойно сказал повар, балансируя с корзиной на голове, — нет, ну какого черта? Надо было выйти на шлюпочную палубу...

— Я там был, — так же спокойно отозвался валлиец, — поверь мне, туда нам не надо.

— А девочка?

— Посадил в шлюпку, как и обещал. Точно знаю, что именно эта шлюпка не перевернется.

— Хоть что-то... Как-то по... теплело на душе, — простучал зубами Вар.

«Титаник» дернулся в агонии, и стал резко заваливаться носом вниз.

— «Дубовый лист»! — из последних сил заорал повар, держа корзинку над головой. — Ты охренел?!?

Тьма.

Свет.

Опять тьма.

Чувство плавного и головокружительного падения.

И целая ванна холодной морской воды, обрушившаяся сверху.

Варфоломей грохнулся на такие восхитительно ровные доски, ухитрился удержать корзинку, в которой сиреной выл Мануанус, и тут же задохнулся от боли, когда получил под ребро окованным краем пудового чемодана. Где-то рядом изощренно сквернословил Фараон.

Мокрый с ног до головы повар поднялся на ноги и машинально заглянул в корзинку. Удивился увиденному. Котенок мирно спал. Мануанус, тоже мокрый и взъерошенный, накрывал его собой. Поглядев на Вара, он прошипел:

— Убивать! — и встряхнулся, как собака, лязгнув шильями зубов.

— Понимаю тебя, старик, и всецело солидарен. Понять бы еще, кого именно убивать, — вяло отозвался тот, и сел на холодный пол, едва не заорав от навалившегося облегчения. Потому что вокруг все было как обычно. Никакого «Титаника». Никакой толпы. Никакого моря. И самое главное — никакой воды, прибывающей с каждой секундой. Обычный «Дубовый лист».

— Что-то мне совсем не понравилось вот это вот все, — обессиленно проговорил хозяин паба, опустившись на пол рядом с приятелем. — Как-то это, по-моему, было чересчур...

Они переглянулись, и, не стовариваясь, одновременно спросили, скорбно обращаясь в никуда:

— «Дубовый лист», ты совсем спятил?!

Глава 11. Огонь, растворенный в воде

Рим. Район Субура. 78 год до нашей эры

— Как в этом вообще можно ходить? — прошипел Варфоломей. Он повернулся к Фараону и пожал плечами, вложив в этот жест максимум отчаяния. — Как они в этом ходят?

— Дело привычки, я думаю, — валлиец неопределенно покрутил рукой. — Если ты с самого рожденья вынужден одеваться именно так, то рано или поздно привыкнешь. Сам посуди, они к галлам относятся, как к варварам, еще и потому, что те носят штаны. Так и называют те края «Галлия браката» — в штанах, мол, дикари.

— У меня все время ощущение, что я голый, — повар мрачно почесал коленку, украшенную старым узловатым шрамом, — ни о чем другом думать не получается.

— Просто представь, что ты на пляже. Вышел в длинной майке и купальных плавках к морю, стоишь и наслаждаешься ветерком, теплой погодой...

— Не могу.

— Вар, ты какой-то нервный, — безмятежно заметил Фараон. — Представляю, что будет, если мы с тобой, например, попадем в какую-нибудь древнюю Полинезию.

Варфоломея передернуло.

— Ой, вот надеюсь, что не попадем. Куда в твоей Полинезии воткнуть паб? Это здесь худо-бедно, но имеются заведения общественного питания, потому что дома готовят только богачи. А в Полинезии?

— Расслабьтесь, друг мой, — посоветовал валлиец. — И смотрите по сторонам... черт!

Фараон ловко увернулся от содержимого ночного горшка, выплеснутого с третьего этажа обшарпанной инсулы.

— Чтоб тебя ларвы освежевали, подлюга! — заорал он, прибавив к этому пару отборных ругательств. Из окна инсулы донесся неразборчивый ответный крик, явно с пожеланием чего-то такого же, а потом вылетела старая глиняная плошка. Дзынь! — осколки брызнули в разные стороны, с сухим треском отскакивая от стен.

— Ненавижу Субуру, — пробормотал Вар, аккуратно переступая калигами через вонючую лужу, на краю которой скрючилось чье-то тело — не понять, то ли уже мертвец, то ли просто пьяный настолько, что мало чем отличался от мертвого. — Здесь и днем-то не пробраться, а уж ночью...

— Сейчас будет перекресток, — сообщил ему Фараон, — я вон ту статую хорошо запомнил, — приятель повара ткнул пальцем в стенную нишу, где перед неряшливо раскрашенной статуэткой еле теплилась плошка с плавающим в масле фитилем, — это какая-то местная богиня из мелких, покровительница фонтана.

— А сам фонтан где? — заинтересовался Варфоломей. Пытаясь присмотреться в темноте к окружающим зданиям, он промахнулся мимо выщербленной мостовой и с плеском наступил в лужу. Длинная матерная тирада огласила ночную темень.

— Вон там, — валлиец кивнул в сторону полуобвалившегося каменного сооружения.

— Не уследила богиня, — сухо резюмировал повар, трясая ногой в калиге, — фонтан-то высох.

— Да, с водой тут не очень, — глубокомысленно отозвался его компаньон. — Обычно за такими перекрестками следят люди из разных братств, но тут, видимо, никакого братства давно нет, или разбежались все.

— А если пожар?

— А если пожар, — назидательно заявил Фараон, — то прибежит отряд вигилов и попытается его потушить. Поскольку воды нет, а при себе у них только одеяла, смоченные уксусом, то вигилы встанут подальше, чтобы кирпичом не зашибло, и будут наблюдать, как весело тут все будет гореть. Может быть, соседний дом разрушат баллистой. А «матрасники» — это у них так специальные крепкие пареньки называются, которые толстые матрасы подстилают всем, кто из окон прыгать собрался — матрасники побегают, конечно. Но потом все равно все сторит дотла, эка невидаль...

— Бардак... — хмуро сказал Вар. И вдруг подобрался хищно, шепнул: — Погоди-ка, это что за птицы там впереди?

— Так-так, — валлиец прищурился, — может повернем назад?

— Похоже, уже поздно.

Было и правда поздно: их заметили. При свете немилосердно коптящего факела трое темных личностей шустро потрошили какого-то бедолагу, избавляя от ценных вещей. Жертва уже лежала на земле и признаков жизни не подавала.

— Э, там! Кто такие? Клянусь приаповой елдой, еще какие-то жирные сардины подвалили на наше счастье! — широко ухмыльнулся кривоглазый мужик, судя по всему — главарь. — Слышь, Крисп, а ну-ка, забей чушку!

Здоровенный детина с объемистым брюхом под грязной туникой, и тупой щетинистой рожей, расчерченной кривыми шрамами, разогнулся от лежащего тела и шагнул в сторону Вара и Фараона.

— Гладиатор, что ли? — спросил повар, ни к кому конкретно не обращаясь. — Да нет, скорее уж мясник. Ну давай, потанцуем... Эй, дубина! Смотри, будешь завтра лежать на прилавке Бычьего рынка, там никаким мясом не брезгуют!

Фараон укоризненно покачал головой и аккуратно, чтобы не запачкаться, прислонился к стене. Здоровяк на подначку Варфоломея никак не отреагировал — только засопел сильнее и поднял увесистую деревянную колотушку, утыканную кривыми гвоздями. А потом, удивительно быстро для такого толстяка, рванулся вперед, замахиваясь. Но на том месте, куда должен был обрушиться страшный удар, вышибающий дух и мозжащий кости, уже никого не было. Варфоломей, точно чертик из коробочки, выпрыгнул из тени за плечом костолома и два раза, быстро и точно ударил своим сантоку.

— Кх-р-х-р... — сказал бандит, качаясь на непослушных ногах. Голова у него была развалена пополам почти до самых зубов. Из широкого разреза на шее хлестнула кровь. Колотушка вывалилась из ослабевших пальцев и упала в грязь. Следом повалилось грузное тело, судорожно елозя по булыжникам протертыми подошвами сандалий.

Главарь больше не улыбался, единственный его глаз изумленно расширился.

— Э! Ты знаешь, кого завалил? — хрипло спросил он. — Милон этому не обрадуется... — в его руку, как живая, прыгнула отточенная сика.

— Передай Милону мое почтение, — широко оскалился Вар, и в полутьме, кое-как освещаемой пляшущими бликами факела, звонко и страшно скрежетнула сталь — это два сантоку обухами прошли друг по другу.

— Чтоб тебя... — негромко ругнулся валлиец, подставив ногу третьему бандиту — щуплому коротышке, который метнулся к узкой щели между двумя домами. — Свидетелей нам только не хватало!

Коротышка взвизгнул затравленным зайцем, отмахнулся (Фараон едва успел увернуться

от лезвия бронзовой бритвы, блеснувшего прямо перед носом) и покатился по мостовой. Точку поставил сам хозяин паба «Дубовый Лист» — обрушился сверху, морщась от ядреного чесночного духа и вони немытого тела, схватил бандита за сальные патлы и несколько раз звучно тюкнул головой об угол полуразвалившегося фонтана. От многострадального сооружения отвалился еще один кусок. Щуплый подергал ногами и затих.

— Внеси свой вклад в развал Вечного Города... — проворчал Фараон, оглядывая разрушения. Тем временем бывший повар и его соперник танцевали извечный танец людей с холодным оружием.

— Драл я твою мамашу в зад! — рявкнул кривоглазый, делая выпад сикой.

— Зря ты так... — выдохнул Варфоломей, по-прежнему скалясь. — Мог... бы... жить.

На каждом слове он делал взмах, и тяжелое лезвие падало, безошибочно находя цель. Хрясь. Хрясь. Хрясь. Короткий крик, бульканье, звон сики на камнях.

— А теперь валим отсюда! — рявкнул повар.

— погоди, а тот? — оторопел Фараон, махнув в сторону жертвы бандитов.

— Тот уже труп! Еще не хватало нарваться тут на ночной обход стражи! В Мамертины захотел?

Никакого желания оказаться в Мамертинской тюрьме у валлийца не было, и он побежал вслед за Варом, который успел прихватить какую-то тряпку — похоже, кусок туники — и на бегу вытирал сантоку, очищая сталь от крови. Они, не останавливаясь, пробежали по улице Патрициев, уворачиваясь от ночных телег, громяхующих повсюду, бросив взгляд на темную громаду башни Мамилия, выскочили на Малую Субуру, и тут Фараон запротестовал.

— Да погоди ты... — прокашлял он, дыша, как загнанная лошадь. — Куда мы бежим? Кто за нами гонится?

— Никто, — с некоторой растерянностью в голосе признал его приятель, аккуратно спрятав ножи под плащом-сагумом из грубой шерсти.

— Вот и не будем суетиться. Смотри-ка, мы уже добрались до почти освещенных мест!

— Ну слава Аполлону Светозарному, или кто у них тут за это дело отвечает...

— Слушай, — замялся валлиец. — Вар... Я тебе вопрос задам, только ты не сердись, ладно?

— Я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся...

— Что?

— Да нет, это я так, — сказал Варфоломей. — Цитирую. В наш век постмодернизма и кросспостинга цитаты на каждом шагу. Хотя я опять забыл, что до изобретения постмодернизма еще две тысячи лет. Ну говори уже, слушаю.

— Вот ты опять кого-то убил. Они, конечно, бандиты, и думать бы долго не стали, что с нами делать, но...

— А. Вон ты о чем, — догадался повар. — Думаешь, откуда во мне столько неумной кровожадности, и почему я потом не испытываю шока и стресса, не рву на себе рубаху, или тунику, к примеру?

— В общем, да.

— Друг мой Фараон, — мягко сказал Варфоломей. — Я ведь не всегда был поваром. И студентом — тоже не всегда. Я еще и в армии служил.

— Боюсь спросить — где.

— Не надо бояться риторических вопросов. Я бы и сам сказал. На острове Русском. Тебе это о чем-нибудь говорит, или я зря стараюсь сейчас, делая такое торжественное лицо?

— Что-то слышал, — неуверенно признался валлиец через минуту, наморщив лоб. — Какой-то спецназ?

— Вроде того. К сожалению, акваланга у меня нет, да и нырнуть тут не получится. А то я бы тебе продемонстрировал некоторые ухватки водоплавающих...

— Так это вроде «морских котиков»?

— Это котики вроде нас, — обиженно проворчал Варфоломей, — а мы сами по себе.

— Там тебя этому и научили?

— Главным образом, там меня научили не паниковать по пустякам. Справляться с эмоциями. Ну и, конечно, обращаться с тем, что режет и стреляет. Несколько «командировок» — ну, это у нас так называли спецзадания, не буду распространяться, оставим это, так сказать, за кадром. Так что потом, уже будучи поваром, я просто закреплял некоторые полученные знания...

— И в Японии?

— А что — Япония? Народ там, конечно, специфический, зато имеющий богатый исторический опыт по части смертоубийства. И, что характерно — чрезвычайно легко относящийся к этому делу даже сейчас.

— Ясно, — кашлянул Фараон. — Теперь как-то даже неудивительно.

— Знаешь, Бриан, — назидательно сказал повар. — То, что нас не убивает...

— ... делает нас сильнее?

— Нет. То нас не убивает, потому что мы убиваем это сами. И все. Вот я сейчас думаю не о том, кем был этот неведомый беспредельщик, который хотел долбануть меня дубиной, и которому я сделал трепанацию черепа. Ну был. Наверняка убивал и насиловал. Я просто поставил точку в его замечательной жизни.

— Злой ты.

— Да уж. Нечуткий.

Они помолчали.

— Холодно как-то, — наконец передернул плечами владелец «Дубового Листа». — Днем жара адская, ночью волосы дыбом.

— Рим, что тут скажешь. Не в самом удачном месте его Ромул и Рем воткнули. Нет, с точки зрения грабежа проезжих и прохожих — безусловно, удачное местечко. А вот по климату...

— Вар, — спросил валлиец, — ты говорил, что Субура «так себе район», я и сам это вижу. Тогда как вышло, что здесь поселился Цезарь?

— Вообще-то, не сам Цезарь, а его родители. Все потому, что мамаша будущего исторического персонажа — очень практичный человек. Обычно богачи предпочитают селиться в отдельных особняках, и правильно делают. В Риме это хоть какая-то возможность обеспечить себе комфорт и чистый воздух. Но если у тебя есть голова на плечах и умение ладить с людьми, то и на первом этаже инсулы можно устроиться очень даже ничего себе. Вот они и устроились.

— Почему на первом? — удивился Фараон. — Я всегда считал, что миллионерам нравится пентхауз под самой крышей.

— Это в нашем времени. Хотя какое из времен наше — я теперь уже и не знаю, — поморщился повар. — Ну сам подумай. У нас есть канализация, центральное отопление и вода, которую подают наверх под напором. Хоть до сотого этажа, если надо. А здесь, — Варфоломей небрежно ткнул пальцем во мрак, где виднелись мрачные силуэты инсул, —

вода если и есть, то только в фонтанах общего пользования, то есть не выше земли. Про отопление и слыхом не слыхивали. А что до канализации, ты и сам все видел.

Фараона ощутимо перекосило. Даже сейчас, хотя самую грязную часть Субуры они миновали, в воздухе стоял весьма специфический запах: смесь отбросов, пепла, горящего масла и еще тысячи других ароматов, которые ударили в нос человеку непривычному с силой бронебойного снаряда.

— Древние поэты говорили, что «Рим воняет», — хмыкнул Вар, покосившись на товарища. — И ведь не ввали.

— Мне кажется, я в этих чертовых кальцеях больше шагу не смогу ступить, — буркнул валлиец. — Ногу натер. Ох!

Варфоломей дернул его за руку, и Фараон еле успел отскочить, чтобы не попасть под копыта меланхоличной лошади, тянущей за собой воз с обструганными досками и какими-то мешками. Ночью на улицах Вечного города было меньше народа, зато больше повозок, которым днем въезд на улицы был запрещен. Поэтому после заката все возчики спешили доставить свои грузы, сцепляясь, бранясь во все глотки и щедро отвешивая своим многострадальным клячам удары кнутов.

— Не зевай! Говорил я тебе, что калиги удобнее. Солдаты толк знают. Гвозди, толстенная подметка — в самый раз для таких мест.

— Говорил. Но кто же знал, что мы будем шляться в темноте по трущобам.

— Оно того стоило, друг мой Бриан!

— Правда? — язвительно отозвался Фараон. — Только потому, что ты сумел добыть у какого-то сомнительного типа семена этой... как ее... сиф... силь...

— Сильфиды, — негромко рассмеялся его приятель. — Хотя я предпочитаю другое название — лазерпиций.

— И что в этой траве такого особенного?

— Ну, во-первых — она исчезла вместе с Древним Римом. Последний пучок, говорят подали к столу императора Нерона, да и сейчас, в Риме, где мы оказались, места, в которых ее можно найти, все наперечет. А во-вторых, такая редчайшая приправа, которая, — Вар на ходу загибал пальцы, — вкус делала потрясающим, пищеварение улучшала, возбуждала аппетит и поднимала тонус, за которую платили серебром по весу, — такая приправа точно должна быть в нашей кухонной коллекции. Если надо, я ее на крыше выращивать буду. Лично!

— Ладно, убедил. Так, а где это мы?

— Должны быть рядом.

Вар завертел головой по сторонам. Около каменной уличной тумбы, выкрашенной в красное, шумно блевал полуночный пьянчуга.

— Этот нам ничего не скажет. О!

Повар сделал пару шагов и обратился к фигуре, судя по очертаниям — женской, которая, подперев рукой бок, застыла в дверном проеме, очерченная дрожащим светом.

— Эй, красавица! Скажи-ка, где улица Сандальщиков?

— Чтоб тебя лемуры разорвали, Требоний! Нажрался, как скотина, еще и не заплатил! — мелодичный женский голос добавил к этой прочувствованной фразе целый ворох грязных ругательств, от которых Варфоломей аж присвистнул.

— Феллятор, говоришь? Да, подруга, не повезло тебе с клиентом. А я заплачу, смотри-ка! — монета блеснула в воздухе и тут же погасла, исчезнув в тонких цепких пальцах. Поток

ругательств мгновенно оборвался.

— Конечно, господин, я подскажу! Идите сейчас прямо, отсчитайте два дома по правую руку и сверните в переулочек. Минуете заведение Одноглазого Тития, там еще на стене нарисована парочка, сами поймете, чем занимаются, а ниже написано «Оппия подмахивает незадорого». Там повернете налево, и вы на Сандальщиков! А может к нам заглянете? — хихикнула женщина, лица которой Бриан так и не смог разглядеть, как ни старался.

— В другой раз, красавица, непременно. Да хранит тебя Венера Вульгивата изо всех своих сил!

Заведение Тития оба прошли молча, одновременно покосившись на корявый рисунок неприличного содержания. Надпись, про которую говорила проститутка, здесь тоже была.

— Все, я узнаю эти места, — облегченно вздохнул Вар. — Мы дома.

По сравнению с другими харчевнями, каупонами и попинами Рима, «Дубовый Лист» просто сиял огнями. На этот раз паб выглядел, как обычная деревянная дверь в стене дома. Над дверью ярко горели два фонаря, заправленные хорошим маслом, выше был нарисован тот самый дубовый лист и недвусмысленный намек — винный кувшин и блюдо с оливками. На низенькой скамеечке у самой двери неподвижно сидел огромный рослый мужик, весь бугрящийся крепкими мускулами, положив на колени увесистую короткую дубинку из твердого дерева. На смуглых плечах виднелись синие, потускневшие от времени солдатские татуировки — римская цифра, похожая на номер легиона, коряво наколотый орел с распростертыми крыльями, и еще что-то непонятное, напоминающее не то вставшего на дыбы медведя, не то какое-то чудовище.

— Интересно, — протянул Вар, разглядывая здоровяка, — экий он все-таки расписной, я еще в прошлый раз заметил. Жуков явно ошибался...

— Кто? — переспросил валлиец.

— Да есть у нас один знаток римской истории. Его лекции очень популярны. Так вот, он любит утверждать, что, мол, татуировок у римских граждан во времена поздней Республики не было. Говорит — только варвары себя такими расписывали, а квиритам как-то не подобало. А я всегда был уверен, что это не так. Ну вот сам подумай — служишь ты лет пятнадцать в каком-нибудь Восьмом Галльском... хотя это уже Империя, но по времени почти рядом. Кругом такие же отморозки как ты — от войны к войне, годами в одном строю, без семьи, только и работы, что маршировать, да убивать. «Щит вверх! Коли!» Развлечения немудреные — выпивка, продажная любовь, хороший мордобой, ну еще в термы сходить на увольнительную, если повезет оказаться не в какой-нибудь Парфии, где воду в день по чашке выдают. А у варваров, которые на тебя прут, все тело в татуах. Говорят — чтобы богов почтить. И задумывается наш легионер: боги — это хорошо. Богов чтить надо. Почему бы на себе не нарисовать что-нибудь в честь Марса? Или меч... о, точно, гладий! Гладий — он всегда с тобой, он вернее жены. А можно перед дембелем с однополчанами закутить и дружно набить себе символ легиона, да хоть номер когорты... Всегда солдаты так делали и будут делать, хоть до нашей эры, хоть после.

Фараон кивнул задумчиво.

Охранник поднял на Вара и Фараона пустой взгляд, когда они подошли к двери, но не пошевелился и ничего не сказал, тут же опустив глаза. Повар толкнул дверь, и та удивительно бесшумно открылась, мягко повернувшись на хорошо смазанных бронзовых петлях.

— Слушай, — спросил он валлийца озадаченно, — ты с этим големом у двери пробовал

поговорить?

— А сам как думаешь? Еще вчера. В ответ — никакой реакции. Но потом тут двое пьяных сцепились, так он их скрутил моментально, никто не успел даже понять ничего. Раз! — и все. Уже второй раз на моих глазах. Похоже, «Дубовый Лист» умнеет не по дням, а по часам...

— А может, это...

— Не-ет! — Фараон яростно замотал головой. — Только не говори мне, что это Мануанус его сделал!

— Неть, — солидно пропищал кто-то прямо у него за плечом. — Онь самая.

— Легок на помине, — вздохнул Фараон. В пустом помещении трактира-каупоны было тихо и светло, несколько светильников горели ровным ярким пламенем без копоти. Мануанус Инферналис, выглядевший особенно щетинистым, вольготно полулежал на широкой каменной полке рядом с дверью. При этом монстр был на манер тоги закутан в грязно-белую тряпку с пурпурной полосой.

— Ты где это взял? — изумился Варфоломей.

— Сенатор-рь... — неопределенно отозвался Мануанус, показывая тощей когтистой лапкой куда-то вдаль. — Пьянь... Пропиль, ушель.

— В одной тунике, что ли? — изумление повара все росло. — Свят-свят. Как здесь вообще сенатор оказался? Я думал, на Виа Сандалариа никого из патрициев даже мешком сестерциев не заманишь!

Мануанус хрюкнул задумчиво. Тем временем Фараон, уже успевший смыть с себя уличную пыль, заклеить мозоль пластырем и выпить кружку воды, с наслаждением вытирал лицо полотенцем. Внезапно он нахмурился.

— Странно, кстати. А почему никого нет-то? Ночь, конечно, но тут и по ночам полно желающих горло промочить. Вчера ребята из погребального братства в это время только начинали разогреваться. Или день какой-то особенный?

— Выгнать! — гордо проскрипел Мануанус. — Всех! Гнись и мерзь! Спать надь!

— Легионеров на него нет, — горько пожаловался Фараону Вар. — Клиентов отпугнул, скотина! Смотри, центуриона какого-нибудь позовем, чтобы тебя в гробницу запечатал. Тут этих гробниц за городом — тьма тьмушая.

Щетинистый монстр недовольно заворчал и опасливо притих, поплотнее замотавшись в обрывок тоги.

В это время в дверь постучали. Стук был властным и резким — чувствовалось, что стучавший знает себе цену и не привык долго ждать.

— Что за... — пробормотал Фараон. — А охранник наш там зачем сидит? В пыль он рассыпался от скуки, что ли?

Стук повторился. Дверь — крепкая, двойная, пробитая гранеными гвоздями с квадратными шляпками — не шелохнулась, но из-за нее раздался громкий голос:

— Да что тут, все вымерли, что ли, клянусь эриниями? Я хочу выпить! Честному квиристу что теперь — идти в какую-нибудь драную богами дыру, где даже света нет?

— Господин... — кто-то безуспешно пытался уговорить громкоголосого. — Господин, на вилле есть все, что душе угодно...

— Моей душе, Евтерпий, угодно сейчас плотнуть дрянного винца именно здесь, посреди Рима! Если бы я хотел тускуланского со снегом или фалернского из золотого кубка, я бы так и сказал. К манам твою виллу, здесь живые люди, а не угодливые рожи прихлебателей!

— Господин...

— Эй, там! Если жжете масло в светильниках, значит и гостей ждете! Открывайте, у меня в горле пыльно, как в нубийской пустыне!

— Какой настойчивый клиент, — с интересом заметил Варфоломей, машинально доставая из-под плаща сантоку и пряча его под стойку каупоны. — Надо пустить.

Валлиец молча пожал плечами и откинул засов. Дверь тут же распахнулась, и внутрь ворвался невысокий худой мужчина в сенаторской тоге, один конец которой, небрежно перекинутый через плечо, то и дело чиркал по земле, собирая пыль. Мужчина прищурился от яркого света и обвел взглядом харчевню.

— Какое интересное место, а? — протянул он насмешливо, чуть шепелявя. Через секунду его светло-голубые, почти прозрачные глаза воткнулись в лицо Вара, как два сверла. На лице, почти старческом, изборожденном морщинами и состоящем словно бы из одних резких углов и впадин, эти глаза невольно приковывали к себе внимание — настолько остро и пронзительно они смотрели. Вару показалось, будто в них полыхает постоянно сдерживаемая ярость. Но тут человек широко ухмыльнулся, и это ощущение пропало без следа.

— С каких пор в этих убогих переулках не жалеют света? А, Евтерпий?

— Не знаю, господин, — растерянно отозвался тот, кого назвали Евтерпием. Имя греческое, но по виду это был типичный вольноотпущенник, сопровождающий своего патрона по значным местам. Еще двое — охранники с факелами, переминались с ноги на ногу у дверей, а за ними виднелось невозмутимое, как кирпич, лицо голема. Худой мужчина уверенно уселся за ближайший стол, и прищелкнул костлявыми пальцами.

— Ну что ж, хозяин! Тащи-ка сюда свою лучшую кислятину! Посмотрим, чем, кроме светильников, меня сможет удивить твоя дыра...

— Это не дыра, господин, — с достоинством возразил Бриан. Он повертел головой туда-сюда, потом мысленно махнул рукой и достал с полки первый попавшийся глиняный кувшин. «Не подведи!» — про себя обратился валлиец к «Дубовому листу». Треснула застывшая смола на горлышке, хрустнула печать, и в стеклянный кубок с бульканьем полилось темно-красное вино.

— Никакой горькой смолы, убедись сам, — Фараон долил кубок до краев чистой водой и пододвинул к гостю. Тот нетерпеливо схватил стеклянный сосуд и принялся пить — так, словно весь день с самого утра умирал от мучительной жажды.

С каждым глотком его рыжие брови ползли все выше. Наконец он оторвался от кубка, шумно выдохнул и утер ладонью подбородок.

— Вот это да... Евтерпий, ты только попробуй! Клянусь Венерой, такого вина я не пил даже на пирах у Ариобарзана в Киликии, а уж там-то варвары знают толк в том, как надо напиваться! Уважил ты меня, хозяин, и удивил не на шутку.

Взгляд ледяных глаз опять воткнулся в лицо валлийца. Тот добродушно рассмеялся.

— Рад услужить! Не покажется ли дерзостью с моей стороны узнать имя высокого гостя?

— Высокого гостя... — эхом повторил мужчина насмешливо. — С чего ты взял, что я высокий?

— Тога на тебе, уважаемый, из такой ткани, какую не на каждом патриции из знатного рода можно увидеть, я уж не говорю про сенаторов. Опять же манеры... Ты привык к власти, это же видно.

— Ладно, ладно, — посетитель махнул рукой и снова потянулся к ополовиненному кубку. — Дерзостью это точно не покажется, особенно после такого вина. Да и скрывать мне нечего. Я Луций из рода Корнелиев, также известный, как...

— Сулла! — потрясенно выдохнул Варфоломей.

Некоторое время назад. Рим, 78 год до нашей эры

Варфоломей

— Мы здесь уже второй день, — сказал Фараон, — и я отчетливо понимаю, что античность мне совершенно не нравится.

Мой компаньон стоял за каменной стойкой заведения и нехорошо улыбался, разглядывая толпу гуляк за длинным столом в глубине нашей каупоны.

— Воспринимай это как новый жизненный опыт, — посоветовал я, пытаюсь справиться с бронзовой решеткой плиты. — Что же — Средневековье лучше?

— Не лучше, — задумчиво проговорил валлиец. — Грязнее, грубее, но... Ближе как-то, что ли.

— Ты уже забыл средневековый Лондон? — невинно осведомился я. Проклятая решетка никак не хотела вставать на место, пламя пару раз обожгло мне руку, и я зарычал от злости. Уф! Встала, наконец-то. Можно поставить котел и дожидаться, пока закипит вода.

— Да, Лондон... — Бриан фыркнул. — Вот уж где было грязно и гадко. Если бы существовал какой-нибудь рейтинг городов тех лет, я бы Лондону поставил ноль звезд. Из пяти.

— Вот-вот. А здесь, конечно, никто не носит кружева. Зато есть акведук. И канализация. И кстати, мы очень удачно провалились во времени.

— Почему это? — Фараон подозрительно поглядел на меня.

— Потому что сейчас идет 676 год ab Urbe condita. От основания Города — Рима, то есть. Нам привычнее говорить — 78 год до нашей эры.

— И что в нем такого хорошего?

— Попади мы в прошлое года на четыре раньше — угодили бы в развеселое время. Как говорил один киноперсонаж: «Стены Рима можно было красить кровью». Луций Корнелий Сулла...

Тут я невольно осекся, и выругал себя за то, что увлекся и повысил голос, который у меня и так тихим не назовешь. Потому что увидел, как дернулся мужичок в заношенной, когда-то коричневой тунике не по размеру, подпоясанной какой-то узловатой веревкой. Сидел он совсем рядом с нами и неспешно ел оливки из большой миски, запивая их легоньким подогретым винцом — мой приятель несколько минут назад самолично подал ему это немудреное кушанье.

— Друг! — прошипел мужичок, поводя из стороны в сторону кривым носом и опасно стрелья глазами. — Негоже поминать тут Суллу! Нынче он уже не диктатор, это верно. Но всемогущие боги не зря дали одному человеку такую власть. То, что он сотворил в Риме...

Тут дверь каупоны распахнулась, ввалились несколько крепких мастеровых, жаждущих влить в пересохшие глотки вина побольше и подешевле — и мужичок замолчал, втянул голову в плечи, потянувшись к своему стакану.

— Ладно, — я понизил голос и тоже стал почти шептать. За стреляющим в плите огнем меня было практически не слышно, — в общем, Сулла стал диктатором и устроил проскрипции. Вывесил списки врагов Рима — и понеслось. Все наперебой кинулись резать глотки тем, кто в этих самых списках. Да еще и по ошибке прихватили часть тех, кого в этих

списках быть не могло. «Ошибочка вышла, квириты, извините!» Кровищи было столько, что до сих пор у всех в памяти эти воспоминания очень даже живенькие и неприятные.

— И что, прямо всех резали? — напряженно спросил Фараон.

— Нет, ну что ты! — успокоил я его. — Только богатых, как правило. Ну, или состоятельных хотя бы. Какой толк резать бедняка, что ты с него возьмешь? Черепок с фитилем и кувшин мочи, по ошибке названной вином? Колченогую табуретку из каморки в инсуле?

Я высыпал в котел крупу и стал ее помешивать, потом плеснул туда же ложку оливкового масла и, наконец, добавил горсть тертых корней.

— Сулла был мудр... Хотя чего это я? Он и сейчас должен быть еще жив, всего лишь начало года...

— Да, дела... — резюмировал мой друг.

— Эй, почтенный! — крикнул нам краснорожий детина, по виду — грузчик или мясник откуда-нибудь с рынка. — А чего у вас ни одной девицы нет? Кто мне вина поднесет?

— Я поднесу, хочешь? — мрачно, однако вежливо отозвался я. Не люблю, когда перебивают.

— Ты? — краснорожий смерил меня взглядом, и в глазах его мелькнула тень уважения, когда он покосился на сбитые костяшки... ну не люблю я Средневековье, антисанитария сплошная, любая царापина заживает плохо. — Да я так, поинтересовался, без задней мысли. Какая разница, кто вино подает, верно ведь? Клянусь Геркулесом, покровителем мясников, тут у вас чисто и прохладно. Что еще нужно честному квириту?

Его товарищ, такой же краснолицый, но гораздо более пьяный, высказал свое полное согласие добродушным мычанием.

— Будет вам вино, ребята, — сказал Фараон. Кстати, на этот раз валлиец выглядел как типичный римлянин — худой, темноволосый, лет сорока, с прямым носом, грубоватыми чертами лица, жесткими складками у рта и короткой солдатской стрижкой. Ни дать, ни взять — ветеран в отставке, вылитый портрет императора Филиппа Араба. «Дубовый Лист» по неведомой нам прихоти приделал ему на щеку кривой, страшного вида шрам.

— Где воевал-то? — спросил мясник примирительно.

Фараон ухмыльнулся, и я понял, что он сейчас обязательно что-нибудь ляпнет.

— У Мария был. Под Верцеллами выхватил в лицо копьем от кимвра какого-то.

Мясник подавился остатком вина и громко закашлялся.

— Смелый ты. Про Мария нынче говорить не принято...

— А чего? — валлиец удивился и развел руками. — Они тогда с Суллой заодно бились, против варваров. Чего скрывать-то?

— А н-не... не врешь? — пьяно спросил спутник мясника.

— Про Верцеллы? Да нет. Или тебе «рога» от шлема дать пощупать? — Бриан провел пальцем по челюсти около шеи. — Так вот они, на всю жизнь намозолил шкуру.

— Засохни, Мутий! — цыкнул на кореша мясник. — Верит он, чего бы не верить? Сколько с меня будет за кувшин?

— Смотря какой, — хмыкнул я, не удержавшись. — Фалернское, массикское, кекубанское?

— Фалернское! — расхохотался краснорожий весело, аж компания в углу обернулась на громогласный гогот. — Ну ты сказанул! Фалернское — это ты меня с богачом с Палатина не спутал, часом? Хорошо бы хлебнуть такого винца, да только я раз в жизни пробовал — когда

Луций Корнелий Долабелла, — тут мясник огляделся по сторонам, словно раздумывая, кого призвать в свидетели, потом махнул рукой, — когда Долабелла праздновал свой триумф, раздолбавши лузитан. Было это лет около двадцати назад, думаю. Я тогда только в возраст вошел, но вино уже любил, ох как! И фалернского на том триумфе было хоть залейся, всем наливали, кто попросит. Отменное вино, из погребов самого Луция Корнелия...

— Корнелии — ик! — они такие! — звучно сказал пьяный, воздевая немытый палец к потолку, и тут же снова уронил голову на стол, звучно ударившись лбом об струганные доски.

— Да чтоб тебя! — мясник в сердцах пристукнул кулачищем, привыкшим к тяжелому топору, себе по коленке. — Надо ж было так нажраться на радостях после удачной сделки, а?

— А вот сейчас и посмотрим, — подмигнул ему Фараон, — есть ли у меня то, чего не было у Долабеллы. Не будь я Авл Мурий, если не сумею кое-что раздобыть!

Он нагнулся и исчез под стойкой. Краснорожий недоуменно нахмурился, но мой приятель уже выпрямился, сжимая в руке горло пузатой амфоры из красноватой глины. Он сорвал печать с горлышка и принялся.

— Сегодня я добрый, точно сам триумфатор! Подставляй-ка стакан, и положи вот сюда, — Бриан постучал пальцем по столу, — ровно один асс. Такой цены тебе больше нигде не предложат, уж поверь.

Мясник сунул свой толстый нос в стакан и расплылся в широченной щербатой улыбке.

— Быть не может!

— Может-может, — авторитетно успокоил его «Авл Мурий», выступающий в роли доброго вестника богов и виночерпия одновременно.

— Настоящее фалернское! Да какое! — восторженно крикнул здоровяк, осушив стакан наполовину. Он звякнул монетками в кошелек, потом решительно выгреб одну и приложил ее к столешнице с треском, точно отчаянный игрок в домино.

— Вот! Денарий даю! Не жалко! Налей кувшинчик, а? Век буду богов за тебя просить!

Взмах ладони — и серебряный денарий исчез со стола, а широкий кувшин приземлился доньшком точно в винный круг, оставленный стаканом.

— Сегодня твой день, достойный квирит, — и снова Фараон подмигнул так заговорщически, что я чуть не расхохотался, но спохватился: черт, каша! Каша же пригорит! — Не ведаю твоего имени, но вижу, что ты честный малый.

— Муний Приск меня кличут! — ослабил краснорожий. — Эх, вот же свезло мне сегодня!

Фалернское с бульканьем устремилось в бездонную плотку, а я тихо спросил у валлийца:

— И что это было, а?

— Не знаю, — прошипел он. — Я просто полез под стойку наугад. Лезу и думаю — «хоть бы это было хорошее вино!» И вот тебе на!

— Чему удивляешься? — хмыкнул я. — Забыл, что ли, как было в Лондоне? Когда тот судья пригубил кружку, а потом аж затрясся и как заорет: «Откуда у вас, паршивцев, такой эль? Такого эля я не пил даже с герцогом Как-Его-Там-Не-Помню!» Еле отбрехали тогда. Поосторожней с желаниями, дружище.

Валлиец скорбно покивал головой. Мясник тем временем выдул половину кувшина, и даже не поморщился. Хотя, конечно, это же не водка.

— По-скифски пьешь, приятель? — хмыкнул Фараон, пристально разглядывая

краснорожего. — Может, воды?

— Не... — здоровяк потряс головой, — Пусть хлыщи разбавляют, которым по утрам рабы розовую водичку подают, чтоб рот полоскать. Что до меня, то я тебе так скажу: такое вино портить водой из акведука — кощунство!

Он икнул и вытер рот тыльной стороной ладони, усеянной густыми черными волосами.

— Я из трибы Субурана, коренной, а у нас слабаков нет! — гордо сообщил мясник. Потом поглядел на меня: — Эй, а ты из какой? Не похож ты на здешнего...

— Клустумина, — не моргнув глазом, отозвался я. Честно говоря, других названий я попросту не помнил.

— Ну-у? — радостно завопил мясник. — Так у меня жена из Клустумины! Тут же рукой подать, прямо рядышком!

— Точно, — согласился я. — Вот я сюда и перебрался, далеко ходить не пришлось.

— А ты откуда, Авл Мурий?

— Из Кампании. Триба Фалерна, слышал про такую?

— Не-а! Но название хорошее, потому что на вино похоже!

— Да, там у нас делают такое винцо, что сам Сципион Африканский оценил.

— Если оно такое же хорошее, как то, что ты мне налил, то, клянусь подземными богами, я бы хотел там жить! — проревел краснорожий в восторге.

— Зачем? — удивился Фараон. — Живи в Риме! А вино к тебе само доберется.

Шутка была на «троечку», но отчего-то привела мясника в совершеннейший восторг. Он хохотал так, что со стен сыпалась штукатурка.

— Само! — всхлипывал он. — Само доберется!

Громкий смех привлек внимание компании мастеровых, которые, судя по всему, тоже крепко поддали, но до поры до времени сдерживались.

— Эй, ты! — рявкнул один из них. — Глотка у тебя больно громкая!

— А ты что, — немедленно отреагировал мясник, — привык, что твой дружок тебе на ушко нежно шепчет, пока тебя охаживает?

— Ах ты, тварь! — взревел мастеровой, и взвился из-за стола. Я взялся за увесистый дрын, который сам же предусмотрительно поставил у плиты, но это не понадобилось. Скрипнула дверь, и в зал купоны кто-то ввалился — мне показалось, что оживший платяной шкаф. Мелькнули синие татуировки на крепких мускулах, глухо стукнула дубинка, врезаюсь в щетинистые бритые головы — раз и два — каменной крепости локоть своротил чей-то нос. Потом настала очередь выноса тел. Не прошло и пяти вдохов, как гуляки в бессознательном состоянии отправились за порог. Шкаф коротко оглядел нас, оставшихся, мазнул стеклянным взглядом по лицу основательно протрезвевшего мясника и молча закрыл за собой дверь. За все это время он не произнес ни слова.

— Ого, — помотал головой краснорожий, — вот это я понимаю. Клянусь печенью авгура, такого я даже в легионе не видывал. Это кто?

Вопрос был адресован Фараону, и тот безмятежно пожал плечами.

— Сторож, — коротко ответил он. — Наняли по случаю.

— Хороший случай, — пробурчал здоровяк. — Смотрю на него, и прямо чувствую, как он меня в бараний рог... голыми руками... А ведь я быков кулаком укладывал! — пьяно похвастался он. — Помню, в Остии...

Дальше гуляка понес какую-то ахинею, вспоминая былые годы, а я тихонько спросил:

— Бриан, откуда у нас сторож?

— А я почему знаю? — зыркнул на меня валиец. — Честно? Не представляю, когда он появился.

Я хотел что-то ответить, но тут все мысли про неведомо откуда взявшегося сторожа вылетели у меня из головы. Потому что ухо выловило в бессвязной речи мясника слово, от которого мое сердце дало ощутимый перебой и застучало чаще.

«Лазерпиций».

— Что ты сказал? — я подскочил к мяснику, набулькал ему вина в опустевший стакан и потряс за плечо. — Лазерпиций? Где?

— Редкая травка, — прокряхтел выпивоха. — Ой, какая редкая! Еще лет двадцать назад на каждом углу сыпали в еду. А сейчас даже за золото почти не отыскать. Но я знаю одного... одного...

Он уронил голову на грудь и засопел.

— Черт! — я раздосадованно закусил губу. Удача проплывала мимо.

— Да что такое-то? — непонимающе спросил Бриан, но я перебил:

— Погоди-погоди! Стой!

Потом ввинтился обратно, в узкое пространство между стойкой и плитой, схватил ковш с холодной водой и плеснул ее на голову мяснику.

— А! Ты чего? Э? — заорал тот, отфыркиваясь.

— Выпей, друг! — поспешно сказал я, подталкивая к нему стакан. — Лазерпиций? Где его взять?

И он рассказал.

Фараон

Я смотрел на худого, измученного какой-то болезнью человека, преждевременно постаревшего — и никак не мог понять: это правда он, Сулла, несколько лет держал Рим в кулаке?

Но тут бывший диктатор снова усмехнулся, отхлебнув вина, и в его взгляде мелькнуло что-то этакое... Описать это трудно, такие искорки я видел у старых, битых жизнью инструкторов из Иностранного легиона, которые прошли не то, что огонь, воду и медные трубы, а просто прошвырнулись в ад и обратно, не стоптав ботинок. У них в зрачках вечно плескалась такая вот стылая водичка, от которой мороз продирает даже самых отчаянных головорезов. Поглядишь — и становится ясно, что ни своей, ни чужой жизнью эти мужики не дорожат, и, если надо, не задумываясь это продемонстрируют. Настоящая сила — она ведь не в объеме бицепса или в крутом изгибе нижней челюсти. Она в том, готов ли человек заплатить самую высокую цену. Кинуться на врагов, которых вдесятеро больше. Убить, не думая, во что ему это обойдется, и как больно будет потом.

Сулла был из таких. Сейчас он мирно сидел, беседуя с Варом, но легко было представить, как он выхватывает гладий из ножен и сам, лично, во главе когорты, штурмует стену вражеской крепости. Наплевав на знатность и древность рода, на то, что только утром читал на греческом труды философов...

— Отменное, отменное вино, — повторил Луций Корнелий, блаженно жмурясь. — Жаль только, не забирает оно меня, как раньше... Даже если пью неразбавленным, как степной варвар. Течет, как вода, только вкус во рту остается, а добрый хмель проходит мимо. Как молодость...

— Да, чего покрепче бы не помешало, — хмыкнул Вар.

— Где же ты найдешь покрепче? — морщины на лице Суллы собрались вокруг хищной

улыбки. — Во всем Риме не отыскать вина лучше, чем сейчас есть у меня на вилле... Чем было у меня на вилле, — поправился он, глянув на кубок в своей руке. — Помнится, в одном из походов мне приносили кувшин редкого вина... Рассказывали, будто в тех краях, откуда оно, зима такая суровая, что земля становится камнем, а вода застывает так, что железом не разбить. Виноделы замораживают вино, и делают это столь аккуратно, что вымерзает лишь вода, а вся крепость остается. Да, я помню, как один глоток того вина ударял в голову! Я заплатил за него золотом по весу.

И тут я решился.

— Для чего вино, — сказал я пренебрежительно, — если есть вещь куда лучше?

Сулла с интересом посмотрел на меня. Я вернул ему такой же прямой взгляд и шагнул за дверь в соседнюю комнатушку. Потянулся к шкафу, на дверце которого была красками изображена какая-то батальная сцена, и достал бутылку.

Мануанус Инферналис, развалившийся на шкафу, совсем человеческим жестом повертел когтистым пальцем у виска и тихо пропищал:

— Ужась!

— Тихо ты! — цыкнул я на него, стараясь, чтобы этого никто больше не услышал. — Не кому же попало наливаю!

Да уж, наливать кому попало сорокалетний «Балвени» — мало найдется преступлений хуже. Я вышел из комнаты, и взгляд Луция Корнелия сразу же будто примагнитился к пузатой бутылке в моей руке. Вар вытаращил глаза.

— Ого!

— Из старых запасов, — подмигнул я ему. Порылся, извлек из сундучка три оловянных стаканчика. Не стеклянные, конечно, но ничего. Выставил стаканчики на стол, со скрипом вывернул пробку. И аккуратно налил всем троим — вольноотпущеннику не полагается, незачем баловать бывшего раба.

Сулла потянулся к своему стаканчику, но я поднял ладонь.

— погоди, Луций Корнелий. Это не вино, его не пьют залпом, чтобы опустошить кубок. Это напиток намного крепче и благороднее. Сперва поднеси его к носу и понюхай.

Сулла вдохнул и изумленно отдернул голову — машинально, сам того не осознавая.

— Что это такое? Клянусь Венерой и Фортуной, моей покровительницей, ничего подобного я... — он замолчал и еще раз сильно потянул воздух носом, склонив голову над стаканчиком.

— Теперь, Сулла, пригубь, но только немного, — сказал я. — Ты должен привыкнуть и оценить.

Римлянин поднес стаканчик к губам. Его глаза расширились.

— Не спеши глотать сразу. Покатай напиток во рту. А вот теперь можешь проглотить.

— Ух! — выдохнул Сулла. — Невероятно!

— Теперь сделай несколько небольших глотков. И посиди молча, почувствуй, как тепло растекается по жилам.

Он последовал моему совету, и я увидел, как на высоком лбу появилась испарина. Потом Луций Корнелий Сулла Феликс поставил опустевший стаканчик на стол и закрыл лицо ладонью. В каупоне воцарилась тишина. Сулла что-то пробормотал, с силой провел ладонью по морщинам, будто разглаживая их, и посмотрел на меня. Я заметил, что его глаза стали ярко-голубыми.

— Ты маг? — спросил бывший диктатор. Я так растерялся, что промычал что-то

невразумительное, и только спустя несколько секунд ответил:

— Что? Нет, конечно, я никакой не маг!

— Но ты только что совершил самое настоящее чудо. Даже несколько чудес. Во-первых, у меня болела голова — от вина со мной такое случается, даже от хорошего. А теперь она не болит. Во-вторых, я впервые вижу, чтобы огонь можно было растворить в воде. И в-третьих, ты заставил меня вспомнить...

— Что вспомнить? — переспросил я, чувствуя, что выгляжу довольно глупо.

— Юность, — кратко отозвался Сулла. Он улыбнулся — на этот раз не хищной, а какой-то грустной и мечтательной улыбкой — и покачал головой. — Как же мне не считать это волшебством?

Потом великий римлянин встряхнулся и рассмеялся.

— А как насчет того, чтобы повторить это волшебство, уважаемый Авл Мурий?

— Запросто, — сказал я, оценивая уровень виски в бутылке.

Глава 12. Вода, подобная огню

Наше время. Британский музей, Лондон

— Сэр! — на куратора коллекций Древнего Рима было жалко смотреть. Бледный, вспотевший, он нервно комкал полу своего синего рабочего халата.

— В чем дело, Росс? — директор Британского музея Хартвиг Фишер сохранял олимпийское спокойствие, хотя в глубине души ему стало немного не по себе. Таким расстроенным своего коллегу он уже давно не видел.

— У меня новости из реставрационной лаборатории, сэр, — Росс Томас сглотнул и принялся протирать и без того чистые стекла очков замшевой салфеткой. — Нам наконец-то удалось достоверно идентифицировать свитки, найденные при раскопках виллы в Кумах. Это действительно воспоминания Луция Корнелия Суллы, которые до этого считались безвозвратно утраченными...

— Великолепная новость, Росс! — директор Фишер искренне обрадовался. Новость и правда была потрясающей. Мемуары Суллы! находка века — да что там, открытие тысячелетия! Фишер уже предвкушал интервью крупнейшим изданиям, гранты и пожертвования, а самое главное — восторг Совета попечителей, которому вынь да положь что-нибудь этакое, что можно потом с гордостью продемонстрировать в ежегодных отчетах.

Потерянное выражение лица Томаса вернуло директора с небес на землю. Он насторожился, почуяв неладное.

— Что случилось, Росс?

— Эксперты в лаборатории смогли переснять содержимое нескольких, лучше всего сохранившихся свитков... Судя по всему, это последние главы мемуаров, которые Сулла диктовал незадолго до смерти.

— И что же там?

— Смотрите сами, сэр... — Томас дрожащей рукой протянул директору музея несколько больших цветных фотографий. Улыбаясь, Фишер взял их и принялся перелистывать. Через несколько секунд улыбка сползла с его лица. Еще через минуту он опустил руку с фотографиями и выпученными глазами посмотрел на куратора.

— Ч... что это, черт побери?! — прохрипел Хартвиг Фишер. — Это что, шутка такая? Вы решили надо мной подшутить, Томас?

— Нет, сэр, — пролепетал куратор коллекций. — Свитки были извлечены археологами из-под слоя нетронутой почвы, под которым было обнаружено тайное хранилище, тщательно запечатанное. Тысячелетиями туда никто не заглядывал, сэр...

— Никакой ошибки быть не может? — отрывисто спросил директор. Он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха, и судорожно расстегнул верхнюю пуговицу на безупречно белой рубашке.

— Свитки изучены с применением всех современных технологий, сэр. Аутентичность материалов стопроцентно доказана нашими экспертами.

Хартвиг Фишер всегда гордился своим умением быстро принимать ответственные и непростые решения. Он поступил так и на этот раз.

— Росс, кто еще об этом знает?

— Вы. Я. Майк Качински из лаборатории. Еще пара реставраторов...

— Пусть так и остается. Слышите, Томас? Никому ни единого слова! Особенно важно,

чтобы это не дошло до попечителей, и, не дай бог, до журналистов. Иначе нас просто разорвут на части!

— Я понимаю, сэр...

— Надеюсь, что так, коллега. Надеюсь, что так. Все работы над свитками приостановить до моего особого распоряжения. Находку держать в сейфе.

Когда куратор, то и дело хватаясь за голову и ошеломленно бормоча себе под нос нехорошие слова, ушел, директор Британского музея еще раз взглянул на фотографии свитков у себя в руке. Туда, где на ветхом пергаменте четко виднелся подробнейший рисунок перегонного куба с клеймом, которое было в мельчайших деталях скопировано рукой неведомого римского художника. Надпись на клейме гласила «Charantais Portugal 1997».

— Кошмар! — простонал Фишер и перевел взгляд на приложенный к фотографии перевод нескольких строк лучше всего сохранившегося текста.

«... эти необыкновенные люди оставили мне величайшую из тайн, которую я, верно, унесу с собой в могилу... волшебный механизм, способный превратить воду в огонь, приносящий наслаждение и разливающийся по телу...»

Директор музея скомкал листок и фотографии в плотный комок, и, воровато озираясь по сторонам, заторопился в свой кабинет.

Загородная вилла Луция Корнелия Суллы. 78 год до нашей эры Варфоломей

Сулла пил не спеша, и после нескольких стаканчиков виски почти не опьянел — только стал совсем бледным, что при его поразительно белой для римлянина коже выглядело довольно-таки жутковато. На щеках Луция Корнелия проступили красные пятна, кожа еще сильнее обтянула резкие скулы. Глаза горели ледяным пламенем, настойчиво впиваясь в собеседников взглядом. Но сам Сулла был страшно доволен и смеялся без умолку.

— А-ах, что за славный вечерок! — и бывший диктатор сыпанул парой отборных, грубых, как заскорузная калига солдатских ругательств. Мануанус Инферналис, с любопытством наблюдавший за нашей попойкой, едва не сверзился с каменной полки и начал беззвучно шевелить губами, дергать щетинистым хоботом и пучить глаза, пытаясь повторить цветистые латинские обороты.

Сулла расслабленно откинулся к стене, сжимая опустевший стаканчик. Потом его осенило.

— Авл Мурий! Вар Квинтилий! Во имя Юпитера Статора, какого... — тут почтенный квирит смачно выговорил словечко, которое так любили писать на римских стенах местные хулиганы, — мы просиживаем задницы посреди субуранских прелестей? Отправимся ко мне на виллу, друзья! Там есть все, что душе угодно, а если чего-то вдруг не найдется — так я велю послать за этим!

Мы переглянулись. Фараон хотел было возразить, но Сулла, чуть покачнувшись, выпрямился и помахал у него перед носом костлявым пальцем с тяжелой золотой печаткой.

— Даже не думай возражать, — чутко произнес он, прищурившись. В голосе римлянина прорезались командирские нотки. — Знаешь, мало кто может похвастаться, что по своей воле побывал на вилле Луция Корнелия Суллы...

— Феликса... — буркнул валлиец.

— Феликса, — серьезно кивнул бывший диктатор. — Я верю в свою счастливую звезду, Авл Мурий. Венера и Фортуна никогда не оставляли меня, они были рядом со мной всю жизнь, и даже сейчас приглядывают за своим любимчиком. Или ты хочешь поспорить, что я

просто случайно остановился у двери этой каупоны?

— Нет, — Фараон покачал головой. — Ты действительно необыкновенный человек, Луций Корнелий, и мы с Варом принимаем твое предложение со всей радостью. Позволь только кое-что с собой прихватить!

Сулла усмехнулся.

— Еще твоего волшебного огня в воде?

— Почему бы и нет?

— Но откуда ты его берешь?

Фараон почесал в затылке, потом поманил Суллу за собой. Заинтригованный квирит шагнул к нему, и оба встали на пороге задней комнаты. Я молча наблюдал за ними, прикидывая, как побыстрее потушить огонь в плите. Не хотелось стать причиной пожара в инсуле. Впрочем, я был уверен, что «Дубовый Лист» сумеет защитить себя в любом облике.

— Что это? — Сулла наконец-то увидел сердце нашего паба. Медный перегонный куб, созданный по типу аламбика. Начищенная медь ярко блестела, притягивая взгляды. Насколько помню, Фараон лично заказал его в Португалии — во всяком случае, что-то такое он мне рассказывал.

— Вот так это и делается, Луций Корнелий, — развел руками мой компаньон и пустился в путаные объяснения. Надо отдать римлянину должное — Сулла схватывал на лету.

— Ага, — глубокомысленно сказал он. — Значит, обычный ячмень? Невероятно, клянусь бородой Геркулеса!

— Ну, не все так просто... — и Фараон продолжил растолковывать суть метода превращения солода в «жидкий огонь».

— Так мы отправляемся на виллу? — мне все-таки удалось залить пламя, и я решил напомнить о себе.

— Сейчасждемся Евтерпия с парой лектик, — заржал Сулла жизнерадостно, — я отправил его, чтобы он пнул несколько ленивых задниц носильщиков на ближайшей бирже. Так нам не придется бить сандалии по этим вонючим лужам! Ты извини, Авл Мурий, но пешком по Субуре ходят только отчаянные пьянчуги или голытьба. Я из первых, но после твоего угощения, боюсь, рискую пропахать мостовую носом!

Я удивился — ведь только сейчас заметил, что вольноотпущенник и впрямь будто испарился, совершенно незаметно улизнув из «Дубового Листа», пока мы пропускали по очередному стаканчику.

— Я думал, нынче носилками пользуются только матроны, — удивился Фараон.

— И покойники! — на Суллу напала смешливость, и он корчил страшные рожи, чтобы с ней справиться. — Не беспокойся, Авл Мурий, нас еще пока не понесут на погребальный костер, ограничимся пьяным весельем!

Валлиец со вздохом сделал отвращающий зло жест, чем довел Луция Корнелия практически до истерики. Наконец римлянин отсмеялся, стуча кулаком по беленой стене, и вытер набежавшие слезы. За дверью каупоны что-то тяжело загремело и стукнулось оземь, послышались приглушенные голоса.

— А вот и Евтерпий, — прислушавшись, уверенно объявил Сулла. Дверь открылась, и внутрь шагнул вольноотпущенник.

— Все готово, господин, — сказал он бесстрастно.

— Отправляемся!

— Погодите! — мне вдруг пришла в голову очень своевременная мысль.

— Ну что еще, Вар? — недовольно окликнул меня Сулла.

— Порядок должен быть! Район-то беспокойный, — я выразительно поднял брови. Луций Корнелий понимающе кивнул.

— Да уж... Я помню, как здесь из каждого окна летела черепица — прямо по шлемам моих ребят, — мрачно согласился он. — Эй, там! Ждите, сколько понадобится, ясно?

Я соскочил с лектики и вбежал в «Дубовый Лист». Пинком затворил за собой дверь — только лишних глаз мне здесь не хватало.

— Мануанус!

— Туть, — с протяжным зевком отозвался наш домашний монстр.

— Остаешься за главного, понял?

Щетинистая тварь после моих слов приосанилась и даже как-то увеличилась в размерах. Инферналис выпятил ребристую грудь и принялся важно расхаживать по стойке.

— Не задавайся, — погрозил я ему пальцем. — И следи за...

Тут я задумался.

— Ну, за мелким... За этим...

Елки-палки, да почему мы до сих пор не придумали котенку имя? Только сейчас я понял, что с тех самых пор, когда я спас эту черную мохнатую пакость с тонущего «Титаника», мы так и не догадались подумать хоть о каком-нибудь кошачьем прозвище. Вечно только «эй, куда полез!» «ну-ка, мелочь, айда жрать!» и «брысь, блин!»

— Короче! Следи за котом, пока мы не вернемся!

— Пьянь, — неодобрительно сказал Мануанус и начал демонстративно взбивать тряпки в своем гнезде, чтобы устроиться со всеми удобствами.

В это время из задней комнаты вышел черный котенок. И сказал громко:

— Мьяаау!

Мануанус Инферналис кубарем скатился с полки, подбежал к шерстяному взъерошенному комку и принялся неумело гладить его когтистой лапой.

— Есть! — приговаривал он ласково. В исполнении древнего чудовища библейских времен это звучало довольно странно. — Кусь мясо! Кусь корьмя! Коть толсть!

Котенок урчал и выгибал спинку. Мануанус подтолкнул его к миске с кормом и злобно уставился на меня.

— Смотреть! Стеречь!

Вот теперь все было в порядке. Я вышел из двери на улицу, услышал стук падающего в свои петли засова и пошел к лектике.

И все-таки какая-то непонятная мысль не давала мне покоя. Словно бы я что-то забыл. Но что?

Вар и Фараон

Лектика оказалась довольно удобным средством перемещения — хотя приятели никак не могли свыкнуться с мыслью, что по ночным улицам Рима их несут живые люди в сопровождении вооруженной охраны. Три шестерки кряжистых лектикариев (Евтерпий трусил рядом с носилками Суллы) с легкостью миновали Субуру, потом быстрым шагом пересекли более приличные места, и, наконец, окунулись в ночную тень за границами города.

Здесь почему-то было теплее, чем в низинах Субуры, и Варфоломей сам не заметил, как задремал под шелест ночного ветерка, облокотившись на жесткую подушку под мерное

раскачивание лектики. Он очнулся от дремы только тогда, когда раздался стук в высокие крепкие ворота.

— Открывай, Евн! Луций Корнелий Сулла Счастливым вернулся!

Ворота распахнулись с необычайной быстротой, и три лектики вплыли в атрий виллы, остановившись у бассейна-имплювия. Домашняя челядь, выстроившись в два ряда возле шкафа с имаго — восковыми масками предков, почтительно кланялась, а дородный вилик, смотритель и управляющий виллой, подбежал к лектике Суллы, тряся подбородком и размахивая табличкой с какими-то записями.

— Блистательный Луций Корнелий...

— Да оставь ты это, Батий, — лениво отозвался тот, опуская ноги в сандалиях на мозаичный пол, — мы же не на сцене. Все спокойно?

— Да, Луций Корнелий! Как ты и приказал, сегодня всем актерам, музыкантам и танцовщицам было велено удалиться!

— Какое счастье, о боги! — Сулла закатил глаза к ночному небу, россыпью ярких южных звезд нависающему над световым колодцем атриума. — Значит, хотя бы этой ночью мне не придется слушать крики вцепившихся друг другу в волосы лицедеев и их разборки по самому ничтожному поводу. «Я лучше декламирую Плавта! — Нет, я! — Зато мне отлично удаются комедии Теренция!» — передразнил он кого-то и с наслаждением повел затекшими плечами. — К Эребу всех этих кривляк! Особенно этого... как его... — Сулла пощелкал пальцами. — Евтерпий, помоги мне! Как звали этого наглого поэтишку, совсем еще юнца, который на днях поддался на подначки девок, перепил и блевал в триклинии прямо на свитки со своими стишатами?

— Децим Лаберий, — невозмутимо отозвался вольноотпущенник.

— Вот-вот. Мелкий гнусный зубоскал. И плевать на него. Сегодня пьем по-мужски, друзья, устроим настоящий симпосий!

Вар содрогнулся, вспоминая все, что читал когда-то о римских традициях и суровых пьянках. Потом взял себя в руки и содрогнулся второй раз, припомнив свои армейские гулянки. Да, здесь опозориться и ударить в грязь лицом было никак нельзя.

— Не поймут, — сказал он вслух.

— Кто? — не понял его Фараон.

— Соберись, друг, — трагически шепнул ему на ухо повар, — сегодня мы главные гости на этом празднике жизни.

Валлиец издал придушенное мычание, и тут же осекся под насмешливым взглядом Луция Корнелия, который, похоже, прекрасно понял, о чем перешептываются приятели.

— Достойные квириты! — вкрадчиво и с еле сдерживаемым весельем обратился к ним бывший диктатор. — По вашим лицам похоже, будто вас притащили на арену, чтобы кинуть нубийским львам, никак иначе...

— Нет, Луций Корнелий, — усмехнулся в ответ Вар. — Пока у нас с собой в достатке этого... — он демонстративно похлопал по огромному мешку, в котором мелодично прозвенели бутылки, — ... я думаю, нас ничто не может утратить!

— Речь, достойная Александра Великого, — одобрил Сулла. — Вот и поглядим. Но сперва — смоем с себя городскую пыль! Субуранский навоз — не то, что я хотел бы таскать на своих подошвах и нюхать на коже. Вода, горячая вода, друзья... Вот что я называю торжеством римской цивилизации!

Фараон

Да, вилла у первого диктатора Рима была что надо. И он, похоже, это отлично понимал. Когда я, приглаживая мокрые после бассейна волосы и пытаюсь отмахнуться от раба, так и норовившего умастить меня каким-то ужасно пахучим маслом, устраивался на лежанке в саду, Луций Корнелий то и дело поглядывал на меня, пытаюсь понять, что я думаю.

— Не взыщите, — скривился Сулла, обводя рукой ночной сад, теряющийся в тенях. Где-то в темноте шумел водопад, и перекликались птицы, которые в сумерках чувствуют себя куда увереннее, чем на свету.

— В смысле? — не понял Вар, с восторгом разглядывающий кусты роз, пальмы и посыпанные песком дорожки, освещенные факелами, вставленными в изящные бронзовые держатели. Тут и там в чашах полыхало масло, делая освещение еще ярче.

— Эта вилла не очень большая, но мне хватает, — пояснил римлянин. — Видели бы вы ту, что в Кумах... Но добираться туда долго, успеем протрезветь, а оно нам надо?

— Ты называешь это «небольшой виллой», Луций Корнелий? — скептически спросил я, выставляя на стол, украшенный костяной инкрустацией, первую пару бутылок. На сей раз мне попался неплохой десятилетка, Bruichladdich Port Charlotte, а в придачу к нему — 21-летний Mortlach. Честное слово, лотерея какая-то: не знаешь, какой скотч будет следующим. Сулла заинтересованно потянулся к бутылке и долго рассматривал белую, без рисунка этикетку «Мортлака».

— Мне незнаком этот язык, — медленно сказал он. — Хотя буквы я узнаю.

— Какая разница, Счастливый? — брякнул Вар без всякой дипломатичности. Он уже успел устроиться около стола и тянулся к большой кисти винограда с крупными, янтарно-прозрачными ягодами на ней. Холодный взгляд Суллы заставил его замереть.

— Ты — демон? — без околичностей спросил экс-диктатор. На самом деле, он произнес что-то более витиеватое, но некая сила, встроенная стараниями «Дубового Листа» нам в головы, перевела это с латыни, добавив более привычное для нашего времени значение.

— Нет, — опешил Вар. — Разве похож?

— Не похож, — успокоил его Сулла. — Я видел демонов. Один явился мне тем же долгим и кровавым днем, в который мои легионеры штурмовали Афины. Весь этот день слился в одно бесконечное месиво из крови, скрежета железа и звона канатов баллист... Знаешь, когда канат недотянут, он звучит глухо и коротко, немного скрипуче, как будто жалуется. А если перетянут, то проверять его нужно осторожно, иначе рискуешь остаться без головы — чуть сильнее стукнул палкой, как это делают центурионы, и канат может порваться. Неосторожные баллистарии долго не живут.

Он протянул мне серебряный кубок.

— Лей прямо сюда, Авл Мурий. Не жалея своего жидкого огня!

Я послушно плеснул в блестящую глубину сосуда щедрую порцию «Мортлака». Луций Корнелий продолжал:

— Долгий, очень долгий, жаркий и кровавый день. Пыль столбом. Штурм за штурмом. Все будто обезумели, даже самые робкие из моих ребят бросались на стены, не глядя на стрелы и пращные снаряды. Хренова эллинская жарница душила нас, висела сверху, как толстый шерстяной плащ. И в тот самый момент, когда одна когорта все-таки сумела пробиться в город — я увидел демона. Он стоял на стене и смотрел прямо мне в лицо своими глазами, в которых пылало пламя. Потом он показал на меня когтистой рукой и прокричал: «Запомни этот день, Сулла Феликс! Афины пали, это ты уничтожил

тысячелетний город!»

Он поднес ко рту кубок, потянул носом, прижмурился и сделал глоток.

— Ах-х! — выдохнул римлянин, потирая грудь. — Словно расплавленное золото льют в глотку... хотя нет, это куда как приятнее.

— А демон? — спросил Вар.

— Демон? — удивился Сулла. — Ах да... Ну, он показал на меня рукой... я уже говорил? Показал, крикнул и пропал. Типичный гречишка, все они такие — горазды красиво болтать, а как дело доходит до драки, ищи ветра в поле.

Он рассмеялся, продолжая внимательно разглядывать этикетку на бутылке.

— Так почему же ты спросил, демон ли я? — повар не унимался. «Никакой тактичности у этой молодежи», — со вздохом подумал я. Однако Сулла, казалось, был доволен вопросом.

— Потому что я знаю, что этот ваш огонь в стекле — не из нашего мира, — пояснил он, похихатывая. — И вы сами — не квиристы, пусть даже тебя, Авл Мурий, зовут именно так, и ты поклянешься мне всеми подземными богами, что родился в Субуре, или в Остии, да хоть в хижине Ромула! Никто здесь не умеет делать ничего подобного, ни один человек на моей памяти не растворил огонь в воде так, чтобы его можно было пить. А еще — нет-нет, не отрицайте! — вы не испытываете передо мной никакой неловкости, страха и не выпрашиваете никаких благ. Будто не знаете, кто такой Луций Сулла...

Я неопределенно пожал плечами. Спорить с таким человеком было опасно. Да и не хотелось мне, если честно, спорить, отрицая очевидное. Ведь кто-кто, а уж Сулла дураком не был.

— Сулла — это ты, — сказал я. — Уж прости, Луций Корнелий, но я повидал в жизни много всякого, и ты вовсе не самый плохой собеседник такой замечательной ночью.

Римлянин махнул рукой.

— Экая важность! Не за что извиняться, пустое это все... Будь вы хоть посланники неведомых варварских богов, в Риме всем рады. Для меня главное, что вы принесли мне долгожданный отдых от всех этих... — он с презрением обвел костлявой рукой сад, освещенный светильниками, — прихлебателей. Они как блохи. Вопьются, и будут сосать кровь и деньги, пока не вытянут у тебя последний асс! Ладно, Евтерпий, ладно, хоть ты-то не обижайся. Ты точно не блоха.

Мы налили еще по одной, выпили, и тут Вар выругался себе под нос.

— Что? — я посмотрел на него, в то время как Сулла сосредоточенно копался руками в огромном блюде с закуской, выбирая кусок сыра попривлекательнее.

— Ключи! — простонал повар и шлепнул себя ладонью по лбу. — Вот я остолоп! Я забыл ключи от «Дубового Листа»!

Я оторопел.

— А что, у нас были ключи?

— Но ведь как-то ты закрывал двери? — ошеломленно посмотрел на меня приятель. Я честно попытался припомнить что-то подобное.

— Нет. Не закрывал. Обычно в пабе всегда кто-то был. Ты, или я.

— Ключи висят у двери, за доской, на которой теперь нарисован какой-то пучок лука, если я не ошибаюсь.

— Кажется, я припоминаю...

— Ты же понимаешь, — спросил меня Вар медленно, — что ключи — это символ. Якорь, если тебе угодно. Нечто такое, что связывает нас с «Дубовым Листом». А теперь их

нет. Я переодевался, бросил сумку на кровать, и... похоже, ключи до сих пор там.

— И Мануанус.

— И кот!

— Вот же черт...

Некоторое время мы молчали. Тишину прервал Сулла.

— Друзья мои, вы что — языки проглотили?

— Нет, Луций Корнелий, — спокойно ответил Вар, — просто люблю твоем садом.

— Да, тут много всего... У меня во-он там, — бывший диктатор чуть покачнулся и равнодушно показал куда-то себе за плечо, — есть редкое растение, которое мне привезли из восточных стран. Говорят, оно дает шелк. Не знаю. Не проверял. Зачем мне шелк?

— За это надо выпить! — решительно сказал я.

— Точно! — поддержал меня повар и зачем-то погладил ладонью свою бритую голову.

— Выпьем же! — провозгласил наш гостеприимный хозяин, и виски ухнул в его луженый желудок, как простая вода.

Варфоломей

Сулла оказался прекрасным рассказчиком. Он мастерски изображал другого человека, даже ухитрялся менять голос. Видно было, что этот, немолодой уже и изглоданный болезнью человек истосковался по общению с кем-то, кто не видел в нем грозного диктатора, не так давно залившего кровью Рим. Хотя, о чем я говорю? — внешность всегда обманчива.

Помнится, мне как-то пришлось, хоть и недолго, знаться с одним старым воровским «авторитетом». Это был совсем сухонький, тощий, как доска, выдубленный всеми ветрами старичок, который за свою жизнь провел на воле хорошо если лет пятнадцать. Все остальное время он исправно посещал суровые и негостеприимные окраины нашей необъятной страны, где его держали в разных помещениях, предназначенных для того, чтобы человеку там максимально не нравилось.

На старости лет авторитет решил, что с него хватит, северный климат вреден для организма, артрит и ревматизм тоже не самые приятные спутники... Братва на воле быстренько организовала уважаемому соратнику дачу, и стала навещать его, чтобы «порешать вопросы». Дача эта, по стечению обстоятельств, оказалась по соседству с дачей покойного деда одного моего приятеля. Дед был генералом, и обустроился на садовом участке весьма прилично. Только-только дембельнувшись, я проводил там замечательные летние деньки. Пару раз помог соседу-старика — спилил дерево, которое ураган повалил прямо на крышу беседки, починил антенну, которая не ловила «Рен-ТВ», да невзначай поразил деда умением готовить стейки на углях. После чего удостоился приглашения выпить чайку покрепче, «чтобы доньшка в кружке видно не было». Так и повелось — я приезжал из города (приятель отдал мне ключи со словами «Сам таскайся в такую даль!»), осматривал свои невольные владения, а потом шел к соседней кованой калитке и нажимал неприметную кнопку звонка, спрятанную под приваренным к столбу уголком.

На разговоры сосед был скуп, в речах предельно сдержан и вежлив, и ни одного матерного слова за все время нашего знакомства я от него не слышал. Гости к нему порой приезжали такие — не дай бог увидеть эти рожи во сне, проснешься в холодном поту. Стояли перед ним в дорогих кожанках, уважительно склонив головы — и послушно кивали, не зная, куда деть руки. А он, в штопаной телогрейке, под которой была неизменная клетчатая фланелевая рубашка, негромко им что-то выговаривал. В эти моменты я, понятное

дело, под руку не лез, любовался картиной издали. Тогда и понял, с кем чай распиваю.

Вот Сулла-то как раз и напомнил мне моего соседа — будто одно лицо, хотя совершенно разные люди. Этот говорливый, из того слова не вытянешь. И только иногда, когда из-под крепко сидящей маски радушного хозяина и балагура нет-нет, да и выглядывало истинное лицо, и взгляд пронизывал тебя до самого доньшка — мне становилось совершенно, кристально ясно, что порода у этих двоих, не подозревавших о существовании друг друга, была одна и та же.

— Задумался, Вар? — благодушно спросил меня Сулла, застигнув врасплох. — На мою рабыню поглядываешь? Есть, что помять, девчонка гладкая, не отнять. Мне привезли ее откуда-то с юга, но на египтянку не похожа, хоть и чернявая. Продавец плел что-то про то, что она, мол, дочь правителя племени. Может и дочь, кто их знает, этих южан...

— Э-э... — проямлил я озадаченно. — Поглядываю? Я? На которую? А, вон на ту? Да. Ничего себе такая...

— А то забирай, — предложил экс-диктатор, и Фараон, как раз смаковавший глоток виски, поперхнулся и зашелся придуренным перханьем, а глаза у него медленно полезли на лоб. — Да не стесняйся ты! Кто их считает, рабынь? А уж мне теперь и подавно не до любовных скачек — предпочитаю вино.

Он сухо рассмеялся, а я в это время лихорадочно придумывал варианты вежливого отказа. В голову ничего не лезло.

— Забирай, забирай! — подначивал меня Луций Корнелий. — Не знаю, как там у вас принято, а мы, римляне, народ не скупой! Вы сделали мне поистине царский подарок, так мне ли, Сулле Счастливому, жаться с ответным?

Черноволосая рабыня и впрямь была хороша. Тонкое лицо, огромные темные глазищи, талия, которую можно было обхватить двумя моими ладонями. Наряд у нее тоже был весьма откровенный: сразу видно, рабыня эта — предмет дорогой и для домашнего пользования, на улицу в таком прозрачном платье, пусть и богато расшитым стеклярусом, не выйдешь. А если выйдешь, то далеко не уйдешь.

Я пялился на нее, а девчонка беззастенчиво разглядывала меня своими глазищами. И в голову начали уже крадываться какие-то неправильные мысли: а может, и впрямь? опять же, в пабе официантка не помешает... подучит язык, а там, глядишь...

Что «глядишь», я додумать не успел, потому что всю левую часть груди мне словно окатили крутым кипятком, да так, что я, не сдержавшись, взвыл, схватившись рукой за больное место. Сулла вздрогнул от неожиданности, а Фараон встревоженно подскочил со своей лежанки.

— Вар? Что такое?

— ...! Твою мать! — я выдал поток шикарных ругательств на самой плебейской латыни, и, уже никого не стесняясь, ужом выполз из туники, ухитрившись при этом винтом стянуть ее через широченный ворот на пояс. Скосил глаза, пытаюсь разобраться, что там такое творится.

Луций Корнелий Сулла тихо присвистнул сквозь сжатые зубы, его взгляд заострился, зрачки сузились, как булабочные головки — точно хищного зверя потревожили ярким светом. Он, не глядя, протянул руку к бутылке виски, точным движением выкрутил пробку и плеснул себе в кубок. Длинным глотком влил в себя благородный напиток, выдохнул. Отсалютовал мне зажатым в руке кубком, точно легионер.

— Приношу свои извинения, Вар Квинтилий, — медленно и очень серьезно сказал

он. — Я, пожалуй, подарю тебе что-нибудь другое. Например, лучший меч из моего собрания оружия. Или нет... пусть это будет редчайший кубок из камня, распознающего любой яд. Если хочешь, забирай даже «Илиаду», которую я держу в шкатулке у изголовья. Брысь! — рывкнул он на черноволосую рабыню, которая побледнела и тут же словно испарилась. — Да-а... Я и не предполагал, что у тебя есть настолько могущественная... и настолько прекрасная покровительница. Не стоит гневить ее, вызывая ненужную ревность.

Я вздохнул. Потом взял со стола бронзовое зеркало, сунул его в чашу с водой, вытащил и посмотрел в мокрое отражение.

Катрина выглядела неприветливой. Да что там, она выглядела чертовски злой. Татуировка изменилась, и теперь девушка на ней улыбалась, обнажая в этой улыбке острые и весьма опасные клыки. В ее глазах тлели маленькие багровые искорки. Изумительная детализация. А еще от татуировки шел пар, будто на нее только что вылили кастрюльку с кипящей водой. Болело, кстати, примерно так же.

Валлиец подпер щеку кулаком и сочувственно глядел на меня.

— Ничего, — сказал я. — Пройдет. Уже никто никого никому не дарит, правда? Вот и хорошо. Давайте лучше выпьем.

Выпили.

— Луций Корнелий, — сказал я, поставив кубок. — Прими наши извинения, достойнейший хозяин, но мы должны безотлагательно отлучиться к себе.

— Понимаю, — Сулла безмятежно развел руками. Он вновь был невозмутим и обаятелен, воплощение хмельного радушия. — Никаких объяснений не нужно, Вар Квинтилий. Но завтра я жду вас снова! И не отказывайтесь, нам нужно о многом поговорить...

Обратный путь я проделал в той же лектике. Грудь уже почти не болела, но для верности я прихватил с собой бутылку из запасов Фараона, и то и дело к ней прикладывался. Это был неведомый мне Fettercairn 30-летней выдержки, наверняка стоивший, как небольшой паровоз. Но мне было все равно. Кстати, татуировка изменилась снова — насколько я мог судить, она стала той самой, вполне обычной, никакого намека на злость, просто мастерски выполненный рисунок.

— Чего она от меня хочет? — устало спросил я у лектикария. Тот покосился на меня и не ответил — ну еще бы.

— Подарок ей вынь, да положи, — пробормотал я, отхлебывая из бутылки. — Найди неведомо где... Вот подарю ей пучок лазерпиция, будет знать!

В грудь тоненько стрельнуло болью, точно укусом электричества от батарейки.

— Ладно, ладно, — тут же пошел я на попятную. — Не подарю! Лазерпиций мне самому пригодится в хозяйстве.

Я погрузился в мрачные мысли, и не сразу заметил, когда лектика дернулась и остановилась. Очнулся только от того, что бледный и очень серьезный Фараон отдернул занавеску лектики и хлопнул меня по ноге.

— Вар, дружище, — сказал он тоном, от которого у меня неприятно заныло в животе, — у нас проблемы.

— Большие? — глупо спросил я.

— Сам посмотри, — валлиец ткнул большим пальцем себе за плечо.

Я посмотрел. Проблемы были очень большие.

Мы стояли в переулке, у той самой стены, где еще недавно, под светильниками,

располагалась дверь нашей каупоны. Стена была на месте. Даже лавочка, на которой коротал дни наш бессловесный караульный, никуда не делась.

А «Дубового Листа» не было.

Глава 13. Гостеприимство Суллы

Загородная вилла Луция Корнелия Суллы. 78 год до нашей эры

Варфоломей

Наше возвращение на виллу Суллы Счастливого было совсем не таким веселым, как полупьяное прибытие в первый раз.

Я ехал в лектике, и мысли в голове метались, как стая рыбок гуппи в аквариуме, который хорошенько встряхнули. Что случилось? Где «Дубовый Лист»? Какого черта все это значит? Почему? Раньше наш паб таких номеров не откалывал. На Аляске... ну, тогда мы просто застряли вместе с заведением. Полный набор «прелестей»: холод, не самая лучшая публика, необходимость приспосабливаться к суровой реальности времен «золотой лихорадки». Отсутствие моего любимого сайта с аниме-сериалами — что ж, все это было неприятно. Но ведь, как говорится, дома и стены помогают. А дом у нас был: в стенах «Дубового Листа» мы оба чувствовали себя под защитой.

И вот теперь эта защита сбежала в неизвестном направлении, помахав нам вывеской. Что делать дальше — совершенно непонятно.

В соседней лектике сидел такой же мрачный Фараон, который еще и ругался сквозь зубы по-валлийски, поминая на этом заковыристом языке всех святых и чертей вперемешку. Перед тем, как мы отправились в обратный невеселый путь, мой приятель свистнул, и к нему подбежал какой-то невзрачный оборванец — видимо, из местных, с рожей прожженного мошенника и носом, по которому можно было, даже не являясь Шерлоком Холмсом, определить, что регулярно выпивать горячительные напитки данный гражданин любит, умеет, практикует. При этом держался мужичонка с таким достоинством, точно был правнуком самого Ромула, не меньше, и все вокруг ему должны.

— Видел? — лаконично спросил валлиец, ткнув пальцем в стену. Оборванец, вытаращив глаза, кивнул и сделал пальцами «рога», отвращающие зло.

— В точности, — просипел он простуженно. — Сначала было. И бычара этот у входа сидел, как обычно. Я только было собрался заскочить, хлопнуть парой ассов об стойку... А тут — раз! — и ничего! Только стена маревом пошла, как будто в жару. И — клянусь приаповой елдой! — как овца языком слизнула! Я как увидел: ну все, думаю, Спурий Руга, допился ты до того, что мерещится тебе... Потом хватаю своего соседа, ну, сандальщика Мутия, ты ж его знаешь, он тебе чинил обувку при мне... Хватаю Мутия, волоку его и спрашиваю — что видишь? А он мне шепчет: «Ой, беда, Спурий, это, должно быть, боги наказали Авла Мурия!» «За что, — говорю, — наказали, дурья башка? За то, что вино всякой дрянью не разбавлял и смолы не пихал в него?» А он...

— Я понял, Спурий, — похлопал его по плечу мой компаньон. — Ты вот что. Хочешь заработать пару полновесных денариев?

— А? — Спурий на секунду потерял дар речи. — Денариев? Это ж деньжищи какие. Что надо-то, Авл Мурий? Тока ты это... я на мокрое дело не пойду, слабость у меня, вида крови не переносу.

— Да что ты такое говоришь? — невесело посмеялся Фараон. — Чтобы я честному квириту что-то такое предложил? Нет, всего-то и попрошу у тебя, чтобы ты глядел в оба за этим переулком. И как только увидишь, что все вернулось на свое место — а оно вернется, Спурий, вот чую я нутром! — так сразу чтобы известил меня. Денарий сейчас получишь, а

второй — потом, как только я добрую весть узнаю. По рукам?

— А то! — красноносый Спурий Руга закивал так, что я побоялся за крепость его тонкой шеи. — Своих щенков пошлю, чтобы смотрели, все равно носятся тут целыми днями! И сам буду как стоглазый Аргус!

— Ты только не пропей денарий-то сразу, Аргус, — ласково попросил валлиец. — А то второй получит кто-то другой.

Спурий Руга оскорбленно засопел и поклялся кладбищенскими божествами, что будет трезв, как родниковая вода. Хлопнули по рукам, и на том расстались. Фараон поймал мой унылый взгляд и пожал плечами.

— Не может быть, чтобы вот так все закончилось, — бодро сказал он, и полез в носилки.

— Ладно, — вслух сказал я, чтобы успокоить самого себя. — Проблемы будем решать по мере их поступления. Вот сейчас они поступили. Что мы имеем в активе?

Носильщики-лектикарии не обращали на мой бубнеж никакого внимания. Им вообще, похоже, было на все наплевать. Ну подумаешь — увозили клиентов из нормального кабака, привезли к сбежавшему. Эка невидаль. Рим и не такое видел.

Я вздохнул, и, мерно раскачиваясь на подушках, продолжил:

— В активе — два моих любимых ножа, — тут я невольно потянулся к ножам под одеждой и погладил рукоятки сантоку, — то есть, безотказный рабочий инструмент при мне. И не только рабочий... Смена одежды в сумке, мешочек монет на шее. Пара бутылок виски. Опять же, я успел побриться, и, кажется, мой станок тоже в сумке... Отлично, пока что обойдемся без щетины.

Теперь про пассив. В пассиве, конечно же, «Дубовый Лист». Где и в каких необозримых просторах пространства-времени теперь болтается беглый кабак, я даже представить себе не мог. И все-таки где-то внутри, в душе у меня теплилось такое же, как у моего приятеля ощущение — скорее даже, надежда, — что это еще совсем не конец.

— Подождем, — резюмировал я и пожал плечами. А какие у нас варианты? Тут ведь как: не можешь ничего изменить? Просто постарайся получить удовольствие от сложившейся ситуации.

Хорошее настроение не возвращалось, но сменилось чем-то более-менее приемлемым. Уже не хотелось взвыть в голос и устроить мордобой в пределах досягаемости. Руки и ноги были на месте, а со своими ножами и точильным камнем я точно не пропаду. «Мы не пропадем», — мысленно поправился я, вспомнив про моего компаньона. Я вздохнул, потом медленно, вспоминая уроки японской дыхательной гимнастики, выдохнул сквозь зубы.

— Переживем. Кстати, это не твоих ли рук дело, дорогая Катрина? — буркнул я, покосившись на скрытую под туникой татуировку. Рисунок на мгновение стал горячим, но это ощущение так же быстро прошло, сменившись легким покалыванием.

— Интересно, это «да» или «нет»? — проворчал я. Никакого ответа не последовало. Носилки дернулись и замерли неподвижно, а потом опустились на землю. Шарканье сандалий прекратилось.

— Вилла Луция Корнелия Суллы! — доложил один из лектикариев.

— Вы не ждали нас, а мы приперлись... — хмыкнул я, откидывая занавеску.

Фараон и Вар

Сулла Счастливый встретил двоих приятелей у ворот виллы, распахнутых настежь. Факелы в руках бывшего диктатора и вольноотпущенника Евтерпия бросали колеблющиеся

ответы на бронзовые полированные заклепки в массивных досках ворот, пламя металось на теплом ветру. Сулла был невозмутим, точно ничего особенного не случилось. Гости, спешно откланявшиеся, вернулись? С кем не бывает. Вар с удивлением отметил, что Луций Корнелий снова выглядел абсолютно трезвым, и даже красные пятна со щек пропали без следа.

— Что я вижу? Боги благоволят ко мне, они вняли моим мольбам! — чуть склонившись в утрированно-шутковском поклоне, воскликнул Сулла. — Я даже еще не приказывал убрать со стола, хотя там и убирать-то после вас особо нечего... Однако же, друзья, не обессудьте, — я, кажется, что-то такое нынче уже говорил? — не обессудьте за скромность моей виллы и отсутствие разносолов. Слуг-то я отпустил вместе с толпой нахлебников.

Бывший повар ухмыльнулся в ответ. Фараон удивленно покосился на него, а Вар развел руками.

— Так случилось, о Счастливый, что боги временно, — он особо подчеркнул голосом это самое «временно», — лишили нас жилья. Не приютишь ли ты нас еще на какое-то время? Обещаю, мы тебя не стесним.

Сулла расхохотался, и его резкий смех эхом прокатился по пустынной дороге.

— Стесните? Да тут когорта можно разместить, никто даже не заметит! И к тому же — когда еще боги дадут мне таких отличных собутыльников? Пить одному надоедает.

Фараон тяжело вздохнул и помотал головой, точно лошадь после тяжелого перехода. В глазах Суллы мелькнули насмешливые искорки — или это только показалось в неверном свете факелов.

— Проходите, друзья! — он махнул рукой, и за спиной лязгнули, закрываясь, створки ворот.

Усевшись за стол, римлянин сокрушенно оглядел пустые блюда и груды костей.

— Жрать нечего, — совершенно по-простецки он почесал затылок и растерянно пожал плечами, — похоже, придется отправить Евтерпия в харчевню.

— Зачем? — спросил Вар. Повар, секунду подумав о чем-то, почесал бритую голову и неуловимым движением извлек огромный сантоку, матово блеснувший дымчато-синей сталью. — Позволь, Луций Корнелий, я продемонстрирую тебе, что твои гости умеют не только пить, будто онагры в жаркий день, но и не гнушаются работать руками.

— Что ты хочешь сделать? — заинтересовался Сулла.

— Хочу кое-что приготовить... Где кухня? — спросил Вар у Евтерпия. — Будь добр, покажи-ка мне ее, уважаемый. Да не кривись ты, я не буду тебя заставлять разводить огонь в очаге! Сам справлюсь. Веди! А вы, — повар обернулся к Фараону и хозяину виллы, — наливайте по одной. Чего сидеть зря?

— Вот она, воплощенная мудрость, — усмехнулся квирит. — Никакой грек, даже из числа тех, пыльными свитками которых забиты наши книгохранилища, не сказал бы лучше. Что ж, Авл Мурий — последуем мы его совету, или так и будем сидеть с постными рожами?

Валлиец согласно кивнул, и в его руках тут же появилась полная бутылка.

— Понеслось, — проговорил Вар по-русски и отправился следом за вольноотпущенником.

Варфоломей

Кухня на вилле Суллы Феликса была самой обычной. Вообще, римляне, даже богатые, плевать хотели на такую приземленную деталь жилища. Есть что-то подобное, и ладно — рабы справятся, а свободным квиритам там, в жаре и духоте, делать нечего. Стандартная

древнеримская кухня, как правило, представляла собой тесное, полутемное помещение, освещавшееся несколькими лампами и пламенем из очага. Никакой бытовой техники, которую в наше время многие превратили в фетиш и тратят на нее уйму денег. Да что там, даже с вытяжкой проблемы. Правда, на этой кухне была проточная вода, и даже — тут я готов был пуститься в пляс — окно возле разделочного стола, прорубленное в толстой стене. Сейчас, правда, толку от него было мало, но хоть дыма меньше.

Быстро раздув огонь под решеткой жаровни, я поглядел на Евтерпия. Вольноотпущенник стоял с таким видом, точно попал куда-то в грязный притон, где едят пиявок.

— Не кисни, приятель, — ободряюще помахал я ему, — с остальным я справлюсь и без тебя. Евтерпий сделал свое дело, Евтерпий может... Короче, шагай отсюда!

Он что-то возмущенно буркнул, помялся у входа, потом развернулся и резво убрался из кухни — только накидка прощуршала. Ну-ну. Пожрать-то мы все горазды, а как дело доходит до готовки...

Да и черт с ним. Я выкинул из головы ненужные мысли и задумчиво прошелся по кухне. Так... вижу корзину с оливками, кувшин с маслом... а это что? Винный уксус, понятно. Хороший уксус. О, вот и мясо — тщательно завернутое в листья и погруженное в железный чан с холодной водой, прикрытый сверху рубленой соломой с... Эй, это что, лед, что ли?

У меня глаза полезли на лоб. Под несколькими слоями соломы и впрямь обнаружились полурастаявшие бруски льда. Я с уважением покосился на дверь кухни. Из сада до меня доносились еле слышные обрывки какого-то рассказа Суллы. Вот теперь вижу, что мужик не просто из богатых — из запредельно богатых. Лед в Рим везли издалека, и уж поверьте, это было куда покруче, чем, например, доставка свежей рыбы из Остии или Байев. Высокий риск, большие сложности — и, в итоге, заоблачная цена. Но Луций Корнелий Сулла, похоже, мог себе позволить еще и не такое.

Так. Все это, конечно, замечательно, но где же самое главное?

Мешок с отборной просеянной мукой нашелся в дальнем углу кладовой, примыкающей к кухне. Я пересыпал муку из горсти в горсть. Хорошая, и даже не ячменная, а пшеничная. Еще один плюс — из такой муки пекут хлеб для разборчивых граждан Рима. Вот и хорошо. А я сейчас сделаю кое-что другое.

Скрипнула дверь, и я оглянулся. Сулла протягивал мне стеклянный кубок со щедрой порцией... ну разумеется, виски.

— Угощайся, Вар Квинтилий. Если честно, ума не приложу, где тут что лежит, — бывший диктатор с пренебрежением обвел рукой тесное помещение. — Верить ли, даже не заглядывал сюда ни разу...

— Тебе и не нужно, Луций Корнелий, — я оторвался от теста, которое замесил, добавив в него пару яиц, найденных в корзине. Яйца оказались вполне свежими. — Кухня — место грязное, не таким, как ты, на ней горбатиться.

— Но ведь и не таким, как ты? — хмыкнул квирит. — Так почему же...?

— Потому что мне нравится, — я вытер руки чистой тряпицей, висевшей на кованом крюке возле выложенного плиткой желоба, по которому, булькая и журча, струилась вода. — И я, смею тебя заверить, неплохой повар. Пожалуй, мог бы даже заткнуть за пояс тех умельцев, что готовят в домах богатейших сенаторов. Да и в твоём доме, я думаю.

Сулла хмыкнул. Я взмахнул сантоку, и срезал длинный кусок копченого мяса с бараньей ноги, подвешенной на веревке к потолку. Бросил мясо на деревянную доску, распластал на

несколько полосок. Потом сделал длинный глоток из кубка.

Виски, как всегда, огнем прокатился по горлу и ухнул в желудок, взорвавшись там горячей бомбой. Мясо отправилось следом.

— Вижу, Фар... то есть, Авл Мурий перешел на островные сорта... — задумчиво сказал я, выдохнув. — Рекомендую, Луций Корнелий. Копченое мясо — отменная закуска для таких случаев.

Легендарного квирита не пришлось долго упрашивать, и он незамедлительно употребил свою порцию виски вслед за мной. Шумно выдохнул и зачавкал мясом.

— Угу, — с полным ртом отозвался экс-диктатор, одобрительно потрянув головой, — и верно... Но что ты все-таки делаешь, Вар Квинтилий?

— Это называется «пицца», — я назидательно воздел палец. — Вот увидишь, стоит тебе попробовать, и ты навсегда влюбишься в это произведение искусства. К сожалению, во всем Риме не найдется одного овоща, который я привык добавлять в это блюдо, но ничего, обойдемся и без него. Шинкуем мясо... и это мясо тоже... и вот этой копченой луканской колбасы сюда добавим... Ого, я вижу, здесь есть свежие грибы! Стоит похвалить твоих поставщиков, Сулла... Так, теперь смешаем соус...

Спохватившись, что запросто назвал Суллу его прозвищем, я посмотрел на него, но римлянин стоял, опираясь плечом на дверной косяк, и весело ухмылялся.

— Давай без церемоний, друг мой, — сказал он мягко и покрутил в руках опустевший кубок. — Впрочем, Вар Квинтилий, не буду тебе мешать. Вижу, ты здесь, точно полководец перед своей армией. Чувствую себя несчастным шпаком, который и в руках-то оружия не держал.

— На кухне я непобедим! — я принял важную позу и вскинул сантоку, как гладий. Сулла громко заржал и отправился восвояси, размахивая кубком и что-то напевая. А я продолжил делать пиццу, которая, по моему замыслу, должна была быть на толстом тесте. Ненавижу тонкие, почти прозрачные ломтики, которые у нас готовят сплошь и рядом во всех заведениях. Во-первых, на один укус, не успеваешь толком понять, что только что побывало у тебя во рту. А во-вторых, когда эти ломтики полежат немного, то сразу становятся похожими на чертовы сухари. Нет, пицца точно должна быть не такой.

Вилла Луция Корнелия Суллы Феликса. Сад

Когда Вар торжественно внес большую каменную доску (не найдя подходящей, он просто использовал вместо сковородки одну из сланцевых плит, на которых местные повара, видимо, иногда что-то жарили), по саду разнесся аромат свежеспеченной пиццы с копченостями. Сулла задергал носом, принюхиваясь, и невольно облизнулся так, что валлиец, как раз разливавший новую порцию виски, рассмеялся. Римлянин, прищурившись, глянул на него.

— Хорошо тебе смеяться, Авл Мурий! Для тебя, поди, такие запахи привычны с детства. А меня-то не баловали, семья наша не отличалась богатством. «Мы патриции древнего рода!» — любил повторять отец. Ну да, древнего. Вот только древность в миску не положишь... Этот запах сейчас напомнил мне пирог, который по большим праздникам стряпал повар отца... откуда-то издалека был парень, чуть ли не из Фракии. Все фракийцы скверно приспособлены к чему-нибудь, кроме доброй драки, но этот был особенный, готовил так, что пальчики оближешь, от плиты его было просто не оттащить. Отец его ценил, да. Вот только, как его звали-то... — Сулла задумался, потом сделал неопределенный жест, покрутив ладонью над головой. — Не то Руфус, не то Рудис. А может, Барбус?

Он ненадолго задумался, потом пренебрежительно фыркнул.

— Хотя, какая разница-то?

Вар небрежно пнул круглый камень, попавшийся под калигу, и несколькими взмахами ножа распластал пиццу на треугольники.

— Прошу, — он аккуратно протер сизую сталь сантоку полотенцем, и уселся на скамью. — Только осторожно, эта штука горячая.

— Пицца, — усмехнулся Сулла, и аккуратно, дуя на пальцы, потянул к себе кусок, исходящий ароматным паром.

— Кстати, ее лучше бы запивать молодым вином, — добавил повар, — поскольку то, что мы пьем сейчас, будет крепковато.

— Вином... — задумался квирит, вгрызся в сочный треугольник пиццы и зашипел сквозь набитый рот, — Все-таки обжегся! Но вкусно, Вар Квинтилий, вкусно.

Он вытер жирные губы чем-то вроде расшитой виноградными листьями салфетки, потом озадаченно крикнул.

— Точно! Я помню, недавно мне доставили фалернское. Несколько кувшинов самого отборного вина, таким не побрезговал бы даже сам Квирина.

— Думаю, — вступил в разговор валлиец, — Ромул, который потом стал богом Квирином, ни черта не понимал в хорошем вине. При жизни уж точно. В болотах, на месте которых потом построили Рим, откуда было взяться хоть одной виноградной лозе?

— И верно, — хмыкнул Луций Корнелий. — Что же они там пили-то, а? Хотя постой, постой! Помню я Галлию, там эти здоровенные ублюдки иногда варят свое пиво из такого, о чем даже на мужской пьянке рассказывать нельзя. Корешки всякие, сушеные грибы... Не-ет, мое фалернское такое, что даже первые богачи Рима могут позволить себе не больше пары кувшинов — иначе недолго и по миру пойти. Виноград для этого вина дал урожай двадцать пять лет назад! В год, когда консулом был прохвост Гай Флавий Фимбрия... и Марий с ним, уже во второй раз.

Взгляд Суллы полыхнул злостью.

— Гай Флавий и Гай Марий — та еще парочка. Помню, на следующий год после своего консулата Фимбрия попал под суд. Проворовался в пух и прах, драл взятки направо и налево, вел себя, как полный идиот. Ему повезло, оправдали...

— Так это... — нерешительно возразил Варфоломей. — Может, тогда стоит приберечь такое вино?

Сулла расхохотался.

— Зачем? Вар Квинтилий, ты меня удивляешь. Вроде бы, посланник богов, а рассуждаешь порой прямо как плебей какой-то, уж извини за прямоту. На кой мне беречь какое-то вино, пусть и стоящее на вес золота, если у меня в жизни и так осталось мало радостей?

Он разом посерьезнел, морщины прорезались глубже.

— Посмотри на меня, друг Вар, — тихо продолжил Сулла. — Парки уже примеряются к нити моей жизни, старуха Мурта наточила свои ржавые ножницы, и вот-вот щелкнет ими. Для чего беречь вино? Или — для кого? Мой сын Фавст... этот еще мал, но я уже вижу, что пошел не в меня, а в Далматику, его мать. Дочь, Фавста Корнелия... да кого вообще интересуют дочери, кроме юных хлыщей, которые будут увиваться вокруг богатой невесты? Но до невесты ей еще далеко. Так кому оставлять такое роскошное вино? Евтерпию, что ли?

Вольноотпущенник, который безмолвной тенью ошивался поодаль, обиженно кашлянул,

но под холодным взглядом Суллы тут же сделал вид, будто ничего не слышит.

— Вот, — подытожил тот. — Надо пить.

— Логично, — согласился Вар.

— Да ну их к эриниям, всех этих логиков! Вар Квинтилий, уважь старика, а? Сам я в этот винный погреб не полезу, уж больно там крутые ступени, недолго все мослы оставить на тех камнях, если невзначай поскользнусь и полечу вниз. Рабов рядом нет. А ты — крепкий. Бери фонарь и отправляйся за вином — не ошибешься, новые кувшины самые красивые. Зачем поставщик решил их раскрасить, точно тирскую шпюху перед перепихоном, я знать не знаю, да и наплевать. Бери один и тащи сюда!

Вар без лишних слов покладисто кивнул головой, потом снял с кованого, затейливой формы треножника, масляный светильник на бронзовой цепи, и отправился в направлении, куда ткнул сухой, костистый палец Суллы.

Погреб, обложенный крупными камнями, он нашел сразу же. С натугой отвалил прочь толстенную дубовую плаху двери, протянул светильник в глубокую тьму.

Сбоку, в кустах, кто-то не то хихикнул, не то ойкнул. Повар невольно собрался, отшатнулся вбок, но тут же понял — голос-то женский. И точно, это оказалась давешняя чернявая красотка-рабыня. Она испуганно попятилась назад, и Вар понял, что, сам того не осознавая, выдернул из ножен Зангецу. По лезвию пробежала цепочка отблесков от болтающегося светильника.

— Извините, господин! — пискнула рабыня совсем тихо. — Я случайно, я...

— Да ничего, — со вздохом оборвал ее путаные извинения мужчина, и зачем-то провел рукой по бритой голове. — Слушай, а где все остальные? На вилле у Луция Корнелия наверняка должно быть полно челяди. Я помню, ворота нам открывал этот, как его... Евн. И управляющего помню, Батия.

— Наш хозяин отправил всех восвояси, даже раба-привратника! А самых ненадежных рабов велел запереть в дальнем эргастуле... Я слышала, как он говорил кому-то, что ожидает двух важных гостей, про которых не нужно знать никому. Простите, господин... — глаза рабыни наполнились страхом, который грозил вот-вот хлынуть через край.

— Успокойся, — с досадой буркнул Вар, — никто тебя не съест. Иди за мной, поддержишь лампу, хорошо?

Нужные кувшины и впрямь оказалось нетрудно найти. Больше всего их раскраска напомнила Варфоломею картины примитивистов вроде Пиросмани. Коряво, но от всей души изображенные люди в тогах восседали и возлежали за столами, и поднимали к небу кубки, полные вина.

— Толково, — одобрительно просипел он, ухватив ближайший кувшин и с хэканьем взвалив на плечо. Весил тот прилично. «Литров на пятьдесят, не меньше», — подумал Вар, и стал осторожно подниматься по крутым каменным ступеням. Дотащившись до выхода и старательно отводя глаза от обтянутой туникой и довольно-таки соблазнительной попы рабыни, поднимавшейся впереди, повар мысленно вел ехидный диалог с Катриной, укоризненно спрашивая ее: зачем так блюсти целомудрие здорового мужика в полном расцвете сил?

Ответа не было, но Вар внезапно почувствовал резкий укол в грудь, точно в татуировку всадили толстую иглу. Невольно охнув, он заторопился выйти. Кувшин здорово давил на плечо, и Варфоломей с облегчением опустил его на землю, аккуратно пристроив к стене.

— Ты давай-ка, беги, — сипло сказал он рабыне, — только лампу оставь.

Та робко кивнула и неслышно исчезла в тених, а повар вдруг почувствовал непреодолимое желание отлучиться по малой нужде.

— Черт, вот не вовремя, — прошипел он, озираясь в поисках чего-нибудь, похожего на уборную. Потом плюнул и махнул рукой. — Да ладно, вон какие кусты здоровенные! Убытка точно не будет.

Недолго думая, повар продрался через густые, но аккуратно подстриженные заросли каких-то южных растений, и со вздохом облегчения поспешно задрал тунику.

Закончив свое немудреное дело, мужчина привел одежду в порядок, и уже собрался шагнуть из кустов наружу, но что-то заставило его замереть неподвижно.

«Оп-па! — Вар присел на корточки, глядя сквозь просвет в зелени. — А это что за гости понаехали?»

Через стену, ограждающую виллу, перевалился человек. Он сделал это так быстро и бесшумно, что, если бы не случайность, повар бы даже не заметил ничего подозрительного. Человек, присевший на одно колено, был одет в неприметную темную тунику, ноги замотаны тряпками, перехваченными ремнями. «Шуметь, значит, не собирался», — резюмировал Варфоломей про себя. Грубое, широкое и темное от загара лицо было настороженным. А вот и еще интересная деталь: уши незнакомца напоминали два бесформенных кочана цветной капусты. Похоже, не дурак подраться.

Вар уже приготовился аккуратно подобраться к незваному гостю, но тут дело приняло совсем нежелательный поворот. Из-за стены дома вышла давешняя рабыня — похоже, она хотела что-то спросить у Варфоломея, или напомнить, что хозяин заждался вина. Увидев чужака, она распахнула глаза до невероятной ширины, и завизжала, как пароходная сирена. Смуглый мужик мгновенно рванул из-за пояса длинный кинжал и кинулся вперед.

— Э, нет! — заорал Варфоломей во всю глотку. — Стоять, козлиная!

Он рыбкой вынырнул из кустов, перекатился по земле и вскочил, отрезав убийце (в том, что это убийца, никакого сомнения не оставалось) путь к рабыне, которая визжала так, что в ушах звенело.

— Беги! — рявкнул ей повар, но девушка, похоже, ошалела от страха, и стояла, как вкопанная. Смуглый ощерился щербатым ртом, и перекинул кинжал из руки в руку. Сделал длинный выпад в сторону Варфоломея.

— Оба-на, какие мы понторезы, — криво улыбнулся тот, и левой рукой вытянул из чехла синюю сталь Сигурэ, держа рукоять обратным хватом гяку-тэ. — Пора поработать, братишка.

Щербатая ухмылка пропала, будто стертая с лица убийцы. Он что-то гортанно взревел и бросился на Вара.

Вжих! Синяя молния блеснула и встретилась с металлом кинжала, без труда развалив его на две части. «Оката-сан меня убил бы за такое», — мелькнула мысль. Вар ударил правым кулаком, целясь в челюсть противника, ошеломленно глядящего, как несколько срубленных пальцев вместе с куском кинжала падают на траву, и тут же добавил рубящий кириаге — снизу вверх и наискосок, точно в его руке вместо сантоку был настоящий меч.

От страшного удара грудная клетка убийцы раскрылась, точно створки кровавой устрицы, и во все стороны брызнули алые капли. Рабыня за спиной Вара мгновенно заткнулась, точно ее выключили — и мужчина услышал мягкий шум от падения тела. «Обморок, вот и славно. Орать не будет». Но через стену уже переваливались другие люди, и Вар метнулся в сад, мимоходом подхватив легкое девичье тело. Он мчался огромными

прыжками и вылетел к освещенному столу, увидев, как на него смотрит чрезвычайно удивленный Сулла, поднявшийся со своего места. Римлянин, видимо, услышал вопли — хотя не услышать их мог бы только мертвый или безнадежно глухой.

— Тревога! — крикнул Варфоломей, швыряя обморочную рабыню в куст каких-то пышных цветов. — Убийцы!

— Что за... — но тут Сулла глянул за спину повару и мгновенно преобразился.

Больше не было изнуренного болезнью пожилого человека. Был скалящийся волк, бешеными глазами выцеливающий подходящую жертву.

— Кто подослал? Осмелели, падаль?! — взревел Сулла яростно, и в руке у него каким-то непонятным образом оказался остро отточенный гладий. Обтянутые потертой кожей ножны, кувыркаясь, полетели в сторону. — Подходи все разом, шакалы!

— Все разом — это как-то слишком! — усмехнулся Вар, чувствуя, как голову туманит знакомая ярость. К ним бежали пятеро, расходились, чтобы обхватить полукругом: кто с кинжалом, кто с бандитской сикой, а один, тряся неопрятной бородицей — похоже, с чем-то вроде зубастой дубинки. Сбоку от него поднялся из-за стола совершенно невозмутимый Фараон, что-то дожевывая. Он поднырнул под замах дубинки чернобородого верзилы, и впечатал кулак тому между ног.

— Б!х! — крикнул бандит, складываясь пополам, и валлиец, не мешкая, хватил его по голове ребром серебряного блюда, с которого посыпались дочиста обглоданные кости. Блюдо глубоко засело в черепе. Варфоломей видел это краем глаза, но удивляться было некогда.

— Урх... — пробулькал чернобородый, и остался лежать на ухоженном газоне — только дергалась нога в стоптанной сандалиии-кальцее.

Луций Корнелий Сулла Феликс злобно плюнул в сторону невысокого, но крепкого с виду дяди, по самые глаза заросшего щетиной. Двигался дядя так, что сразу было понятно — рубиться ему не впервой, особенно в пешем строю. Сулла тоже это понял, обозвал противника матерно, предложив ему отсосать у карфагенского слона, а потом попользовать этим слоном собственную мамашу — и ловко увернулся от колющего удара, направленного в грудь. Сам рубанул в ответ, достал щетинистого по бицепсу, тот охнул, и тут же поскользнулся на круглом камешке — похоже, на том самом, отброшенном Варфоломеем в сторону. Машинально вздернул руку, пытаясь удержаться на ногах. Сулла воспользовался оплошностью мгновенно — всадил острие гладия под мышку убийце, выдернул и отшагнул назад, заученно, точно в легионном строю. Щетинистый выронил свой меч и рухнул римлянину под ноги.

— А ты давай! — подначивал Варфоломей гибкого, как змея, человека, лицо которого было замотано полосатой тряпкой. — Смелее, скотоложец! У меня же только нож, а ты вон какой крутой!

Он взмахнул двумя сантоку, и увидел в глазах своего соперника сомнение и непонимание. Ножи, пусть даже лишенные заметного острия, выглядели достаточно впечатляюще. Но Вар сделал неприличный жест, и нападающий не стерпел — кинулся вперед, сделав хитрый выпад сикой. Шаг вперед — выход в позицию ирими — уклонение — удар сразу двумя. Зангецу и Сигурэ прозвенели в унисон, бесстрастно поделив противника на несколько неравных частей: отрубленная рука, которая так и продолжала сжимать сикку, шлепнулась на выложенную мозаичной плиткой дорожку, вторая, отхваченная прямо у плеча, отлетела в розовый куст. Гибкий всхлипнул, заливая все вокруг кровью; шок

запечатал крик глубоко в горле, колени подогнулись.

Вар обернулся, и увидел, как прямо на него несется краснорожий светловолосый великан, по виду схожий с германцем. Белобрысый замахнулся топором на длинной, перемотанной кожей рукояти, и повар, уже понимая, что не успевает уклониться, загородился скрещенными сантоку.

Бах! Бах!

Два оглушительных выстрела прозвучали, как гром с ясного неба. Германец хрюкнул и повалился в шаге от Вара, так и не выпустив топор. Вместо носа и правого глаза у него лохматилась красная яма с торчащими осколками костей. Неподалеку рухнул еще один бандит, наседавший на Суллу и успевший, похоже, зацепить бывшего диктатора: тот припадал на левую ногу.

— Что за... — Варфоломей закрутил головой и увидел, как из-за колонны выглядывает все такой же бесстрастный валлиец. В его руке дымился здоровенный револьвер.

— Охренеть, не встать, — констатировал повар. — Это что, «таурус»?

— Ага, «таурус», он самый, — отозвался Фараон. — Питаю, понимаешь ли, слабость к большим пушкам.

— Ты бы еще корабельную артиллерию сюда притащил, корректор истории. Хотя на здоровье, я же не Фрейд, не порицаю... Иногда размер и впрямь имеет значение. Скажи мне только одно, мой полный сюрпризов друг, — Вар балагурил весело, но сам оставался настороже, а его взгляд цепко скользил по окрестностям.

— Что?

— Где ты его прятал? Кобуры я у тебя как-то не замечал, под туникой неудобно. Значит... в мешке с бутылками?

Хозяин «Дубового Листа» усмехнулся и развел руками.

— Ну сам видишь — пригодилось же. Я даже не предполагал...

Его прервал хриплый, усталый голос:

— Теперь я вижу, что вы оба — истинные посланники богов. Вар Квинтилий, я прошел много боев, но еще никогда не видел, чтобы обычный человек, пусть даже такой крепкий, как ты, мог одним ударом отрубить врагу обе руки. Даже гладиаторы такого не могут!

— Да я это... — скромно пробормотал повар. — На коровьих тушах практиковался.

— А ты, Авл Мурий? — Сулла, не слушая его, обратился к валлийцу. — Если бы у тебя в руках был пилум, я понял бы. Но ты всего лишь поднял руку, и этих двоих говнюков точно молния Юпитера пристукнула! Вы посланы мне самим провидением, друзья. Ха, кажется, я уже это говорил? Сегодня я часто повторяюсь.

Варфоломей молча смотрел на Суллу. Его поразило, что римлянин не проявил никакого интереса к револьверу — будто счел это чем-то, что в порядке вещей для «посланников богов». Только сейчас он заметил, что бывший диктатор изрядно забрызган чужой кровью. На лице Луция Корнелия безумно сверкали голубые глаза, похожие на два ярких драгоценных камня.

— Луций Корнелий... — начал было Вар, но бывший диктатор отмахнулся и швырнул окровавленный гладий на стол.

— Не моя кровь. Евтерпий! Где ты, трусливый ты негодяй?!

Кусты поодаль зашевелились, и оттуда выполз трясущийся от страха вольноотпущенник.

— Я... я здесь, о Счастливый...

— «Счастливый»! — передразнил его Сулла. — Похоже, и тебе сегодня перепало

немного этого счастья. Знаешь кого-нибудь из этих тварей? Иди, погляди, и не вздумай сблевать! Мне и так придется звать опытного садовника, чтобы привести здесь все в порядок! На этого треклятого раба-кустореза, которого подсунул мне прохиндей Апостемий, нельзя положиться.

— Д-да... — проблеял Евтерпий и опасливо стал обходить трупы.

— Кто-то колотит в ворота, — Вар, завязывающий калигу, резко выпрямился и прислушался.

— Да? — Луций Корнелий Сулла оскалился. — Ну пойдём, посмотрим.

Они все втроем прошагали по дорожке — Варфоломей и Фараон прихватили факел — и подошли к воротам, в которые и правда колотила чья-то тяжелая рука.

— Кого там лярвы принесли? — заорал Сулла.

— Это префект Рима Марк Сульпиций Цезонин! Кто говорит со мной?

— Сам префект, ну надо же? Где ты был, префект, когда нас пришли убивать, а? С тобой говорит Луций Корнелий Сулла Феликс из рода Корнелиев!

Вар предостерегающе поднял руку, но Сулла фыркнул, покачал головой и со скрежетом вытянул из петель железный засов, открывающий калитку в воротах. Без всякой опаски бывший диктатор вышел за ворота — навстречу группе вооруженных людей, возглавляемых рослым мужчиной в блестящем панцире «лорика мускулата», надетом поверх красной кожаной безрукавки. Увидев Суллу, залитого кровью, солдаты ошарашенно переглянулись.

— Вижу, мы опоздали, — префект Цезонин покачал головой. — Мы торопились предупредить тебя, Луций Корнелий о том, что некие люди наняли убийц, чтобы расправиться с тобой, но...

— Вот как? — Сулла, прищурившись, оглядел всю группу. — Торопились, а? А может быть, наоборот — не очень-то и спешили?

Цезонин возмущенно вздернул голову, но тут вперед выступил еще один мужчина — с грубоватым, но честным и открытым лицом, покрытым шрамами. Он стукнул себя сжатым кулаком по груди и выкинул руку вперед, в солдатском приветствии, которое явно было для него привычным.

— Луций Корнелий, помнишь меня?

Бывший диктатор сдвинул брови, напряженно всматриваясь. Потом скупо улыбнулся.

— Как же... Ты ведь центурион-примипил Марк Скарон, верно? Я лично вручал тебе крепостной веночек... постой-ка, за Нолы, верно?

— Да, — кивнул Марк Скарон.

— Дело было десять лет назад, а перед глазами у меня до сих пор, будто вчера... — протянул Сулла.

— Поверь, Луций Корнелий, мы спешили, как могли, — заверил центурион. Сулла задумчиво кивнул.

— Я верю тебе, Марк Скарон. Так кто же подослал убийц? — уже мягче спросил он префекта Цезонина. Тот скривился.

— О заговоре разболтал один раб, но его чересчур ретиво допрашивали, и...

— Ваши костоломы перестарались, — издевательски хмыкнул Сулла. Цезонин покраснел.

— Ты несправедлив... — начал он, но тут послышались торопливые шаги, и в ворота выскочил Евтерпий.

— Господин! Господин! — вопил он. Все уставились на потного и бледного

вольноотпущенника, который подбежал к Сулле. — Господин! Я узнал одного из них!

— Не ори ты так, — поморщился бывший диктатор. — Все тебя прекрасно слышат. Говори ясно: кого ты узнал?

— Это человек Мария Гратидиана... — запыхавшийся Евтерпий еле ворочал языком. Принюхавшись, Вар почувствовал отчетливый запах алкоголя. Похоже, пока их не было у стола, вольноотпущенник для храбрости приложился к оставленному без присмотра виски. «Точно. Вино-то я так до сада и не донес. Ах ты, скотина! Если выпил мой «Лафройг», я из тебя евнуха вольноотпущенного сделаю!» — мстительно подумал повар из «Дубового Листа». Потом он перевел взгляд на Суллу и увидел, как в зрачках квирита разгораются нехорошие красноватые огоньки.

— Гратидиа-ан... — протянул Луций Корнелий почти с нежностью. — Надо же... Какая мертвая змея выползла из-под колоды. И всюду эти поганые Марии. Ну и дела. Башку-то этому племяншу Гая Мария, любителю погреть руки в гордс кой казне — оттяпал Катилина, а потом принес мне. Чего же они не пошли убивать Катилину?

— Луций Сергей в отъезде, — кашлянул префект Цезонин.

— Ну, тогда все ясно. Отъехал дружок Катилина, да как вовремя... Надо было выкорчевать с корнями всю эту семейку, невзирая на пол и возраст! — неожиданно рывкнул Сулла так, что все вздрогнули. Тяжело дыша, бывший диктатор несколько раз взмахнул руками, точно опуская лезвие меча на шею кому-то воображаемому. И так же мгновенно римлянин успокоился.

— Теперь все проясняется, — Марк Сульпиций Цезонин что-то старательно черкнул стилем на восковой табличке, извлеченной из-под плаща. — Ясно, кто будет задержан и обвинен в покушении на убийство.

Он поднял на нас глаза.

— Луций Корнелий! Позволь оставить моих людей на твоей вилле. Сегодня вы справились сами, и это доказывает, что боги к тебе благосклонны. Но сам знаешь — они же и переменчивы.

— Это верно. Пусть остаются, — рассудительно кивнул Сулла. Кинул взгляд на центуриона Скарона.

— Марк, ты будешь за старшего.

Цезонин, хотя приказ отдавали его служащему, промолчал. Потом поспешно попрощался и вместе с единственным кольчужным солдатом — похоже, личным охранником — рванул в Рим так, будто за ним гнались фурии, лемуры и подземные боги, вместе взятые, которые угрожали его съесть живьем.

— И не поленился жопу об седло бить, — равнодушно глядя ему вслед, заметил бывший диктатор. Потом повернулся и пошел на виллу, бросив через плечо:

— Марк, заводи своих. Разместитесь в летней пристройке, там чисто. Евтерпий, проводи! А потом, — он ткнул пальцем в грудь вольноотпущеннику, — сделай так, чтоб здесь уже появился кто-нибудь из рабов и прибрал весь этот бардак. И побыстрее, ясно? Не вилла, а скотобойня...

— Будет сделано, мой господин, — Евтерпий кивнул и поманил за собой Скарона с его подчиненными. Снова скрипнул засов калитки, вползая в свои пазы, и мы пошли обратно к столу.

— Странно, — вдруг пробормотал Сулла еле слышно, будто самому себе, — такая долгая ночь...

Фараон и Вар

Вокруг стола в саду все выглядело и впрямь так, будто здесь потрошили скот. Пять трупов валялись по всему саду в самых неприглядных позах, под ногами хрустели осколки стеклянных бокалов. Я вспомнил о чернявой рабыне и заозирался, пытаюсь понять: в какой куст я ее так лихо зашвырнул-то? Ага, похоже, вон в тот — от бедных цветов мало что осталось. Но в кусте уже никого не было. Похоже, девчонка пришла в себя и забилась в какой-нибудь угол от греха подальше. Я ее понимаю.

— Вот же черт! — Фараон, до этого спокойный, как танк, вдруг изрыгнул длинное латинское ругательство, поминающее сношения с онаграми, верблюдами и свиньями в разных сочетаниях, и досадливо плюнул. Сулла, которого мы уже не стеснялись совершенно, ухмыльнулся, слушая эту словесную конструкцию.

— Что такое, Авл Мурий? — спросил он. Потом встревожился:

— Только не говори, что у тебя больше не осталось этого чудесного жидкого огня! «Вис-ки», — проговорил он, тщательно выделяя слоги. — нет-нет, я не переживу такой утраты!

— Этого виск-ки, — подражая римлянину, ответил Фараон, — у меня еще добрых полмешка! Нет, тут другое.

Он поколебался, глядя на повара, потом вздохнул:

— Нет, твои ножички для этого поганого дела я просить не стану... Обойдусь кинжалом — о, вот этот подойдет, — он подобрал пугио, валяющийся рядом с трупом бандита, которого заколол Сулла. — Так, где там этот жмурик, которому я попал в грудь?

— Ты что собрался делать? — оторопело спросил Варфоломей, глядя, как валлиец со зверским выражением лица примеряется кинжалом к трупу с дыркой в груди.

— Корректирую историю обратно! — хмуро отозвался его товарищ. — Представляешь, вот приедут сейчас из Рима какие-нибудь дознаватели, заберут эту тушку и начнут ее вскрывать, чтобы понять, от чего отбросил копыта бедолага? А там — здоровенная никелированная пуля! И вся история насмарку!

Вар не смог удержаться и громко заржал.

— Не смешно, — обиженно сказал Фараон.

— А по-моему — очень смешно, — всхлипывая от смеха, ответил повар. — Вот смотри: во-первых, на свою виллу Луций Корнелий Сулла Феликс вообще может никого не пускать, если ему заблагорассудится. Это так, Луций Корнелий?

— Так, — спокойно, даже как-то безмятежно подтвердил Сулла, который успел крепко приложиться к кубку и с непонятым выражением лица разглядывал двоих пришельцев из будущего.

— Так, — подытожил Вар. — Теперь дальше. Про вторую пулю ты и не вспоминаешь. А она, между прочим, разворотила жбан вон тому блондинчику и преспокойно улетела дальше, приземлившись черт знает, где. Нати ее будет ой как непросто. И, наконец, в-третьих, — он понизил голос и заговорщически наклонился к Фараону, чувствуя, как в ноздри шибает почти забытый со времен армии, медный и густой запах человеческой крови.

— Что — в-третьих? — насупившись, спросил Фараон.

— Здесь не вскрывают трупы, чтобы установить настолько очевидную причину смерти! — снова жизнерадостно заржал совершенно бездушный повар, которого никак не смущали свеженарубленные трупы.

Отсмеявшись, он выставил вперед ладони:

— Нет, но если ты хочешь, например, провести сеанс гадания на потрохах, то без проблем!

— Так ты что, еще и гаруспик, Авл Мурий? — заинтересовавшись, вклинился в разговор Сулла. — Ты гадаешь на печени? Или тебе нужны какие-то другие внутренности? Я думал, для этого используют печень овцы...

Для Варфоломея это стало последней каплей: взыв от смеха, он сложился пополам и стал хохотать — до икоты, вытирая кулаками слезы, выступившие на глазах.

— Нет, что ты, Луций Корнелий! — с ужасом отозвался валлиец. — Я так, просто...

— Не стесняйся, друг! — благодушно успокоил его римлянин. — Если нужен особый инструмент, ты только скажи. У меня в коллекции есть одна редкость: говорят, этрусские гаруспики в стародавние времена пользовались такими, чтобы извлекать печень одним движением. Где-то тут он валялся... я, помню, спьяну хвастался им перед актришками...

Кряхтя, Сулла полез под стол, загремел там чем-то, и, наконец, выпрямился, держа в руках...

Вар с изумлением уставился на этот предмет и еще раз протер глаза: теперь уже чтобы убедиться, что его не подводит зрение. В руках у хозяинавиллы была... да нет, не может такого быть... была малая пехотная лопата, в точности похожая на ту, которую в 1870 году запатентовал, или еще запатентует, датчанин Линнеманн. Только этот инструмент был целиком отлит из позеленевшей бронзы и сплошь украшен каким-то замысловатым орнаментом.

Вар сел на плитку дорожки, махнул на все рукой и снова принялся хохотать, глядя на вытянувшееся лицо Фараона.

— Вы... меня... убьете... друзья! — проикал он. — не... могу... больше!

— Да тьфу на вас! — в сердцах выразился валлиец, отшвырнул пугио и широкими шагами, решительно, подошел к столу. Взял валявшийся опустевший кубок, выдернул пробку из бутылки «Буннахевена», налил кубок чуть ли не до половины. Выдохнул и несколькими глотками осушил до дна. Закусил остывшим ломтиком пиццы.

— Силен, мужик, — по-русски прокомментировал это священнодействие Варфоломей.

— С кем поведешься, — так же, по-русски ответил Фараон и содрогнулся: — Ой, как хорошо пошло-то...

Вилла как-то незаметно заполнялась людьми. А точнее — рабами, и Вар заметил как минимум одно знакомое лицо — вилика-управляющего Батия. Правда, сначала вокруг сада обошел центурион Марк Скарон, который очень внимательно изучил каждого покойника, и потом задумчиво и с явным уважением покосился на гостей Суллы. Поймав его взгляд, Вар вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

— Вот же я тормоз! — он вскочил и решительно направился в сторону винного погреба. Вернулся, таща на плече здоровенную цветастую амфору.

— Ага! — обрадовался Сулла. — Ты все-таки до него добрался, Вар Квинтилий!

— И не только до него, — пропыхтел повар, — но и еще до одного, страстно желавшего твоей смерти. Он там, у входа в погреб отдыхает...

— Стало быть, шестеро, — Луций Корнелий медленно загнул пальцы на левой руке и прибавил к ним указательный на правой. — Похоже, мой счет к семейству Мариев только что еще вырос.

Молчаливые рабы унесли трупы. Лужи крови кто-то быстро и незаметно засыпал песком там, где они впитались в землю. На плитке дорожек никаких следов уже не осталось

— пожалуйста, только стыки между плитками в нескольких местах чернели, отличаясь от всех прочих.

— Наконец-то, — проворчал хозяин виллы. — Уже давно день на дворе...

«День?» — изумился Варфоломей и впервые посмотрел на небо. Солнце давно уже встало, но нет, это все-таки был еще не совсем день. Скорее, позднее утро, и роса на цветах еще не успела высохнуть. Он пригляделся пристальнее: капли были слишком темными. Чья-то кровь брызнула и сюда тоже. Повар поморщился и потянулся к амфоре, гадая, как налить оттуда вина. Но амфора уже опустела. Вышколенные услужливые рабы, скользившие вокруг стола, точно тени, споро перелили вино в кувшины, и кто-то из них с поклоном указал Вару на полный до краев серебряный кантарус — здоровенную чашу с двумя ручками, на которой были отчеканены какие-то античные мужики, голые, но с копьями. Критически прикинув свои возможности, Варфоломей предпочел взять кубок и зачерпнуть прямо из чаши.

— Господин... — прошепелявил старый раб-виночерпий, который вырос прямо за плечом у повара, торжественно помахивая чем-то вроде поварешки на длинной ручке. — Как разбавить вино господину?

— А не надо разбавлять, — устало махнул рукой Вар, и в глазах раба мелькнул панический ужас. — Я парень простой, выпью так.

— По-скифски предпочитаешь, Вар Квинтилий? — подняв белесую бровь, осведомился Сулла, уже переодетый в чистое и умытый. — Не разбавляя, будто варвар?

И тут же, убрав из голоса нарочитую аристократическую гнусавость, ухмыльнулся.

— Как же, помню, пивал и я неразбавленное, особенно после боя, когда кровь еще кипит, а руки так и ходят ходуном, хватаясь то за рукоять меча, то за пугио. Пей, как твоей душе угодно, друг! Здесь никто не посмеет тебя осуждать.

Вар благодарно кивнул, и с головой погрузился в омут бытового пьянства. Он с наслаждением осушил кубок густого, терпкого и удивительно вкусного вина, крикнул и восторженно помотал головой.

— Ты только что выпил изумруд, — спокойно сказал Луций Корнелий, не переставая ухмыляться и присматриваясь к очередной бутылке виски. Вар поперхнулся.

— В смысле?

— В смысле, такая порция этого вина стоит столько же, сколько хороший изумруд чистой воды вот в этом перстне — квирит, не чинясь, сунул под нос собеседнику жилистую кисть руки. На среднем пальце красовался большой золотой перстень искусной работы, изумруд в оправе кольца сыпанул в глаза Вару зелеными искрами.

— Ух ты! — не сдержался тот. Вообще-то, к ювелирным побрякушкам мужчина был равнодушен, и редко надевал даже единственное серебряное кольцо с изображением будды Амиды — японский подарок Томико. Он любил, чтобы во время возни у плиты руки были свободными от всего — даже от часов. Но перстень Суллы поневоле внушал уважение: тяжелый и массивный, он выглядел *древним*.

— Мне преподнесли его ребята из второй когорты, после взятия Афин, — охотно поделился историей перстня его владелец. — Сказали: нашли, мол, в одной шкатулке, когда потрошили дом богатея. Так тот волочился за ними на коленях и вопил на ломаном нашем, что, мол, это перстень самого Агамемнона, который тому достался при дележе добычи под стенами горячей Трои... Берите, мол, все, но перстень оставьте. Ребята так и поступили. Взяли все, а богачу раскололи башку. Кто его знает, Вар Квинтилий, владел ли этой штукой сам вождь ахейцев — Гомер-то к перстню не прилагался, чтобы как следует воспеть или

хотя бы придумать хорошую историю в духе «Илиады», — Сулла фыркнул и крутанул перстень на пальце, — но я не стал отказываться. Парни-то ко мне со всей душой, а могли бы кинуть цацку в общий котел. Надел я его на палец, и сразу понял — точно, как для меня сделан! Пусть им хоть дикарь Аякс Теламонид владел, да хоть сам ветхий Приам — неважно.

С минуту Сулла сидел молча, глядя на изумруд. Глаза его будто заволокла тень.

— Верий Тибулий, центурион, который от всех парней преподнес мне этот перстень, давно мертв — убит на войне с Митридатом, и сгорел на костре под Орхоменом. наших мертвых мы тогда сожгли всех, а дохлый сброд Архелая, Митридатовой шавки, побросали в болота Копаиса...

Он встрепенулся.

— А знаешь, что, Вар Квинтилий! — Сулла неуловимым движением сдернул перстень с пальца и на открытой ладони протянул его Варфоломею. — Прими его в подарок! Сегодня вы спасли мне жизнь, и если бы не твое великолепное владение этими... как ты их называешь... сан-то...ку — я бы наверняка валялся в саду собственной виллы с перерезанной глоткой. Это малая плата за тот дар, который ты сделал мне!

— Э... ы... — изумленный Вар сидел с отвисшей челюстью. Сулла по-своему истолковал его замешательство и вложил перстень в ладонь своего гостя.

— Будь уверен, для Авла Мурия у меня найдется подарок не хуже! — успокоил он.

— Но...

— Возражений я не приемлю, друг, — в обманчиво мягком голосе Суллы Счастливого лязгнула сталь.

— Это поистине царский подарок, Луций Корнелий, — решительно ответил повар, и надел перстень на безымянный палец.

— Руки-то у тебя побольше моих будут, — одобрительно глянул бывший диктатор. — Но сидит, как влитой. Так выпьем же! И это... Авл Мурий! Может хоть ты девку себе заберешь, а?

Фараон, до этого молча с улыбкой наблюдающий за процессом, поперхнулся и обдал раба-виночерпия фонтаном брызг. Сулла заржал, как гиена.

А дальше они снова пили, и был вечер, и снова было утро, потом Вар и Фараон отмокали в бассейне местных терм, в очередной раз выгоняя из себя алкоголь в раскаленном зале терпидария.

Воспоминания смешались в бесконечный яркий калейдоскоп.

Вот Вар зачем-то бьется на кулачках с одним из легионеров Марка Скарона, а потом объясняет ему хитрый прием, которым отправил его валяться на песке гимнастической площадки. Вот Фараон с видом великого кладоискателя роется в почти пустом мешке и, торжествуя, извлекает оттуда бутылку «Скапы», сквозь которую просвечивают янтарные лучи солнца; а вот снова валлиец — взгромоздившись прямо на стол, с чувством декламирует стихи Катутла.

Ну-ка, мальчик-слуга, налей полнее

Чаши горького старого фалерна,

Так велела Постумия — она же

Пьяных ягод пьянее виноградных.

Ты ж, погибель вина — вода, отсюда

Прочь ступай! Уходи к суровым, трезвым

Людам: чистым да будет сын Тионы!

— Это кто? — спрашивает Сулла.

— Гай Валерий Катулл! — отвечает Вар, и тут же ловит на себе убийственный взгляд Фараона. «Ох, черт! Ему же сейчас лет семь, не больше!»

— Катулл? — морщит лоб Сулла. — не слышал о таком. Но складный виршеплет, сразу видно, знает толк в вине и бабах! Не то что этот... как его... которого я гнать с виллы велел... Да к Эребу его!

И снова льется вино пополам с виски, одни лица сменяют другие. Улучив момент, Вар тихо шепчет, поглаживая татуировку Катрины:

— Мы уже выпили столько, что можно наполнить небольшой бассейн для омовений. Это ты, что ли, помогаешь держаться на ногах?

Нет ответа.

Одно из самых ярких воспоминаний той череды дней осталось в памяти Вара намертво, точно вырубленное в граните.

— Марк Скарон! — спросил он зачем-то, когда центурион оказался рядом после очередного доклада Сулле о том, что все благополучно. — А как в легионе кормят?

— Кормят? Да как... — растерянно отозвался тот, переминаясь с ноги на ногу. — Кормят сытно, особых разносолов не дают. Испокон веков так кормили. В походе и вовсе готовим себе сами. Сыпанул в котел пшена, нарезал солонины или сала, пару луковиц бросил, и хорошо, если вяленая баранина есть. А потом знай, помешивай ложкой в котелке, пробуй, да подсаливай, пока не сварится. Ешь, да радуйся, поской запивай.

— Не возражаешь, досточтимый Скарон, если я приготовлю тебе и твоим людям кое-что сытное и не такое приевшееся?

— Кто ж откажется? Солдат любому разносолу рад, — Скарон неловко пожал плечами. — Ежели, конечно, Луций Корнелий Сулла позволит...

— На моей вилле, Марк, ты можешь хоть всех девок трахнуть, — проскрипел Сулла, потягиваясь до хруста костей, — и не только девок. Евтерпия не трогай, он обидчивый, а остальных можно... А уж на кухне и в винном погребе позволяю тебе быть, как дома. Зря ты, что ли, меч того засранца от меня отвел? Я помню, Скарон, все помню.

Центурион вытянулся во фронт, но по глазам было видно — рад и доволен, как старый, верный боевой пес, которому только что перепал сочный кровавый шмат свежего мяса.

Вар поманил его за собой, и через минуту они завалились на кухню в сопровождении любопытствующих солдат, отпускающих соленые шуточки, распугавшие всех местных кухарок и поваров. Потом Вар быстро замесил тесто и раскатал тонкие лепешки, не забывая живо описывать каждый свой шаг и запивать все вином, то и дело чокаясь кубками с центурионом. Бросить лепешку на смазанный салом железный лист, под которым потрескивает пламя очага. Перевернуть. Сдернуть с огня. Положить на лепешку хорошую порцию мелко порубленного и обжаренного мяса, вареные бобы, крупно нарезанный лук-порей, порвать руками листья салата. Плеснуть немного соуса на основе оливкового масла, колечки черных оливок. Ловко завернуть, добавить еще густого мясного соуса — это уже от себя лично.

Марк Скарон откусил сразу половину древнеримской шаурмы и принялся жевать так, будто неделю питался только солдатскими сухарями.

— Пафнет! Фкуфно! — объяснил он с набитым ртом. Лапищи легионеров умоляюще потянулись к Вару. «Вот так, одним махом, кулинарная история мира пошла немного по другой колее! — подумал он, раскатывая лепешки. — Хотя где-нибудь в Африке наверняка

такое давным-давно придумали».

Фараон лучше всего запомнил другое.

Подробнейшие рецепты перегонки ячменного солода, старательно записанные Евтерпием. И, как вишенку на тортике — рисунок куба, который во всей красе выполнил на дорогушем пергаменте вызванный из Рима сонный и перепуганный художник, долго не соображавший, что от него потребовалось страшному Сулле Счастливому. Зато потом, когда за свой труд грек получил в награду даже не денарии — целый мешочек полновесных золотых ауреусов, и глаза его стали похожи на две плоски, счастье художника было не передать словами. Прижимая к груди награду, он пятился к воротам виллы, мелко кланяясь и улыбаясь так, что валлиец побоялся, как бы уголки рта не сошлись на затылке, точно у Шалтая-Болтая.

— Эй, Евтерпий! Отряди-ка с этим мазилкой пару рабов покрепче, пусть проводят до дома. А то его мигом разденут догола, уж больно счастливый, только что не светится... А по пути пусть намекнут, чтобы держал язык за зубами, — лениво приказал Сулла, с любопытством разглядывая чертеж.

Вилла Суллы Счастливого. Шестью днями позже

Когда вихрь воспоминаний стал замедляться, оказалось, что прошла почти неделя. Но вот что интересно — усталости у собеседников не было ни в одном глазу. Сам Сулла, глаза которого немного покраснели от недосыпа, выглядел удивительно бодро, и даже будто помолодел: волосы стали гуще, разгладилась пара морщин.

Варфоломею это почему-то не казалось удивительным. Изумляло его другое. В тощем, и с виду совсем опустевшем мешке валлийца снова и снова, точно силой неведомой магии, обнаруживалась бутылка отменного виски. И беседа вспыхивала с новой силой, а темы для разговора не кончались. Время будто замкнулось в кольцо над этой виллой, бесконечно вращалось вокруг сада и триклиния. Сулла рассказывал о своей молодости, делился ехидными замечаниями о политике Сената, вспоминал Югуртинскую войну, описывал людей, с которыми довелось встречаться.

«Диктофон бы! Полцарства за диктофон!» — мысленно взывал Вар не один десяток раз, слушая эти рассказы. Он понимал, что изменчивая человеческая память постепенно сотрет мелкие детали, затянет туманом подробности. И поклялся себе, что непременно запишет все, как только вернется в «Дубовый Лист».

А потом все закончилось — так же неожиданно, как и началось.

— Уважаемый Авл Мурий, — Евтерпий, как всегда неслышно возникший рядом, виновато поклонился, извиняясь, что прервал беседу. — Тебя у ворот просит какой-то... — он пренебрежительно двинул бровями, ухитрившись вложить в этот короткий жест истинно патрицианское высокомерие, удивительное для вольноотпущенника, — какой-то плебей, по виду — вылитый бандит-субуранец. Внутри его, конечно, не пустили, так он просил передать, что, мол, «все вернулось, и он ждет обещанного». Не знаю, о чем болтает.

— Зато я знаю! — Фараон, широко улыбаясь, подпрыгнул, точно на пружине. — Прошу прощения, Луций Корнелий, я сейчас. Должен тому парню денарий.

Он поспешно ушел и спустя короткое время вернулся. Кивнул Вару, и тот понял — время пришло, теперь точно. Он встал, поглядел на перстень с изумрудом и перевел взгляд на Суллу, молча и серьезно смотревшего на компаньонов.

— Ничего не объясняй, Вар Квинтилий. И ты тоже, Авл Мурий, — сказал бывший диктатор. — Это совершенно ни к чему. Сейчас вы уйдете, и я точно знаю, что на этот раз

боги благоприятствуют вам, а не мне. Меня они лишили лучших собеседников за всю мою жизнь, и вот-вот отнимут замечательнейших собутыльников. Вы не вернетесь, и, скорее всего, исчезнете не только с моей виллы, но из Рима тоже. Это были славные дни, будто целая жизнь уместилась в них.

Он встал и протянул гостям обе руки. Вар и Фараон стиснули крепкие ладони квирита. Потом Сулла отпустил их руки и коротко кивнул.

— Идите, друзья, — сказал он. — И вот что, Авл Мурий. Я обещал тебе не менее достойный подарок, чем твоему товарищу. Возьми эту шкатулку.

Он подтолкнул по столу небольшую изящную шкатулку слоновой кости.

— В ней лежит флакон с противоядием самого Митридата Евпатора. Он носил этот флакон на груди. Не спрашивай, как он достался мне, поскольку этот старый понтийский пройдоха все еще жив, Рим пока не отрубил этой змее голову. Ни один яд не в силах одолеть это снадобье. Надеюсь, что тебе никогда не придется на себе испытать силу «митридатиума». Но вот что интересно — я обнаружил, что эту смесь можно использовать в качестве хорошего мужского аромата, который невероятно нравится женщинам всех возрастов. Так что расходуя его бережно, друг мой. Приятно пахнуть — это ведь тоже важно!

Луций Корнелий Сулла подмигнул и расхохотался.

Так они и оставили римлянина — уходя по дорожке виллы, не оглядываясь и слыша за спиной раскаты смеха.

Рим. Район Субура. Каупона «Дубовый Лист»

— Как же я рад, — сказал Фараон.

— И я, — отозвался Варфоломей.

Они стояли и смотрели на дверь, пробитую заклепками, на два светильника над входом и нарисованный чуть выше дубовый лист рядом с винным кувшином. Скамейка, на которой обычно сидел охранник, на этот раз была пуста.

— Похоже, это недвусмысленный намек, — посмотрев на пустую скамью, заметил валлиец.

— Согласен.

Вар толкнул дверь, и оба вошли внутрь. В каупоне опять было пусто, ни души.

Хотя нет.

Одна душа сидела прямо на стойке и злобно таращилась на них.

Мануанус Инферналис выглядел неважно. Щетина на его тощем теле торчала какими-то особенно неопрятными ключьями, хобот выглядел так, будто его жевали. Выпучив глаза, монстр смотрел на приятелей. Потом он издал жалобный стон и повалился на стойку, раскинув лапы.

— Ой, ну вот только не надо тут обморок изображать, — сказал бессердечный Варфоломей.

— Неть! — обвиняюще скрежетнул Мануанус. — Мясь неть! Корьмь неть! Коть съель! Коть съть! Голодать!

Он втянул живот до самого позвоночника, окончательно превратившись в памятник жертвам Великого ирландского голода. Всем своим видом домашний монстр показывал, какие муки он перенес.

— Кстати, а кот-то где? — озадаченно спросил Фараон. В ответ Мануанус разразился невнятными ругательствами, замахал костистыми конечностями и принялся подпрыгивать на стойке.

— А тряпки свои ты зачем на очаге разложил? — осведомился Вар неласково. Потом принюхался и протянул: — А-а-а. Ясно...

— Коть! — взвизгнул Мануанус Инферналис. — Коть мокрь! Гадь коть!

Черный котенок обнаружился на полке у двери. Точнее, это был уже вполне себе крупный кот взрослых размеров. Он приоткрыл один глаз, когда Фараон почесал его заухом, громко затарахтел и подставил теплое брюхо.

— За неделю вымахал, а? — озадаченно сказал валлиец. — Это как так?

— Неть! — рывкнул Мануанус. — Годь! Годь рось!

— Год?

Оба приятеля застыли с открытыми ртами. Первым пришел в себя Вар. Повар обвел взглядом зал «Дубового Листа» и укоризненно спросил:

— Ну и где тебя носило?

Что-то звякнуло и выкатилось из-под лапы у кота. Блестящий кругляшок, подскакивая, покатился по полке. Валлиец подставил ладонь и поднес ее к глазам.

Крупная золотая монета лежала портретом вверх.

— *Victoria Dei Gratia*, — медленно прочитал хозяин «Дубового Листа». — Соверен. Тысяча восемьсот сорок второй год.

Вар подошел и тоже посмотрел на профиль молодой королевы Виктории.

Хмыкнул.

— Что думаешь?

— Пойду-ка я, пожалуй, почитаю.

— Что почитаешь?

— Про викторианскую кухню, — вздохнул повар.

— Вот как, — пробормотал валлиец. — Ну что ж. Интересный намечается поворот.

Глава 14. Тени в переулках

Дьявол молча глядел на Варфоломея, и в глазах его клубился страх, ярость от того, что его лишили добычи, застигнув врасплох на месте, где он меньше всего хотел бы сейчас находиться, и... что-то еще. Варфоломей не понял, что.

Неудивительно. Было темно, как в бочке — в этом грязном переулке не горел ни один фонарь, ближайший сейчас освещал Коммершиал Стрит, там же прохаживались и местные «бобби», постукивая своими дубинками по стенам и кованым оградкам. В переулки полиция совалась редко, здесь было царство крыс, нищих, дешевых шлюх. И Дьявола.

Сейчас именно он, одетый в темную крылатку, высокие сапоги и цилиндр, окончательно затенявший лицо, стоял напротив повара.

Но Варфоломей все-таки видел страх в его глазах.

— Вали отсюда, долли, — хрипло сказал он проститутке, которая жалась и всхлипывала за его спиной. Не глядя, сунул руку в карман жилета, достал оттуда пару монет, сунул назад. — Держи. И ротик на замок, поняла? Не зови пилеров, я тут сам разберусь...

Сзади пискнули что-то неразборчивое, мокрая ладонь схватила монеты, послышался удаляющийся топот каблучков по булыжникам. Сейчас добежит до ближайшего кабака и попросит джина, чтобы залить ужас...

Варфоломей тут же забыл о дурной девчонке, которой сегодня, похоже, повезло родиться во второй раз. У него было куда более важное дело. Дьявол осторожно попятился назад, стараясь исчезнуть в угольно-черных тенях вонючего переулка. И вот этого никак нельзя было допустить.

— Далеко собрался? — улыбаясь, спросил повар. Правая рука расслабленно повисла вдоль полы шерстяного пальто, мокрой от скверного лондонского дождя. Указательный палец лег вдоль стального тела сантоку, остальные легко сжимали ручку. Нож не шея врага, его не надо душить в кулаке, с ним надо аккуратно — хоть над разделочной доской, хоть сейчас, в дождливом смоге Уайтчепела.

Дьявол оскалился и сунул руку в чемоданчик. Типичный саквояж врача, Варфоломей знал, что в нем лежит. Из всех предметов его больше всего интересовал... а вот и он, блестит даже в таком скудном свете. Здоровенный ампутационный нож крайне неприятного вида, больше похожий на длинный узкий кинжал. Костяная рукоять, наточен до бритвенной остроты, в умелых руках хирурга способен творить чудеса.

Дьявол был умелым хирургом. Не профессионал, конечно, зато истовый любитель. Не боец, зато крепкий мужчина.

Но он привык потрошить тех, кто слабее и застигнут врасплох.

— Не твой сегодня день, Уолтер, — сочувственно пожал плечами Варфоломей. Сантоку тонко прозвенел в темноте.

Двумя месяцами раньше. Сентябрь, 1888 год. Лондон, Ист-Энд, район Уайтчепел

Варфоломей

Старая добрая Англия... Желтый туман, похожий на гороховый суп, королева Виктория, мятый цилиндр на башке даже у распоследнего бродяги. Кресс-салат на развес («Только что сорван, сэр, свежайшие ростки!»). Шерлок Холмс и профессор, мать его, Мориарти. Хотя нет, двоих последних в реальности никогда не существовало. А вокруг меня сейчас была самая реальная викторианская реальность, которая только могла быть.

— О, Бартоломью! Как оно? — мясник Генри приветственно помахал мне окровавленной рукой из-за колоды, на которой пластал топором свиную тушу. Сейчас эти куски упакуют в вощеную бумагу, обвяжут шпагатом, и разносчик поедет, чтобы навестить всех постоянных клиентов. Санэпидемконтроль? Не знаем, не слышали. Впрочем, здесь это меньшая из проблем.

Вода, например. Набирать в кувшины то, что здесь течет из уличных колонок, я не рискнул бы даже под страхом мучительной смерти. А местные ничего, пьют. И в чистом виде, и с чаем-кофе. Хорошо, что «Дубовый Лист» в этом отношении безопасен: из медного крана что в кухне, что в ваннах у нас течет нормальная, чистая вода. Холера и прочие прелести нам не грозят, и на том спасибо. Рим времен Суллы по сравнению с нынешними трущобами был куда чище — хотя воняло в Субуре не меньше, конечно.

Я никак не мог понять, почему наш гулящий паб на этот раз выбрал местом своего пребывания викторианский Лондон. Более того, это оказался Уайтчепел — дыра, хуже которой в британской столице трудно было отыскать.

— Почему не Белгравия, а? — пробормотал я, глядя на работу мясника. — Не Мэйфэр, черт побери, не Пикадилли?

— Что ты сказал, Бартоломью? — спросила Джейн, жена Генри, быстро и ловко пакуя мой заказ.

— Ничего, миссис Белчер, ничего, — вздохнул я, и отшутился: — Говорю, что вашему мужу с его ловкостью рук прямая дорога в Белгравию.

Генри Белчер басовито хохотнул и погрозил мне толстым пальцем.

— Ну ты даешь, Бартоломью! Где я, а где Белгравия? Да меня туда полиция на пушечный выстрел не пропустит!

— Много потеряют, Генри, — авторитетно заявил я. — Кто еще так ловко обращается с мясом? Не-ет, таких мастеров поискать...

Мясник довольно хмыкнул, потом выразительно глянул на жену.

— Джейн, дорогуша, достань-ка нам по бутылочке пивка. Как насчет стаканчика эля от Ричардсона, а?

Пиво с повышенным содержанием свинца — что может быть лучше? М-м-м, вкуснотища... Впрочем, отказываться я не стал, принял от Джейн стакан из темного пузырчатого стекла, с пенной шапкой над ним.

— Свеженькое... — окунул в пену усы мясник. Я последовал его примеру. Никак не привыкну к своим усам, все время кажется, что над верхней губой мне приклеили какую-то щетку. Главное, не забывать эти самые усы аккуратно вытирать, особенно после таких коварных напитков.

Я не забыл. Допил пиво — эль, кстати, оказался вполне неплох — воспользовался огромным фуляровым носовым платком, после чего сложил его в жилетный карман, вежливо поблагодарил семейство Белчеров и откланялся, унося с собой в корзинке пару увесистых кусков мяса, завернутых в похрустывающую бумагу. Звякнул колокольчик над входом в лавку, и я оказался на улице.

Шел совсем мелкий дождь. По здешним меркам — практически солнечно. Улица была полна людей. Сейчас день, и публика здесь попадалась более-менее приличная. Вон, например, явно модистка, спешит от клиентки с заказом. А вот мелкий клерк, с чернильными пятнами на пальцах, в тощем сюртуке. Бушлаты... похоже, группа матросов ищет развлечений. Проститутки особо не светятся — их время придет вечером, сейчас кто-

то отсыпается, а кто-то сидит в пабе победнее, где за пару шиллингов дают хоть залейся джина и пива. Бренди? Нет, это здешней публике не по карману, бренди пьют в местах почище.

Я привычно отмахнулся от карманника, который попытался в толчее подобраться поближе. Надо же, в Лондоне мы всего ничего, но рефлексy на это дело у меня почище, чем у бывалого аборигена. Похоже, это прилагается по умолчанию, как бонус вместе с попаданием в не самую уютную эпоху.

Когда наглая рука во второй раз попыталась втиснуться в мой карман, я перехватил ее, и, не останавливаясь, сломал вору мизинец. Вопль тщедушного паренька с острым испытанным лицом, похожим на морду хорька, был громким и визгливым, но я уже толкнул его в щель между домами, удобно прикрытую ветхой тумбой, обклеенной убогими афишами.

— А-а-а! Ты мне руку сломал, ты... — орал карманник.

— Не руку, а палец, — уточнил я. — Заметь, даже не самый рабочий. Помни мою доброту, тулер.

Продолжая стонать, он сунул руку под полу засаленного пиджака. Насмешил, конечно. Через секунду дешевенькая опасная бритва оказалась в грязи под ногами, а он завыл уже не на шутку, прижимая к груди сломанную кисть.

— Э! Че, блть, за д'ла? — с непередаваемым местным акцентом раздалось сбоку.

— Дела такие, Гарри, что этот птенчик хотел меня обчистить. Я смотрю, ты совсем не следишь за своими, не объяснил им, кто есть кто... Честный человек идет по своим делам, а тут ему под ноги попадает такое вот недоразумение. И как мне прикажешь поступить?

— Э, да эт' ж Барто, бл'! — король местной шпаны Дикки-Шляпник пожал плечами, артистически высморкался, цыкнул зубом и с невыразимым презрением посмотрел на скорчившегося у стены карманника, баюкавшего распухающую на глазах руку. С самого первого нашего знакомства, когда я случайно помог боссу Дикки, Хансону по прозвищу «Холодные пальцы», банда которого держала весь Уайтчепел, Шляпник держался со мной неизменно вежливо. Та история заслуживает, чтобы ее рассказали. Но позже.

— Т'чё, Ушан, — с апломбом архиепископа Кентерберийского приосанился Дикки, — шары свои залил с утра? На кого скачешь? Эт' члвек уважаемый, сечешь? Знаешь, с кем он ручкается? Не тебе чета, блоха. С тобой вот п'ручкался, хочешь еще? Потеряйся, бстро!

— Разошлись, Дикки? — спросил я, поудобнее перехватывая ручку корзинки.

— Без пр'блем, Барто, — кивнул тот. — Поклон Фараону, лады?

— Заметано, — я кивнул, потом повернулся и продолжил свой путь. За спиной я слышал звуки ударов и голос Шляпника: «Ты, безрукий, как теперь заносить долю бу'ешь? А? Кости-тряпки собирать отправить тебя? А?» Передать это гнусавое скорострельное произношение было совершенно невозможно, если вы не родились и не выросли здесь, среди местного люда. Дикки вырос. А я просто его понимал. Все, кроме отдельных, самых заковыристых ругательств.

В Лондоне все время что-то происходит. В наше время — это мегаполис, но и в годы правления Виндзорской Вдовы городок не подкачал, уж поверьте. Вечная суета на улицах, еще слыхом не слыхивавших о правилах уличного движения, постоянная стройка — тут тянут газовые трубы, там прокладывают новую телеграфную линию. Чинная Белгравия, где гувернантки и бонны выгуливают нарядных детей — и разномастный Ист-Энд, где есть места, состоящие из сплошных притонов. Всего хватает.

Я лавировал, уклонялся, проскальзывал, придерживал котелок, ловко отпрыгивал от

колес кэбов. И чем ближе подходил к «Дубовому Листу», тем мрачнее становилось вокруг. Около тележек, где варилась картошка и пеклись яйца, толпился работный люд — для многих тележка с ее немудреной пищей была единственной за день возможностью поесть горячего. Хотя, конечно, одними печеными яйцами и картошкой дело не ограничивалось...

— Эй, накидай-ка мне десяток устриц!

— Плесни кофейку погорячее на пенни!

— Почему пироги с печенкой? Чего? Да это обдираловка! Ты туда что — золотой песок подмешал?

— Угри, свежие заливные угри, кому угри!

— Пойдем со мной, красивый, угости даму стаканчиком джина...

Голоса гудели, смешивались в одно протяжное бесконечное жужжание. Говорят, сердце Лондона в Букингэмском дворце. Может быть. Но я уже успел узнать, где его руки, ноги и желудок. Вот в таких вот местах, с почерневшими от копоти стенами домов и узкими кривыми переулками, перерубленными рельсами железной дороги.

Кстати, об устрицах. Здесь они деликатесом не считаются — самая простецкая еда бедняков, которую в изобилии собирают на отмелях.

Ага, вот и дверь паба. На сей раз «Дубовый Лист» патриотично назывался «Смуглая Бесс». В честь славного мушкета, символа империи, где никогда не заходит солнце, воспетого во множестве песен, и давно ставшего историей. Сейчас-то на вооружение приняли винтовку Ли-Метфорда, но на длинной вывеске нашего паба гордо красуется именно «Смуглая Бесс». За окнами горели газовые лампы. На черной доске рядом со входом рукой Фараона было небрежно выписано несколько меловых строк. «Всегда свежий эль и портер. Джин не продаем. Решил подраться — шагай мимо. Не понял — пеняй на себя».

Суровый парень наш валлиец. С ним не забалуешь.

Я толкнул дверь и шагнул в гомон зала, мягко ступая по засыпанному опилками полу. Поймал взгляд Фараона, который стоял за длинной стойкой, наливая пиво и беседуя с одним из постоянных клиентов. Постоянных... смешно, конечно. Мы тут третью неделю, и уже обзавелись завсегдатаями, которые свято уверены, что «Смуглая Бесс» находится здесь чуть ли не со времен Тюдоров. Кое-кто, правда, пытался удивляться, но их же кореша одергивали: «Эй, ты чего? Всегда здесь был, паб как паб, ты что, Билли, не помнишь? Еще твой дедуля, дай ему Бог райских куц, здесь свою вечернюю пинту всегда пил. Ну вот, а ты говоришь — откуда взялся...»

Неподалеку от нашего паба был театр «Гаррик», любимое место уайтчепельцев, падких до дешевых развлечений. Ну как, театр... За пару пенни можно было глянуть пантомиму, где основные роли играли женщины с минимумом одежды. При плохом газовом освещении все они казались чуть ли не королевами красоты — очень удобно, восторг толпы обеспечен. А если в афише значилось «пьеса в трех актах, посвященная жутким грабежам банды Шеппарда, а также его любви к прекрасной Мэри Слоун» — зал, от галерки до лож был набит битком, так что яблоку негде упасть. Яблокам тут, правда, предпочитали дешевые апельсины, которые чистили и швыряли кожуру вниз, на головы тех, кому повезло меньше. Пару раз я побывал на местных представлениях — пытался кое-кого вычислить. Заодно до краев наполнился лондонской массовой культурой, своротил пару челюстей и лишился в давке трех пуговиц от пальто. Викторианская жизнь была ключом.

Но все это было лишь фасадом для куда более мрачных событий, в которые мы волей-неволей оказались втянуты. И началось это парой недель ранее.

Август 1888 года. Лондон, Ист-Энд, район Уайтчепел

Фараон и Вар

Задумчивый Вар, рассеянно постукивая перьевой ручкой по столу, глядел на Мануануса Инферналиса. Щетинистый монстр, не обращая на него внимания, самозабвенно рассматривал себя в большое зеркало, обрамленное золотистыми виньетками.

— Красота какая... — пробормотал повар, и чертыхнулся, увидев, что капля чернил с ручки стекла ему на пальцы. Мануанус подозрительно покосился на него левым глазом (правый, выпученный, не отрывался от зеркала). Вар бросил ручку на лист бумаги и принялся ожесточенно вытирать пальцы бумажной салфеткой.

— Как этим пишут вообще? — пожаловался он Фараону, который как раз появился в дверях и начал спускаться по лестнице со второго этажа, разглядывая перила. На этот раз перила были резными, из темного дерева, с набалдашниками в виде еловых шишек и витыми балясинами.

— Не знаю, — валлиец пожал плечами, — я не настолько старый, не застал в школе чернильницы и перья. Вроде бы, надо легонько, не давить на бумагу, а то царапать бу...

Он увидел Мануануса и поперхнулся.

— ...дет. Это что?

Монстр повернулся к нему, гордо выпятив брюшко, и переступил по стойке когтистыми лапами.

— Скотть! — радостно сказал он. — Тартань!

На Инферналисе красовался шотландский килт неопределенной расцветки. Судя по всему, до этого он висел где-то на ярком солнце, потому что выгорел до такого состояния, что клетка была почти не видна. Снизу килт был неаккуратно обкусан зубами. Ошарашенный валлиец присмотрелся получше. Клетка килта была сине-зеленой.

— Мало нам всех напастей, — горько сказал он, — так наш домашний ужас еще и Кэмпбелл.

— Кэмпбелль! — взвизгнул Мануанус Инферналис, возбужденно подпрыгивая. — Круахань! Круахань!

— Ты, поди, лично резню в Гленко организовал? — сварливо осведомился Фараон, наливая себе чашку чая.

— Неть, — отрезал Мануанус, но потом, после некоторого раздумья, неуверенно сказал, причем акцент из его речи внезапно куда-то пропал: — Ламонтов помню, был в Дануне. Гленко не помню.

— Еще почище, — от неожиданности валлиец поперхнулся чаем, обжегся и раздраженно отставил чашку в сторону. — Хотя Ламонты, конечно, тоже не ангелы были, но с Данунской резней явно вышел перегиб...

— О чем вообще речь-то? — недоуменно осведомился Вар, который с легким интересом слушал перепалку. — Кто такие Кэмпбеллы?

— Милые, дружелюбные люди, — мрачно пояснил его компаньон. — Настолько милые, что в пабах Гленко до сих пор висят объявления: «Не для бродячих торговцев и Кэмпбеллов».

— Жестоко... — озадачился повар и почесал лысину. — Отлучить шотландца от паба... что ж они такое сотворили?

— Всех зарезали. По-крупному. Трижды, — лаконично ответил Фараон.

— Не всехь! — назидательно поднял костистый палец Мануанус, который наконец-то

отвернулся от зеркала. — Кошек не трогали!

— Конечно! Их там и не было! — возмутился Фараон, снова схватив чашку.

Мрачно сопящий Мануанус Инферналис долго морщил лоб, подыскивая аргументы, потом махнул лапой и принялся гладить кота, развалившегося на трехногом стуле. Стул протестующе поскрипывал, но коту было все равно.

Варфоломей меланхолично подпер щеку кулаком и пригорюнился.

— Что мы здесь делаем? — спросил он в пространство.

— Да как обычно, — отозвался валлиец, — мы здесь присутствуем. Помимо своего желания, но с какой-то, явно наличествующей целью. Что тебя не устраивает? Викторианская эпоха, воспетая в книгах и фильмах...

— Ты на улицу выходил? — спросил его повар. — Ты видел этот чудесный туман? Это же даже не смог, это иприт какой-то! Как они этим дышат? Я всего с полчаса прогулялся, а у меня до сих пор горло дерет, и в легких как будто угольный склад образовался.

— Ну-ну, не преувеличивай так уж... — Фараон внезапно пришел в благодушное настроение и развалился на стуле, прихлебывая чай. — Есть же и плюсы. Представь, сейчас ты находишься там, где по одним улицам с тобой ходят Киплинг, Конан Дойль, Оскар Уайльд...

— Джек Потрошитель, — в тон ему продолжил Вар и осекся. В пабе наступила нехорошая, звонкая тишина, разбавляемая только уличным шумом, едва пробивавшимся через толстые оконные стекла.

Мануанус взъерошил загривок, припал к стойке, выпустив длинные желтые когти, ощерился в кривой усмешке, разом перестав быть нелепым и нестрашным.

— Потрррошить... — каркнул он. Красный огонек загорелся в его глазах, затянувшихся непроглядной чернотой.

— Какой сейчас месяц? — спросил Фараон. Ответил сам себе: — Начало августа. Неплохо нас занесло...

— Осталось совсем немного, — Вар сказал это, и ему вдруг смертельно захотелось выпить. Он бросил взгляд на полку с бутылками, валлиец, который этот взгляд перехватил, тут же, с грацией Гудини достал откуда-то из воздуха два тяжелых серебряных стаканчика. Наполнил их из черной бутылки без этикетки, которая в следующее мгновение снова исчезла в таинственных недрах стойки. Варфоломей решил не уточнять название — просто взял стаканчик, плеснул в рот, задохнулся от ароматной крепости, шумно выдохнул.

— Бочковой, — Фараон повторил его действия, потом с полминуты сидел, уставившись остекленевшими глазами в одну точку, о чем-то напряженно размышляя. Пожал плечами и встал.

— Поздравляю, коллега. Похоже, мы здесь именно поэтому. Вот только я ума не приложу, как к этому делу подобраться. То, что Скотланд-Ярд облажался в поисках Потрошителя, понятно — с таким они до сих пор еще не сталкивались, да и тот инспектор, которому потом передали дело... как его... Абберлайн, да... умом не блистал. Впрочем, вообще всем было наплевать, кроме репортеров. Подумаешь, какие-то шлюхи, да еще из самых дешевых, кому они нужны? — валлиец прошипел ругательство на родном языке. — А версии? Версий, дорогой Вар, у нас больше десятка, как и подозреваемых. Даже Ван Гог в список попал.

— Seriously? — изумился повар, и немедленно, при молчаливом одобрении компаньона, выпил еще стаканчик бочкового.

— Угу. Парикмахер Космински, американский шарлатан Тамблти, врачи, студенты, художник Сикерт, моряк Садлер... Герцог Кларенс, внучок королевы Виктории, кстати, тоже. Но у него алиби, ученые выяснили.

— И на том спасибо. С герцогом пришлось бы повозиться, там охраны полно... — вздохнул Вар. Фараон прекратил загибать пальцы, подсчитывая подозреваемых, и посмотрел на него с нехорошим предчувствием.

— Повозиться? Охрана? Ты о чем?

— Ну, если они все известны, то просто найти каждого, да и...

Повар покосился на сантоку.

— Дорогой Вар! Ты еще сувенир из Рима, тунику свою, от крови не отстирал, — задумчиво улыбаясь, сказал Фараон. — Вообще, ты как это представляешь? Вместо Джека и историю Лондона войдет Бартоломью-Потрошитель? Отличный метод профилактики преступности, нечего сказать! Шерлок Холмс плачет от зависти, никакой дедукции не надо. Давай просто зарежем всех плохих, чтобы спасти всех хороших!

— А сам-то что предлагаешь? — огрызнулся в ответ Варфоломей. — У тебя где-то под рукой есть армия следаков и экспертов-криминалистов с аппаратурой по анализу ДНК? Давай, вытаскивай кролика из шляпы, сэр Копперфильд!

— Не знаю, — спокойно ответил валлиец, — не знаю. Думать надо.

— Некогда думать.

— Но надо. Ладно, пойду-ка я, открою паб. За полдень перевалило уже, сейчас набегут... жаждущие и страждущие. Готовь фиш энд чипс, сэр повар, обойдутся без разносолов.

Фараон

В полночь, когда последний посетитель допил свою пинту и покинул паб, я закрыл ставни, задвинул засов и вздохнул с облегчением. Теперь можно и расслабиться.

Все-таки хорошо, что наш паб стоит не в самом сердце чертовых ист-эндских трущоб, где все кругом похоже на зомби-апокалипсис. «Дубовая Бесс» ... или «Смутный Лист» ... дьявол бы побрал все эти переименования! — так вот, наш гулящий кабац со вкусом расположился недалеко от Тауэра. Исторический центр Лондона, между прочим, куда часто захаживает более-менее «чистая» публика, и где количество «бобби» на душу населения куда выше, чем в трущобных переулках. Тоже, конечно, не люкс, рядом доки, откуда в Ист-Энд прибывает всякий иммигрантский сброд и валом валят пьяные матросики, ищущие приключений на свой бушлат.

Кроме того, у нас не подают ничего крепче пива. Сначала я как-то не обратил внимания, но оказалось, что сразу после попадания в Викторианскую эпоху, «Дубовый Лист» исключил из своего алкогольного ассортимента все, кроме двенадцати видов эля, трех сортов портера, да еще некоторого количества бренди. Часть определенного контингента — сразу мимо, проституткам, «потерянным» (так здесь называют самых опустившихся бедняков) и матросам подавай напитки покрепче. Дернул рома или джина, заполировал его портером, и вот уже в крови бурлит огонь желаний. Главным образом, желаний почесать кулаки об рожу ближнего своего, по-быстрому задрать подол гулящей девке, а потом еще раз накатить стаканчик, чтобы забыть о тяготах морской службы. Которая, как известно, еще с полвека назад держалась в Британии на трех китах — роме, плети и содомии.

Что-то я увлекся размышлениями, которые увели меня далеко от главной темы. Как быть с Потрошителем? Я закурил трубку и принялся изучать карту Лондона, которую

оставил кто-то из посетителей. Карта из магазина Стэнфорда, напечатанная на дешевой бумаге специально для приезжих, мятая и захватанная пальцами, была покрыта разнообразными пятнами, и, похоже, в нее заворачивали соленую рыбу. Но свою задачу она выполняла исправно, здесь было указано все, что нужно. Правда, без увеличительного стекла некоторые переулки не разглядеть, до того мелко. Я отыскал на карте Тауэр, потом лондонские доки, скользнул взглядом по Коммерциал-стрит. Ради интереса отыскал Марк Лейн, наше временное пристанище ... С чего начать?

Думал я долго, мысли то и дело перескакивали с одного персонажа той давней, темной и зловещей истории на другого. Кто? Кто из них? Где они сейчас?

Так ничего толком и не придумав, я махнул на все рукой, решив, что свежая голова куда важнее. И отправился спать.

Вар, кстати говоря, чувствовал себя в этой эпохе просто прекрасно, несмотря на его жалобы. Когда он впервые появился на пороге в клетчатом пиджаке, добротных брюках на подтяжках, жилетке с часовой цепочкой и синей рубашке, его с легкостью можно было принять за коренного лондонца. Разве что ширина плеч и непривычная для здешней моды бритая голова под котелком выделяли его из общей людской массы. Мой приятель мгновенно обзавелся полезными знакомствами, побоксировал с чемпионом квартала Фредди Лейнстером, отправив того в глубокий нокаут, чем завоевал огромное уважение местных «деловых»; придирчиво изучил цены на мясо, уголь и пиво. И, конечно же, посетил пару значных мест.

— Театр тут — полный отстой, — поделился он своими впечатлениями, вернувшись однажды под утро. — Я в школьном драмкружке лучше играл. Представляешь — на сцене какой-то придурок изображает отважного рыцаря Ланселота, который спасает девицу из лап дракона. Дракон, ясное дело, из говна и палок... то есть, из какой-то рогожки с дерюгой пополам, на Ланселоте доспехи из картона, про меч я вообще не говорю. Но это все ерунда, народ-то пришел посмотреть на невинную девицу, ждущую своего спасителя. На девице, как полагается, из одежды только цепи. Кстати, откуда они у дракона взялись, непонятно. А лет той невинной...! Больше, чем дракону, и на лице такой слой штукатурки, что я в Японии меньше видел на актерах кабуки. И ничего, публика орет в восторге, хлопает, кругом ворье карманы чистит, только свист стоит, кому-то морду бьют — тут это называется «джентльмены боксируют». Здесь же пьют, едят, читают газеты. В общем, культура по высшему разряду. Хорошо, что семечек еще не придумали, там бы шелухой по колено все было завалено...

Оставив меня в глубочайшем изумлении (как-то трудно было представить себе Вара, играющего на сцене), он поднялся к себе и уснул сном праведника, чтобы на следующее утро уже греметь сковородками у плиты, нехорошо поглядывая на трехногий стул, когда-то бывший поваром.

Мне в Лондоне, как всегда, досталась почетная, но хлопотная роль бармена. Стоять за стойкой, наливая пиво и выслушивая истории — не самое простое дело. Особенно если в паб постоянно заходят те, кому позарез нужен глоток джина. И кто остается страшно недоволен тем, что никакого джина нет. Пару раз приходилось доходчиво объяснять, кто здесь неправ. До одного случая.

В тот вечер все было прилично. Я уже размечтался о том, что через пару часов паб закроется и настанет полное благолепие, но тут на стойку упала тень, я поднял глаза и все мечты моментально испарились.

— Эй, друг! — рев, раздавшийся из глотки этого монстра, с трудом походил на человеческий голос. Больше было похоже, что ожила иерихонская труба. — Нацеди-ка мне джина! Да побольше, не жмись, а то вашими стаканами только детей пугать!

Росту в этом морячке было поболее двух метров, а ширина плеч такая, будто под грязную рубаху вставили стальную балку, да так и забыли вытащить. Руки, каждая толщиной с мою ногу, и голова — крохотная, с носом-картошкой и маленькими глазками в окружении бесцветных ресниц. Моряк Попай на максималках какой-то. И гораздо менее дружелюбный.

— Оглох, что ли? Джин тащи! — снова заревел этот голем, стуча по стойке татуированной ручищей. Доски жалобно затрещали.

— Не подаем, — сказал я, прикидывая, какой ожидается разгром. Голем замер, через несколько секунд на его бесформенной морде появилось выражение совершенно детской обиды. Из-за его спины высунулась какая-то гнилозубая физиономия.

— Э-э! Землячок, ты не понял Барни, что ли? Не шути с ним, он шуток не понимает. Давай джин!

— Ты откуда, с Андаманских островов сбежал, что ли, рыло каторжное? — вежливо осведомился у него Вар, который незаметно вышел из кухни, и теперь занимался тем, что неспешно наматывал на кулак толстый кожаный ремень для правки опасной бритвы, который до этого висел на дверном косяке. — Там теперь таких клоунов держат? А вы вместе отлично смотрите, прямо Панч и Джуди.

— Чё? — от неожиданности поперхнулось каторжное рыло и вытянуло щетинистую шею. — Барни, чё он там вякнул?

— ДЖИНА!!! — взревел голем так, что с потолка посыпалась пыль. Паб моментом опустел, все посетители поспешили убраться на улицу.

— Побоксируем, джентльмены? По правилам маркиза Куинсберри? Без перчаток, как Салливан? — самым светским тоном предложил Вар, легким движением перемахивая через стойку. — Хотя нет, разве могут быть между нами условности? Никаких правил! Держу пари, ваша дрессированная горилла сдохнет уже через минуту.

Горилла, засопевшая злобно, оказалась на удивление проворной: кулак, больше напоминающий пушечное ядро, пронесся над головой Вара в угрожающей близости, и едва не смахнул со стойки бутылку портера.

— Дамы приглашают кавалеров! — орал повар. — В колледже я неплохо боксировал! Тора-тора-тора! Ой, держите меня семеро, не буду кудри завивать!

Похоже, он был в хорошем настроении. Наверное, выспался. Я даже позавидовал. Вся эта ахиня сопровождалась чем-то похожим на стиль «пьяного мастера» из фильмов Джеки Чана, при условии, что этот мастер пил бы исключительно русскую водку и только гранеными стаканами. Скользящим подкатом Вар нырнул под ручищу морячка Барни и великолепным хуком отправил каторжное рыло вместе с его обладателем в долгий полет мимо столов и стульев.

— Узрите гнев праведных! — торжествующе провозгласил мой компаньон, потрясая кулаком. И тут же пропустил такой удар в ухо, от которого у нормального человека голова просто оторвалась бы и улетела в окно. Он крепко приложился к стене и ошеломленно затряс головой. Барни довольно заворчал и навис над ним всей своей тушей. Я напрягся и потянулся за револьвером. Убивать никого не хотелось, но и Вара терять я не собирался. Привык за это время, даже привязался к нему, что ли.

Рукоятка револьвера как-то непривычно легла в руку. Я вытянул пушку из-под стойки и

оторопело уставился на нее. Вместо добротного привычного «Уэбли» я держал древний капсульный «Бомон-Адамс».

— А чего сразу не пеппербокс? — осведомился я в пространство. — Или давай уже «Смутную Бесс», чтобы к названию подходило!

Вар отлип от стенки и с хрустом размял шею.

— Русские... не сдаются! — он нехорошо оскалился, уклонился от очередной могучей колотухи моряка и молниеносно, со всего размаха пробил тому локтем в лоб. Отскочил, крякнул и добавил окованным железом носком ботинка точно между ног. — Первое правило бойцовского клуба — никаких правил!

Горилла Барни был размером с пожарную каланчу, а весил он, наверное, как йоркширский бык, не меньше. Электрические импульсы между его синапсами двигались, как товарняк с углем на сортировке в Ливерпуле — так же медленно, поэтому на мощный удар в лоб любитель джина не отреагировал никак. Но вот между ног, похоже, с нервами все было как надо. Барни тоненько хрюкнул, его маленькие глазки внезапно выпучились и стали похожи на крикетные шары. Он грохнулся на колени и обеими руками вцепился в свое драгоценное хозяйство, широко раззявив пасть с редкими зубами. Из пасти доносилось полузадушенное бульканье.

— Том Ям Гун! — гаркнул Вар, потом подпрыгнул, приземлившись коленями на плечи голема, и обрушил тому на макушку ребро дубовой разделочной доски, которую мгновение назад небрежно смахнул со стойки. Я обычно раскладывал на ней пасьянсы.

Толстенная доска, весом в добрых двадцать британских фунтов с глухим стуком врезалась в не менее толстый череп. Я аж зажмурился. Дерево победило. Барни, так и не успевший убрать руки от самого дорогого, просто упал вниз лицом. Паб содрогнулся.

— Как пали сильные, погибло оружие бранное! — крушение исполина атеист Вар прокомментировал библейскими строками из Книги Царств. Потом он сел на стул и со стоном прижал доску к стремительно распухающему уху. — О-о-о, прохладненькая какая...

Глава 15. Последний бой

Осень 1888 года. Лондон, Ист-Энд

Варфоломей

Не люблю, когда меня бьют по голове. И по уху тоже. Здесь, в этом времени, такие вещи выглядят вполне естественно — ну, как пива выпить, что ли. Лондон, викторианская эпоха, торжество белого человека в Империи, над которой не заходит солнце. Джентльмены боксируют, простолюдины чешут кулаки. Каждый оборванец здесь, если он уж не совсем опустился и не дробит камни где-нибудь в работном доме, считает зазорным выходить на улицу без цилиндра, даже проститутки носят платья в пол, а в Букингемском дворце сидит Вдова, воспетая Кипплингом. Одним словом, великая эпоха, от которой так и разит кровью, порохом, углем и ханжеством. В полный рост. Пожалуй, Древний Рим мне нравился больше...

Куда-то не туда меня занесло. Это все меланхолия, видимо оттого, что никак не получается разобраться с главной задачей, ради которой мы торчим здесь уже долго. Найти Потрошителя — обезвредить Потрошителя — выпотрошить Потрошителя... хотя вот, с последним Фараон не согласен. Добрый человек мой компаньон. По его мнению, достаточно просто пристрелить маньяка, и на этом считать нашу миссию законченной.

Сентябрь и октябрь пролетели со скоростью пули, выпущенной из «смуглой Бесс». Но так получилось, что нам не удалось предотвратить убийство ни Элизабет Страйд, ни Кэтрин Эддоус — двоих проституток, которых Потрошитель или кто-то вроде него лишил жизни в один и тот же день, 30 сентября. Дату и время мы знали, место тоже было известно благодаря отличной памяти валлийца. Бернер-стрит — та еще дыра, Уайтчепел славится трущобами, но эта была просто одной из самых выдающихся. Буквально пять шагов до относительно приличной Коммершиал-роуд, но контраст просто разительный. Рабочий клуб, который располагался по соседству, особо не скрашивал это мрачное место. Впрочем, Элизабет было все равно, она просто обходила этот район по привычному маршруту, пытаясь склеить какого-нибудь припозднившегося моряка или солдата.

30 сентября 1888 года. Уайтчепел, Девоншир-стрит

Фараон и Вар

— Слышь, парень, — Вар остановил мальчишку, по виду — ученика сапожника, который уныло тащился вдоль стены со здоровенным деревянным ведром, полным помоев. Сдвинув грязный картуз на затылок, паренек оглянулся и испуганно вжался в черные от копоти кирпичи. Вид лысого здоровенного громилы, пусть и щегольски одетого, не располагал к задушевым беседам.

— Да не дрожи ты! — досадливо поморщился повар. — Держи вот...

Шиллинг блеснул в воздухе, мальчишка шустро перехватил монету и присвистнул, не веря своим глазам.

— Это за што ж платите? — сипло спросил он, зыря по сторонам.

— За пару слов, — цыкнул зубом Вар, крутанув между пальцами еще одну монетку, — а скажи-ка мне, малый, где тут Майкл Кидни обитает?

— Кидней? — уточнил мальчишка. — Который в доках работает?

— Ну, — в разговор вступил валлиец. Фараон артистически изобразил презрение ко всему окружающему миру, смешанное с легким похмельем. — Ты эт', пострел, не тyani. И

без тебя тошно, а тыт тут еще со всоими помоями... Кидней, или как его там, у которого баба еще такая долговязая, дает за деньги... тут он живет?

— А то! — закивал головой мальчишка и ткнул куда-то вглубь двора. — Вон там, дверь зеленая, на которой венок висит! Там они живут, второй этаж по лестнице, не ошибетесь. Только это, мистер... Кидней, он злой как бес, не то, что Лиззи. Чуть что, сразу в кулаки.

— Эт' ничего, — барственно взмахнул рукой Фараон, — эт' мы понимаем. Ладно, катись давай, и не расплеши.

— Стой, — повар кинул вторую монетку, которую ошалевший от радости паренек поймал так же ловко, как и первую. Простучали торопливые шаги, и в переулке снова стало безлюдно. Почти.

— Ну что, изучим местность? — осведомился валлиец, скущаяще оглядевшись по сторонам. Но его компаньон уже решительно шагнул в темень двора.

— Было бы что изучать... — донеслось глухо из полумрака.

Зеленую дверь можно было назвать таковой только с очень большой натяжкой. Судя по всему, у нее была долгая тяжелая жизнь. Дверь пинали грубыми ботинками, резали ножами, об нее тушили окурки дешевых сигар и даже, очень на то похоже, бились в нее головой. Венок и правда имелся: жалкая кучка сухих грязных листьев, каким-то чудом удержавшаяся среди всех треволнений.

Варфоломей толкнул дверь, но облупившиеся доски не поддались.

— На себя, — буркнул валлиец, — ты как маленький. Ясно же, что если дверь наружу открывается, то вышибить ее тяжелее. Вот и делают так.

Повар пожал плечами и дернул почерневшую латунную ручку.

Узкий коридор встретил их непередаваемой смесью запахов. Задохнувшийся от неожиданности Фараон сдавленно выругался, прикрывая нос рукавом пиджака. В застоявшемся тяжелом воздухе самым чудовищным образом перемешалось все: дух подгорелой прокисшей еды; сырость несвежей одежды, кое-как выстиранной с помощью золы; вонь дешевого крепкого табака. Дерьмо и прочие вещи окончательно закрепляли этот «букет». Проморгавшись в полумраке, валлиец с удивлением понял, что лысый здоровяк широко улыбается.

— Ты чего, Вар? — просипел он.

— Да понимаешь, я все детство в такой общаге прожил. «Все жили вместе, дружно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», — отчаянно фальшивя, пропел повар. — Конечно, так у нас не свинячили. Времена не те. Но вот запахи... о да, запахи никогда не меняются. Прямо детство золотое в полный рост.

— Ничего больше не рассказывай мне про свое детство, — уткнувшись в рукав, пробубнил Фараон. — Я помню казарму, но по сравнению с этим там была просто парфюмерная лавка.

— Вы просто слишком цивилизованы, мой друг! — Вар шутовски прикоснулся к котелку и начал, скрипя ступенями, подниматься по деревянной лестнице. Наверху кто-то лежал и богатырски храпел, добавляя в общее амбре перегарный выхлоп. Вар перешагнул через тело, меланхолично отметив:

— Надеюсь, это не наш докер.

На втором этаже приятели осмотрелись. Дверей здесь было всего две. Одна, почему-то оклеенная клочьями старых газет, была заперта на огромный висячий замок, покрытый густейшей ржавчиной. Вторая, покрашенная в темно-красный цвет, щеголяла болтавшимся

на одном гвозде номером «2» и тряпкой у порога — дырявой и истертой почти до прозрачности. Тряпка, видимо, должна была заменять коврик.

— Выбор у нас не то, чтобы большой, — Фараон пожал плечами, и Вар, восприняв это как сигнал к действию, постучал в дверь кулаком. Через секунду с той стороны в доски грохнулось что-то тяжелое и пропитой, хриплый мужской голос проорал:

— Катись куда хочешь, шлюха! Я тебя пришибу, сказал же!

— Неласково нас тут встречают, — озадачился повар. Он еще пару раз саданул кулаком в дверь и встал вполоборота, предусмотрительно отодвинувшись под защиту стены.

— Да чтоб тебя, сука! — под рев разъяренного быка дверь, выбитая могучим пинком ноги, распахнулась, жалобно крякнув на петлях. В дверном проеме возник кряжистый силуэт босоногого мужчины, одетого в одни лишь штаны.

— Майкл Кидни... Кидней? — вежливо уточнил повар.

— Чего? — из дверей поперла волна густейшего сивушного перегара. — Ты кто? Да я..!

Докер взмахнул кулаком, но больше сказать ничего не успел. Удар с правой у Вара был отменный. «Каждый раз удивляюсь, а пора бы уже и привыкнуть», — отрешенно подумал валлиец, вслед за компаньоном переступая порог комнаты.

— Мы к вам, мистер Кидней, вот по какому делу... — задумчиво объявил Вар, уклоняясь от встречной атаки. — Оп! Да что ж вы такой неугомонный? Н-на! Где ваша жена, мистер Кидней?

— Х-хэк! Не жена эта потаскуха мне! А ты кто? Хахаль ееный, что ль?

— Я тебе уже два ребра сломал! — заорал Вар, теряя остатки дружелюбия и вежливости. — Угомонись, идиот!

— Да я на ринге против самого Черного Питера Кери продержался десять раундов, ты, щенок! — заревел в ответ докер. — И тебя сейчас... ух!

Что-то упало так, что вздрогнул весь второй этаж. Наступила тишина.

— Ну и зачем? — спросил Фараон, усаживаясь на единственный колченогий стул, который нашелся в комнатухе. — Ты же ему точно не два ребра сломал, а все четыре.

— Кипяток какой горячий! — огрызнулся в ответ Вар. — Ты сам видел, я по-честному предлагал успокоиться. Черт... локоть об его челюсть отбил. Где таких делают? Смотри, уже шевелится. Другой бы полчаса провалялся.

— Суровый век, — пожал плечами валлиец, — и люди такие же. Не удивлюсь, если у него и ребра уже зажили.

— Ну нет, вот это я гарантирую... Кидней! Кидней! Очухивайся уже!

Повар взял со стола оловянный кувшин, понюхал содержимое, поморщился и вылил затхлую воду на голову павшего бойца. Майкл Кидней зарычал, перевалился на живот и неуклюже поднялся — сначала на четвереньки, потом на колени. И застыл так, покачиваясь. Струйки воды текли с его волос и свалывшейся бороды на голую волосатую грудь и плечи.

— Че... вы кто... — бормотал он, моргая налитыми кровью глазами.

— Мы только спросить, — успокоил его Вар. — Жена твоя где?

— Же-на...? Какая жена?

— Твоя, блин! Элизабет Страйд! Где она?

— Да откуда я знаю-то? Мы уже дня три как поругались, и эта дрянь сбежала! Еще и выгребла из кошелька у меня все до фартинга! Найду — убью!

— Ну твою же мать... — в сердцах простонал повар, тоскливо глядя на Фараона. — И тут облом.

— Давай хоть поспрашиваем, — вздохнув, отозвался его приятель. Повар, побрезговав присесть на кровать (больше было некуда), вонючую и кишевшую клопами со времен исхода Моисея, встал посреди комнаты и начал задавать вопросы.

Спустя десяток минут выяснилось, что:

— Страйд и Кидней действительно поругались, и было это не три, а все четыре дня назад («После моей двойной смены, ага», — уточнил докер.);

— никто ее не бил, сама сбежала, «исключительно по вредности характера»;

— искать «эту тварь» точно надо в ночлежке на Флауэр-и-Дин-стрит;

— пусть лучше не возвращается.

— Ладно. Больше от тебя ничего не добиться, я уже понял, — Вар развел руками. — Пойдем отсюда. Дело-то уже к вечеру, а из этого гадюшника еще как-то выбираться надо.

— Э! — подал голос Кидней, который уже встал и теперь держался руками за голову.

— Чего? — с интересом посмотрел на него повар.

— На поправку здоровья бы с вас причитается... — осклабился докер в широкой щербатой ухмылке.

— А... Это можно, — покивал головой Вар и, развернувшись на пятке, вбил кулак — теперь уже левый — в челюсть предвкушающему мзду работяге. Второй этаж дома снова содрогнулся.

— Ну зачем ты так? — поднял брови Фараон.

— Задолбало! — яростно ответил здоровяк и начал спускаться по лестнице. — Ты видел, у него там ремень валяется, с палец толщиной и весь в крови? И на роже царапины... Он же наверняка метелил ее смертным боем, потому и сбежала! Ладно, я так понимаю, тетенька, конечно, тоже не ангел, но этот шкаф слона за милую душу убьет. Пусть сейчас полежит, подумает. В доки ему попасть в ближайшую неделю точно не светит.

— Понятно, — резюмировал валлиец.

Они вышли во двор.

Ночлежка на Флауэр-стрит была еще более кошмарным заведением, чем все, что Фараону и Вару довелось увидеть в Уайтчепеле за проведенное здесь время. Шаг за порог — и полное ощущение, что вокруг раскинулся филиал ада. Здесь не было даже кроватей. Жирные от копоти и грязи стены, заплесанный, отродясь не мытый пол, черные деревянные скамьи, отполированные тысячами задниц, а над ними протянуты засаленные веревки — от стены к стене.

— Это зачем? — не понял Фараон, но повар, уже поднаторевший в местных традициях и обычаях, просветил его.

— Вот наступит поздний вечер, сюда сползутся «потерянные» со всей округи, усядутся на скамейки, а под мышки им проденут эту веревку. Натянут потуже — и сладких снов, спите сидя, веревка упасть не даст. Наступит пять утра, вышибалы веревку отвяжут, и вся эта спящая орава кучей повалится с лавок на пол. Значит все, пора и честь знать, шагайте отсюда и не задерживайтесь. Кто заработает пару пенни за день — милости просим снова на скамейку и на веревку. Так и живут...

— Кошмар, — пробормотал Фараон. В этот момент он был особенно рад тому, что их с Варфоломеем ждет чистый и уютный «Дубовый Лист».

— Ну что ты, — ухмыльнулся повар, — какой же это кошмар? Это старая добрая Англия. Эй, мисс! — заорал он, ускоряя шаг. Высокая, худая женщина в черном платье с белым воротничком, похожая на сушеную селедку, посмотрела на него без всякого интереса.

— Подожди здесь, хорошо? — Вар хлопнул валлийца по плечу и подошел к женщине, о чем-то оживленно с ней заговорив. Фараон остался стоять на углу напротив ночлежки. По привычке он было привалился к стене дома, но тут же, чертыхаясь, выпрямился и принялся отряхивать выпачканный в саже рукав визитки. «Осторожнее надо быть, — сказал он сам себе укоризненно, — это не наши чистые времена. Хотя в Ливерпуле и сейчас особо не прислониться, скажем честно».

Вар, что-то втолковывавший селедке, махнул рукой, приподнял котелок и пошел через улицу, мимоходом присвистнув вдогонку хорошенькой зеленщице, торопившейся со своей корзиной в более освещенный район, где газовые фонари исправно работали.

— Я гляжу, ты тут совсем обжился, — удивленно сказал валлиец.

— Да брось, — повар усмехнулся, — просто маскируюсь. Главное в нашем деле — выглядеть за своего.

В каком «нашем деле» повар не объяснил, но по его озабоченному лицу валлиец понял, что дела не очень.

— Нету ее тут, — процедил Вар сквозь зубы, — ушла давным-давно. Куда, понятное дело, никто не знает, но ясен день, работу работать. У них же все просто. Не заработал шесть пенсов на ночлежку — давай, оставайся на улице. А там, будь на тебе хоть с десяток нижних юбок, ночь выдержать не просто. Ну одну, ну две... А потом снесут, если не в госпиталь на койку, то в братскую могилу, как неопознанное тело.

— И что делать? — спросил Фараон. Вопрос был глупый, но надо было что-то сказать, потому что молчать было неправильно.

— Что-что... — буркнул повар. — Есть пара соображений. Сейчас мы...

Что «сейчас», договорить он не успел. Бульжники улицы загудели под чьими-то торопливыми шагами, и звонкий мальчишеский голос прорвался сквозь вечерний шум и гомон Уайтчепела.

— Мистер Бартольмью! Мистер Бартоломью! Это же вы?

— Что за...? — ошеломленно вскинулся Вар и завертел головой в поисках источника звука. Им оказался оборванный парнишка, подтягивавший саржевые штаны на помочах и зыркавший глазами из-под сползавшего на нос ветхого цилиндра, больше похожего на прокопченный блин.

— Я это! — рявкнул Варфоломей. — Чего тебе?

— Мистер Бартоломью! — обрадованно заверещал пацан. — Там это! Убивают!

— Кого? — осведомился здоровяк, машинально хрустнув костяшками кулаков.

— Там, в пабе! Убивают! Кровища! — мальчишка дышал заполошно, поводя боками, как загнанная лошадь.

— Да не части ты. Кто? Где?

— Велели за вами послать! — выкрикнул паренек и нырнул в толпу, призывно махнув рукой.

— Твою...! — выматерился Вар и кинулся следом. Фараон, скрипнув зубами, последовал за ним.

Улица возле паба была тиха и пустынна. Фонарь поодаль горел безмятежным газовым светом, чуть-чуть посвистывая, когда напор в газопроводе становился сильнее. Никаких следов потасовки не было видно. Валлиец и повар вломились в деревянную дверь и растерянно остановились на пороге.

В пабе было... да все было как обычно. За стойкой шустрил Питер, сын конопатчика,

проживавшего неподалеку. Толковый парень, не зря отец очень просил пристроить его к делу; сразу научился отличать один сорт эля от другого и не путать краны. Питер вскинул недоуменный взгляд от растрепанной книги, и неуверенно улыбнулся.

— Мистер Бартоломью! — просиял он. — Вы ж говорили, что сегодня вас не ждать... А книга такая... — он восхищенно всхлипнул. — Этот автор, мистер Стивенсон, пишет так, что и не оторваться! Остров сокровищ, надо же...

— Потом, Питер, потом! — нетерпеливо прохрипел запаленным горлом Фараон, счищая об острый железный уголок остатки конского яблока с подошвы. — Где убийство? Кого убили?

— Убийство? — поразился Питер, и захлопнул книгу, вложив между страницами соломинку. — Н-не знаю, о чем вы, мистер Фараон...

— То есть? — лязгнул зубами повар, прокрутив между пальцев холодно свистнувший Зангецу.

— Все как обычно... — растерянно доложил Питер. — Выручка неплохая, пара бродяг решили было пошуметь, но их быстро успокоили...

— Так, — голос Фараона лязгнул в тишине, будто затвор винтовки, — похоже, друг мой, нас, как бы это сказать...

— Накололи, — ответная реплика Варфоломея прозвучала абсолютно безэмоционально. Синеватая сталь сантоку с шорохом скользнула в кожаные ножны на бедре.

— Похоже на то. Но кто и зачем?

— Затем, что кто-то хотел увести нас подальше от Элизабет Страйд, вот зачем.

— И что теперь?

— Теперь? А теперь мы бежим обратно! — заревел повар так, что Питер за стойкой выронил из рук том «Острова сокровищ» и присел опасливо, а несколько посетителей расплескали эль из кружек.

Фараону было нечего возразить.

Конечно, они опоздали.

Варфоломей присел над телом, распластавшимся вдоль стены в темном грязном переулке, и осторожно тронул пальцем пакетик леденцов от горла, крепко зажатых в вытянутой вверх руке.

— Вот же мразь... — проскрежетал он. Фараон сделал несколько шагов, тщательно следя за тем, чтобы не наступить в лужу крови, расползавшуюся от перерезанного горла.

— Пилера звать будем? — тихо спросил он.

— Сейчас, — повар поднялся, аккуратно шагнул назад и вдруг замер, углядев что-то в почти непроглядном мраке, стиснутом в арке между грязными стенами. — Ага... Что тут у нас?

— Нашел что-то? — спросил валлиец.

— Точно, — отозвался его приятель, и подобрал квадратик плотной бумаги, валявшийся рядом с телом. Развернул, пошуршал, чиркнул фосфорной спичкой. Помолчал и сообщил радостно.

— набросок какой-то. Вроде углем, или сангиной... не пойму.

Помолчал еще и хрипнул невесело.

— Я понял. Теперь я точно понял.

Варфоломей

Бывают такие дни, когда не получается вообще ничего. Вот не получается — и все, как отрезало. За что ни возьмись — все валится из рук, и даже самое простое дело способно выбить вас из колеи, потому что обязательно застопорится, пойдет не так, как хотелось.

Спасти Элизабет у нас не получилось, и на место убийства Кэтрин Эддоус мы тоже не успели — пьяный кэбмен спутал адрес. Потом возница клялся и божился, что «будто помрачение какое-то, джентльмены, двадцать лет тут езжу, и ни в жисть!». Словно кто-то раз за разом ловко и незаметно уводил нас в сторону от верного пути, путал карты и заставлял время нестись сумасшедшими скачками, так что мы никуда не успевали вовремя.

Одна из теорий, которыми ученые объясняют невозможность существования машины времени, говорит о том, что прошлое изменить нельзя, оно будет отчаянно сопротивляться любым попыткам как-то его переkreить. Это как плыть в цементе: вроде бы просто пыль, но при такой структуре имеющая свойства жидкости, и не позволяющая пловцу двигаться.

Впрочем, невозможность машины времени мы успешно опровергли. «Дубовый Лист» и был той самой машиной, но вот с какой целью и кем запущенной — непонятно. Я устал ломать над этим голову еще на Юконе и решил — будь что будет, разберемся на месте.

А сейчас, после неудачи со спасением Элизабет Страйд и ее товарки я решил, что лучший способ справиться со злостью — просто поменять занятие. Поэтому я собирался приготовить еду. Викторианскую, если вам это о чем-нибудь говорит.

Фараон

Выбираться из того переуллка, где прикончили Лиззи Страйд, нам пришлось осторожно и с перерывами. Мы уже было шагнули туда, откуда доносился приглушенный вечерний шум улицы, но пришлось резко развернуться, взять ноги в руки и спрятаться за наваленными у стены вонючими бочками. Судя по запаху, в них долго и мучительно умирала какая-то рыба, а потом ее забыли похоронить и оплакать. Вар рядом со мной беззвучно шевелил губами. На молитву это было не похоже, лицо уж больно злое. За бочками мы спрятались потому, что кто-то резвый и сознательный все-таки позвал полицейских, а блюстители закона прибыли на удивление быстро. Видимо, патруль как раз обходил этот квартал очередным дозором.

Первым добравшийся до тела проститутки констебль выругался и присел на корточки, осматривая труп. Потом встал и поднял над головой руку с фонарем, внимательно вглядываясь во мрак переуллка. Его напарник сделал то же самое. В щель между бочками мне было видно их лица. А вот на наш счет я был совершенно спокоен. Полицейские фонари «бычий глаз» были совершенно дурацким устройством, которое давало света лишь чуть больше, чем какая-нибудь полудохлая лучина. Что этот фонарь делал хорошо, так это обжигал пальцы владельцу, неосторожно схватившемуся за раскалившееся железо. Знаю, хватался.

Пилеры осмотрели переулок и ожидаемо никого и ничего не увидели. Вислоусый констебль выругался еще раз, с чувством и расстановкой, потом поглядел на своего молодого коллегу.

— Том! Чеши-ка ты до участка, пусть высылают телегу, чтобы забрать девку. Я пока покараулю тут. Или знаешь, что? Кликни на перекрестке какого-нибудь мальчишку, у него ноги все одно порезвее, чем у нас с тобой, пусть добежит возвращается назад.

— Хорошо, сэр, — молодой кивнул и исчез. Спустя несколько мгновений констебль досадливо сплюнул, вспомнив что-то важное, дернулся вслед за ушедшим и заорал:

— Эй, Том! Том! Вот черт... — он похлопал себя по карманам. — Спички! Остались у этого олуха, чтоб его. Теперь даже не покурить.

Он поглядел на труп, потом махнул рукой и пошел к выходу из переулочка, пробормотав: «Никуда ты не денешься, красотка, лежи тут без присмотра».

Когда страж порядка ушел, мы выбрались из-за своего вонючего укрытия и, стараясь не топтать, проскользнули в другую сторону. Почти у каждого переулочка два выхода, если это, конечно, не тупик. Наш вывел нас к каким-то строениям, похожим на угольные склады. Немного поблуждав в темноте, мы все-таки выбрались на людную улицу. Вар уверенно определил направление на наш паб — иногда я поражаюсь своему компаньону, его умение в любом, даже незнакомом городе находить дорогу кажется почти сверхъестественным.

Усталые, замерзшие и злые мы вернулись в «Дубовый Лист». Никак не могу привыкнуть называть его новым временным именем.

Пока я стоял под душем и приводил себя в порядок, Вар, тщательно вымыв руки и ограничившись этим, начал готовить что-то странное. Обычно я не совался на кухню тогда, когда мой друг творил там очередное кулинарное волшебство (или непотребство, в зависимости от настроения и ингредиентов). Но на этот раз не утерпел. Настроение было мерзким, поэтому я прихватил бутылку виски, пару стаканов и, сунув голову в приоткрытую кухонную дверь, вопросительно уставился на повара.

— Заходи, — хмуро сказал мне Вар. Поглядел на стаканы и пожал плечами: — Тоже вариант. Наливай.

Его руки в это время двигались словно сами по себе над разделочной доской. На доске лежала здоровенная баранья нога, извлеченная с ледника.

— Что это будет? — спросил я.

— Семичасовая нога, — буркнул повар.

— Что?

— Ну вот так называется это блюдо. Семичасовая баранья нога. Вопрос не ко мне.

Мы молча выпили. Потом мой компаньон попросил подать огурцы. Уже не удивляясь, я поставил на стол корзинку, полную свежих огурцов. Вслед за огурцами сюда же отправилась корзинка кабачков, потом штук двадцать крупных помидоров, десяток огромных луковиц и столько же головок чеснока. Груды овощей Вар принялся крошить мелкими кубиками — избежал этой участи только чеснок, часть которого, впрочем, была с хрустом раздавлена полотном ножа.

После этого баранья нога лишилась костей и была щедро нашпигована цельным чесноком.

— Черт! — рывкнул повар и потряс рукой. Посмотрел на меня совершенно круглыми глазами и принялся разглядывать указательный палец. С пальца срывались крупные капли крови.

— Порезался... — в голосе Вара я услышал громадное изумление.

— Все режутся, — философски заметил я, наливая по второй.

— Ты не понял, — помотал головой мой приятель, — я лет десять не калечил себе руку, да еще при такой простой работе! Это же элементарная нарезка!

Он бросил нож на доску и вылетел из кухни, на ходу заматывая палец чистой салфеткой.

— Мануанус! — заревел Вар. Обеспокоившись, как бы чего не вышло, я поспешно проглотил виски и поспешил за поваром.

— Ты! Чувырло хоботное! — орал Вар. — Твоя работа?!

Что такое «чувырло» я не знал, но переспрашивать как-то не рискнул, видя состояние приятеля. Щетинистый монстр обнаружился там же, где и обычно. Он царственно восседал

на шкафу с посудой, всячески игнорируя подбиравшегося к нему кота. При этом левым глазом Мануанус Инферналис внимательно следил за пушистым зверьком. Правый был выпучен и уставился на нас с Варом.

— Ну? — осведомился повар. — Твоих шаловливых лап дело? С чего бы я порезался-то?

Мануанус внимательно изучил окровавленный палец, потом облизнулся и шмыгнул хоботом.

— Неть, — прошипел он. — Не я.

Прежде чем возмущенный Вар спросил еще что-то, монстр встал в позу Цицерона выступающего перед Сенатом, и разразился укоряющей речью на варварской латыни. Несмотря на то, что совсем недавно мы разговаривали на этом самом языке с Суллой, понять Мануануса было сложно. Это было наречие бандитских кварталов Субуры, щедро перемешанное со словами из арамейского, греческого и сопровождающееся шипением и рычанием. Впрочем, я понял, что Мануанус недоволен и все отрицает. «Чуть что, так сразу я!» — общий смысл пламенной речи уловить было совсем нетрудно. Ткнув когтистым пальцем в сторону Вара, наш домашний монстр обличающе заявил:

— *Immortalis est? In jecorem cultellus — nemo est aeternus!* (Ты что, бессмертный? Нож в печень — никто не вечен!) — а когда задохнувшийся от такой наглости повар стал, зловеще ухмыляясь, подходить ближе, Мануанус сгреб в охапку недовольно мяукнувшего кота и одним прыжком переместился на другой шкаф, громко заявляя:

— *Ceterum censeo felem contrectandam esse!* (И все же я убежден, что кот должен быть поглажен!)

Кот не возражал. Но, видимо, в выражении лица повара было что-то такое, отчего Мануанус Инферналис вдруг сдался, бережно поставил кота на четыре лапы, вздохнул и с видом трагического актера сказал:

— О, *ilicet!* (Ой, всё!)

После этого, без малейшей заминки перешел на такой же убогий английский.

— Неть. Не я. Не виновать. Самь.

— Да чтоб тебя! — взбешенный Вар махнул рукой и сантоку, секунду назад мирно лежавший в чехле, свистнул в воздухе, пролетел через весь паб и воткнулся в картину, на которой потускневший от времени парусник героически боролся с бурей.

Нависшее молчание пришлось нарушить мне.

— Все равно плохо нарисовано. Вар, теперь, когда мы разобрались, может ты пойдешь и уже приготовишь что-то определенное?

Через пару минут идиллия была восстановлена. Мануанус, что-то попискивая, устроился в своем тряпичном гнезде и засопел безмятежно. Кот продолжил скакать под столами, охотясь на сушеную кроличью лапку. А мы снова заняли место на кухне.

— Так, — повар наморщил лоб, припоминая, — теперь нужен говяжий бульон. Литров этак шесть. Хорошо, что я выварил его еще вчера.

Кряхтя, он полез на ледник и притащил кастрюлю с бульоном. Бухнул на плиту, под которой уже бушевал огонь, второй котел, одним изящным движением закинул туда баранью ногу и кусище сливочного масла размером с два моих кулака. Сыпанул щедрюю горсть сухого тимьяна, соли и перца. Когда нога подрумянилась в масле, вывалил туда же покрошенные овощи, залил бульоном, к тому времени закипевшим, и закрыл котел крышкой.

— Все, — сказал он, потом поправился: — Ну, то есть, пока все. Теперь пусть варится, надо только следить и доливать бульон.

— Семь часов? — спросил я.

— Семь часов.

Удивительно, однако нога доварилась без происшествий. Надо сказать, что мясо получилось отменно — нежное настолько, что его можно было есть ложкой. Никаких происшествий больше не случилось, никто не вылил на себя кипящий бульон, нога не подгорела и не превратилась в скрюченную птичью лапу. Я заметил, что Вар все равно нервничает, но решил ничего не говорить. Ну хочет человек потрепать себе нервы, так кто ему помешает? Но потом я все-таки не выдержал.

— Что дальше-то? — спросил, глядя, как повар помешивает деревянной лопаткой в котле.

— Ты про еду, что ли? — неохотно отозвался он.

— Я вообще про все происходящее.

— Дальше действовать будем мы!.. — на какой-то неизвестный мне мотив пропел Вар, аккуратно прикрывая котел крышкой. Потом сел на стул и уставился на меня тяжелым взглядом человека, уже все решившего.

Я терпеливо ждал, покручивая в пальцах стакан с виски.

— Дальше мы его выловим и прикончим.

— Кого — «его»? Ты знаешь, кто это?

— И ты тоже знаешь.

Мой приятель порылся в кармане штанов и сунул мне тот самый свернутый лист бумаги, по краям захватанный пальцами, который он нашел в переулке. Я развернул плотный, хрустнувший на сгибе бумажный квадратик. Это был набросок — судя по всему, сделанный угольным стержнем. Сначала я ничего не понял, потом, приглядевшись, повернул лист боком, и из переплетения тонких и толстых линий вдруг выплыл рисунок комнаты. Мастерски сделано, ничего не скажешь. Видно было, что рисовальщик торопился, но при этом все штрихи были твердыми и уверенными. Я увидел темную и мрачную комнатку с единственным окном, закопченное стекло в котором едва пропускало уличный свет. Убогая, нищая обстановка: стол, пара скособочившихся стульев, какие-то бутылки и объедки на столе. Кровать... тут я присмотрелся повнимательнее и поморщился. На развороченной кровати лежала какая-то темная масса, в которой едва угадывалось человеческое тело. Несмотря на то, что набросок был черно белым, при одном взгляде становилось понятно — тело мертвое, а кровать залита кровью. Весь набросок словно дышал смертью и безнадежностью.

— Веселенький рисунок... — я повертел лист в руке и увидел на обороте едва различимую надпись. «Логово Потрошителя». — Да... В психическом здоровье автора есть серьезные сомнения.

— Не узнаешь? — спросил Вар. Я помотал головой. — Странно. А ведь ты сам называл имя художника, еще в начале. Это Уолтер Сикерт. У него своеобразный стиль, ни с кем не спутаешь. Когда ты упомянул про него, как про возможного убийцу, у меня было время, чтобы порасспрашивать о нем.

Сикерт! Ну конечно! Теперь я смотрел на набросок совсем другим взглядом. Тот самый Уолтер Сикерт, которого многие в наши дни считают настоящим Джеком Потрошителем. Вот только доказать это не удалось никому и никогда, поскольку сам Уолтер, будучи человеком чрезвычайно хитрым и умным, не оставил никаких зацепок. Судя по некоторым исследованиям, Уолтер Сикерт был не только весьма талантливым художником, но и

классическим, просто-таки хрестоматийным психопатом, хоть сейчас дай ему опросник Хэйра и карандаш. По большинству пунктов попадет в точку, я уверен. До самой своей смерти в начале сороковых годов живописец отмалчивался и ни единым словом не признался в своей причастности к кровавым уайтчепелским преступлениям. Так и прожил уважаемым господином, принятым, несмотря на свою эксцентричность, в высшем лондонском обществе.

Я вспомнил картину «Спальня Джека-Потрошителя» и снова посмотрел на набросок который держал в руке. Да, сходство очевидно. Вот ведь мразь!

Вар, который все это время смотрел на меня, не отрываясь, улыбнулся. Это была жесткая и безрадостная ухмылка охотника, который после долгой и тяжелой погони наконец-то навел ружье и держит добычу на прицеле.

— Ты знаешь, где его искать?

— Думаю, что адрес такого известного человека найдется в любом лондонском справочнике.

— Не так-то это просто, — поморщился я, вспоминая когда-то прочитанное.

— Почему?

— Понимаешь, Вар... он может месяцами не появляться у себя дома. Насколько я помню, все биографы Сикерта писали о том, что у него был чуть ли не десяток квартир, которые он использовал, как свои убежища — где-то устраивал студии и рисовал, где-то отсыпался после ночных прогулок по городу. Любил наш паренек побродить по темным улицам... А квартиры эти Сикерт всегда снимал на вымышленные имена. Сейчас в Лондоне с этим просто, это не наш век, когда кругом камеры и всюду требуют водительские права или удостоверение личности. В эпоху Виктории хозяйки квартир больше смотрели на то, как человек выглядит. Уважаемый джентльмен, не оборванец, разговаривает вежливо и готов заплатить вперед? Порядок, вот вам ключи, сэръ, живите на здоровье!

— Однако... — впечатлился Вар и крепко задумался. Потом решительно тряхнул головой и попросил: — Плесни мне еще, на два пальца. Похоже, придется ловить дяденьку прямо на месте преступления.

Я невольно похолодел, отчетливо понимая, о чем говорит мой друг.

— Мэри Келли...

— Да.

9 ноября 1888 года. Лондон, Ист-Энд, район Спиталфилдс.

Фараон и Вар

— Ненавижу... как я это ненавижу... — Фараон бормотал тихо, но злобно и достаточно отчетливо. Стоящий позади него Варфоломей поежился, поднял толстый высокий воротник шерстяного бушлата и поглубже надвинул на бритую голову засаленную кепку. Шел мелкий холодный дождь, который вот-вот мог превратиться в ледяную кашу из воды и снега. Над всем Ист-Эндом висел «гороховый суп» — смрадный туман, в котором перемешалась угольная гарь и вонь сгоревшего светильного газа, испарения от мокрой нестираной одежды и еще куча всего, о чем и думать-то совсем не хотелось.

— Прекрати свои стенания, — сказал повар, — а то подумают, что мы тут занимаемся чем-то непотребным.

— И всем будет наплевать. — резюмировал валлиец. Повар подумал и вынужден был согласиться.

— В общем, да.

— Э! Кто здесь? — хриплый голос прозвучал в темноте резко, будто карканье вороны. Фараон невольно вздрогнул; рука, скользнувшая глубоко в карман, нашарила рукоятку револьвера.

— А кто спрашивает? — насмешливо спросил Варфоломей.

— Че? Тут знаешь, чей переулочек? А? — шаткая фигура, смутным пятном маячившая перед компаньонами сквозь туман, подошла ближе. Потом дернулась и вскрикнула, когда громила-повар схватил ее за плечо и подтащил к себе.

— И чей же? — спросил он с обманчивым добродушием. Фигура еще пару раз дернулась в тщетной попытке освободиться. Это был крепко подпивший мужчина, одетый в драное пальто, сплюснутый грязный цилиндр и ветхие рогожные штаны, заправленные в стоптанные сапоги.

— А ты меня прогони, — в голосе Варфоломея теперь слышалось только холодное равнодушие.

— Не-не-не, я ж не со зла, — торопливо забормотал мужчина, съезжившись от страха, — я ж просто... вижу, стоят, а я домой иду, здесь я живу, каждая собака знает, я Тоби Хатчинсон, работаю на стройке... Вижу, господа вы приличные, ну дак я чего, стойте себе, сколько хотите...

— Шагай, Тоби, и не оборачивайся, — повар подтолкнул Хатчинсона, и тот поспешно юркнул в двери обшарпанной «меблирашки». Варфоломей тут же забыл про пьянчужку и снова застыл неподвижно, чувствуя, как ледяные капли стекают по щекам.

Стоять пришлось еще долго. Пару раз Фараон доставал карманные часы, щелкал крышкой и, чиркнув фосфорной спичкой об сухие кирпичи на стене, до которых не добрался дождь, разглядывал циферблат.

— Третий час ночи, — прошептал валлиец, в очередной раз изучив стрелки своего «мозера».

— Где ее носит? — недоуменно шепнул в ответ его приятель, и тут же подобрался, отшагнув еще дальше в темный угол. — Замри! Вот она!

Валлиец в очередной раз удивился способностям повара: похоже, тот видел в темноте, как кошка. Сам Бриан только и услышал, что приближающееся цоканье каблучков по булыжникам. Он прижался спиной к стене и постарался притвориться чем-то неодушевленным. Просто еще одна старая доска или рухлядь, наваленная в углу переулка. Не дышать. Тише... тише...

И тут, будто продолжая скверные шутки, которые с Варфоломеем и Фараоном все это время играли неведомые силы, где-то наверху, в небе, низкие тучи словно бы раздернула чья-то рука. Дождь перестал в мгновение ока: так садовник перекрывает кран поливального шланга. И, в довершение всего, в прорехе облаков ослепительно засияла луна. «Вот это подстава!» — тоскливо подумал Варфоломей, машинально натягивая кепку почти на самый нос. Мысли валлийца были исключительно непечатными.

К счастью, луна светила девушке прямо в лицо, так что Мэри Джейн Келли вряд ли могла видеть что-то впереди. Она прищурилась и невольно прикрыла глаза рукой, продолжая торопливо идти, почти бежать в сторону своего очередного временного пристанища.

«Красивая», — холодно и отстраненно подумал Варфоломей, из своего затененного угла рассматривая лицо последней жертвы Потрошителя. Черные волосы, тонкие черты, гладкая кожа — все это так разительно отличалось от грубых лиц потасканных уайтчепелских шлюх,

что повар недоверчиво прищурился. Он никак не мог понять, почему такая женщина ютится в трущобах, полных разномастного сброда, который ей не годился и в подметки. Еще одна мысль пронзила его, будто разряд тока, заставив вздрогнуть. А ведь они с Брианом — последние, кто видит это лицо. Потом, когда полицейские войдут в залитую кровью комнату, они найдут до неузнаваемости обезображенный труп, в котором опознать Мэри Келли можно будет только по одежде. Найдут... если Потрошителя не остановить. Повар скрипнул зубами и отогнал несвоевременные воспоминания прочь.

Подойдя к двери дома на Миллерс-Корт, Мэри Джейн принялась искать что-то по карманам своего черного жакета. Судя по всему, поиски ни к чему не привели, потому что проститутка фыркнула и рассмеялась.

— Ну и черт с тобой! — громко сказала она. Голос у нее был хриловатый и мелодичный, точно у блюзовой певицы. Келли бросила копаться в карманах и громко постучала в стекло ближайшего к двери окна.

— Мэри Энн! Мэри Энн! Это я, Мэри Джейн! Спишь ты там, что ли?

Ответа не было, но женщина не унималась и продолжала стучать. Наконец, в глубине окна вспыхнул тусклый огонек свечи, который неспешно приблизился, и на проститутку сквозь грязное стекло уставилась заспанная худая женщина.

— Мэри Джейн? — зевнула она. — Ты чего тарабанишь? Опять ключ потеряла? Который час?

— Еще рано, чтобы отдыхать! — расхохоталась ее соседка. — Слушай, Мэри Энн, открой мне двери, а? А потом спи, сколько влезет. А я спать не буду, не бу-уду... — протянула она. — Сейчас ко мне придет один джентльмен, страсть какой обходительный. Хотела прийти вместе с ним, но он уверил меня, что знает этот адресок и заглянет ко мне на огонек сам. А я пока спую. Ты же любишь, когда я пою, Мэри Энн?

— Ох, только не среди ночи! — еще раз душераздирающе зевнула Мэри Энн и поплелась со свечой вглубь комнаты. Через минуту лязгнул замок входной двери. Мэри Келли быстро юркнула внутрь. Немного погодя засветилось другое окно, и компаньоны услышали, как женщина поет.

Картины детства моего встают передо мной,

И дни счастливые я часто вспоминаю,

Когда бродил в полях я беззаботный и босой,

Не ведая о том, что вскоре потеряю.

Я потерял свой дом, отца и мать,

Сестру и брата моего давно уж в землю опустили,

Но буду я всегда носить с собой

Фиалку, что росла на маминой могиле...

Фараон и Варфоломей молча слушали пение. И когда повар уже окончательно решил плюнуть на всю конспирацию, выйти из сумрака и просто постучать Мэри Келли в окно — в переулке снова послышались шаги. Теперь по булыжникам топали сразу две пары ног, одна из которых точно принадлежала мужчине: уверенная походка человека, знающего себе цену. В эти шаги вплеталась дробь женских каблучков.

— Куда ты меня ведешь, красавчик? Что это за жуть вокруг? Ты же не хочешь сделать ничего плохого с честной девушкой, ха-ха-ха! — визгливый смех заметался по переулку.

— Успокойся, Дженни... Ведь ты же Дженни, верно? — мужской голос, приятный баритон, звучал уверенно и снисходительно. — Конечно же, я не сделаю тебе ничего

плохого. Сейчас мы зайдем в гости к моей подруге, и там как следует выпьем и повеселимся втроем. Как насчет стаканчика прекрасного портвейна? Это не та дрянь, что подают в местных распивочных!

— О, красавчик, да ты с фантазией! — снова захихикала женщина. — Знаешь, как уговорить девушку! А вот, знаешь ли, как ублажить? М-м-м, вкусно как... Что ты мне такое дал, напомни-ка? В жизни такого не ела!

— Даже не сомневайся, милая, ублажу, — отозвался мужчина, и недобрая насмешка в его голосе прозвучала так явственно, что у Фараона встали дыбом волоски на предплечьях. — Это банан. Даже не спрашивай, каким чудом мне удалось его добыть. В Англии они не растут, а привезти его из наших заморских колоний — не пара пустяков.

— Ты такой богатый! А что делать с кожей? Ее едят?

— Выброси, — в мужском голосе проскользнула брезгливость. Шлепок банановой кожуры о камни, потом пара шагнула из темноты на освещенный луной пяточок, и повар с валлийцем наконец-то увидели лицо чудовища.

Очень приятное, внушающее доверие и уважение лицо. Ухоженные, тщательно подстриженные бакенбарды. Прическу не оценить, она спрятана под шикарным шелковым цилиндром, явно не из дешевых. Но даже так можно не сомневаться, что над головой Уолтера Сикерта работал не какой-нибудь уайтчепелский цирюльник, а дорогой мастер своего дела, из тех, что стригут самую взыскательную публику.

Чуть крючковатый нос, красиво вылепленный подбородок, губы, четко очерченные и капризно поджатые. Аристократ. Плоть от плоти и кровь от крови Британии, которая «правит морями».

Дьявол, убивающий женщин.

Сикерт был одет в удобную дорожную крылатку: вообще-то не самая подходящая верхняя одежда для городского джентльмена. Зато очень удобная для того дела, которым он собирался заняться в скором времени. Крылатка поблескивала, но не от капель дождя, а потому что материя выглядела будто бы прорезиненной. «Ах ты, гад», — отстраненно подумал Варфоломей.

— Хи-хи, когда мы уже придем? — проститутка снова захихикала и тут же взвизгнула. — Ой, кто это?!

Варфоломей

— Так что, миста-ар, маленько надо бы подзадержаться... — развязно сказал повар, вышагнув из-за угла. Он говорил с пришепетыванием, небрежно цыкая зубом: в точности как местные бандюганы, всю жизнь промышлявшие в этих местах, родившиеся в здешних подвалах. — Подсоли-ка хлебово, богатей, а то без соли нам невкусно, а соль ныне дорогая...

— Что нужно? — отрывисто спросил Сикерт. Фараон и Вар — оба про себя отметили, что художник неплохо держится; встревожен, но не напуган, мужик не рохля, могут быть проблемы.

— Тебя, — так же коротко отозвался повар. — Хватит уже резать кого попало. Давай, со мной попробуй.

— Что он такое говорит, дорогуша? — пискнула проститутка, вмиг растерявшая всю свою веселость. Осталась просто напуганная и замерзшая женщина, которая еще минуту назад предвкушала теплую комнату, стаканчик джина и неплохой заработок... и которую вдруг схватили за горло. Сикерт, оскалившись, стиснул худую шею «доллимоп» рукой в

перчатке, прижал к себе, уронил саквояж на камни, потянулся второй рукой куда-то в карман крылатки. Похоже, за опасной бритвой, или что там предпочитает Джек Потрошитель в это время суток?

— Ну выпотроши ее, — скучающе сказал Варфоломей, — давай-давай, не стесняйся. Одной потаскухой меньше... Только ты ведь не этого хочешь, правда? Так никакого удовольствия.

И тут все испортил Фараон. Валлиец, который до этого момента оставался невидимым, притаившись в тени, внезапно прыгнул на Сикерта сбоку — чтобы ударить в висок и разом закончить дело. Но, похоже, цепь неприятностей, которая тянулась за компаньонами уже несколько дней, еще не закончилась. Уолтеру Сикерту словно бы сам черт ворожил. Подошва ботинка Фараона попала как раз на ту самую злосчастную банановую кожуру, которую выкинула долли. Нога поехала, точно по луже разлитого масла, валлиец взмахнул руками, пытаясь удержаться, не сумел, и уже в полете со всего маху врезался затылком в кирпичный выступ, так что треск прошел по всему переулку.

Уолтер Сикерт дернулся, невольно ослабил хватку на шее проститутки, и та, рванувшись, освободилась, кинулась за спину Варфоломею, вцепилась в его рукав будто клещами.

— Не повезло... — шутовски развел руками художник, он же убийца. И снова повар отметил странность: никакого испуга, только нервное возбуждение и безумие в широко распахнутых глазах. «Твою мать, Бриан!» — со злостью подумал он, матеря про себя инициативного Фараона.

— Вали отсюда, долли, — хрипло сказал повар проститутке, которая всхлипывала сзади. Не глядя, сунул руку в карман жилета, достал оттуда пару монет. — Держи. И ротик на замок, поняла? Не зови пилеров, я тут сам разберусь...

Каблуки простучали по мокрым бульжникам. И снова тишина. Варфоломей смотрел, как дьявол во плоти сунул руку в докторский саквояж. Ампутационный нож блестел в лунном свете. Нехорошо так блестел. Жадно.

— Потанцуем? — осведомился повар. И — еле увернулся от умелого режущего удара, нацеленного в горло. Потом еще и еще. Варфоломей успел удивиться, где такому учат живописцев, а потом ему стало уже не до размышлений. Он уклонялся, парировал удары и сам бил в ответ, не отрываясь зрачками от сумасшедшего взгляда и успевая периферийным зрением фиксировать движения чужих рук, ног и ножа. В один миг он почувствовал, как резкая боль обожгла ребра — похоже, пропустил, но несерьезно.

И все-таки это не могло продолжаться бесконечно. В очередной раз отбив обухом сантоку летевшее в лицо острие хирургического ножа, Вар изловчился и провел удэ-хисиги, жестоко выкрутив локоть Сикерта. Тот глухо заорал от боли, нож зазвенел по бульжникам. Удар кулаком в голову, пинок по голени — и Джек Потрошитель распластался на земле, ошеломленно ворочаясь, будто огромный черный краб.

— С-скотина! — прошипел Варфоломей и примерился к шее маньяка, готовясь ее сломать. — Легко уйдешь...

Мир замер. Капля дождя чиркнула по щеке повара и неподвижно повисла, будто на фотографии.

— Не усложняйте, — сказал кто-то сзади. Варфоломей попробовал пошевелиться, но руки, лежащие на шее Сикерта, оставались непослушными. Легкие шаги прошелестели рядом, и повар увидел знакомое смуглое лицо, фрак, надетый прямо на голое тело, а ниже —

потерты, когда-то синие джинсы.

— И снова здравствуйте, — отозвался он. Удивления не было, только злость и досада.

— Знаете, я, пожалуй, у вас заберу этот любопытный экземпляр. По приказу Катрины.

— Ты охренел, что ли? — возмутился повар, скрипя зубами и пытаясь подчинить себе руки. — А еще чего дать?

— Боюсь, что это неизбежно, — развел руками смуглый. — Могу только заверить, что здесь он больше никому не причинит вреда. И вообще больше не появится.

— И все? — Вар уже кричал в голос. — Ты его заберешь, и он станет твоей личной игрушкой, что ли?! А те, кого он убил?!

— Смерть — процесс неизбежный, — скучающе улыбнулся смуглый. — Тут не о чем говорить.

Он схватил Сикерта за ворот крылатки и не спеша потащил за собой — легко, будто художник ничего не весил. Варфоломей в отчаянии пустил в худую спину, обтянутую фраком, многоэтажный моряцкий загиб отборных матюгов.

И вдруг... Повар почувствовал, что безжизненные и мертвые колоды, прикрепленные к его плечам, снова превратились в обычные руки. Он пошарил взглядом вокруг себя и увидел на мостовой что-то, блеснувшее металлом.

Это был «уэбли», вылетевший из руки до сих пор не очнувшегося Фараона. Думать и прикидывать было некогда. Вар просто подхватил увесистый револьвер, вскинул его, целясь в Сикерта и несколько раз нажал на спусковой крючок. Смуглый, что-то почувствовав, резко обернулся и вскинул руку, но не успел. Четыре пули попали в грудь художника — легли кучно, выбивая фонтанчики крови, ни одна не прошла мимо. Повар усмехнулся и процитировал стихи поэта Беллока.

На все вопросы ваши такой дадим ответ:

У нас «максимов» много, — у вас «максимов» нет!

Опустил дымящийся револьвер. И тут же страшный удар вышиб из легких воздух, лопатки проехали по твердому камню, и сверху, загородив луну, нависло искаженное яростью лицо с оскаленными иглами белоснежных зубов.

— Ты что натворил, щенок?

Смуглый замахнулся на Варфоломея рукой со стремительно удлиняющимися когтями. И — застыл в неудобной скособоченной позе, услышав негромкое:

— Как интересно.

Катрина опустилась на корточки рядом с Варфоломеем, ловко подобрав пышные юбки. Заметила укоризненно:

— Тебя, милый, вообще нельзя оставить надолго. Ты опять во что-то впутался.

Потом она повернула голову и смуглый стремительно побледнел, втягивая когти и становясь как-то меньше ростом.

— Расскажи-ка мне, Жан-Пьер, когда я успела отдать такой приказ?

— Прости, госпожа...

— Убирайся. После поговорим.

Человек во фраке исчез, как и не было его. Синьорита Катрина вздохнула сокрушенно и пожалала плечами. Потом сделала какое-то сложное движение пальцами левой руки, и труп Сикерта загорелся — ярким, бездымным пламенем. Это пламя было холодным, от него не веяло жаром, но тело художника начало с шипением таять, будто было сделано из грязного снега. Немного спустя на бульжной мостовой остался лежать только шелковый цилиндр,

откатившийся к стене дома.

— А кто же теперь напишет картину «Убийство в Кэмден-Тауне»? — возмутился Варфоломей, потом со стоном приподнялся и сел. Ощущение было такое, словно его переехал грузовик, из которого потом, вдобавок, выпало здоровенное бревно и угодило повару точно в грудь.

Фараон и Вар

— Что за... — хриплый голос Фараона был полон недоумения. Валлиец, шатаясь, поднялся, и ощупал затылок. Посмотрел на пальцы. В лунном свете кровь казалась черной.

— *Y una rolla!* — с чувством произнес он почему-то по-испански. Катрина с интересом посмотрела на него.

— Сейчас пройдет, — сказала она. И вдруг села прямо на колени ошеломленному Варфоломею, ткнулась макушкой ему в подбородок, пробормотала:

— Вот я дура... Обязательно было надо до такого довести... Прости меня, ладно? — она погладила его по саднившему боку, и боль мгновенно исчезла.

— Да ничего, — пожал плечами повар, аккуратно обнимая девушку и вдыхая невероятно прекрасный запах ее волос — что-то цветочное и одновременно горьковатое. — И не такое бывало. Хотя вру, конечно. Такого точно не бывало. Слушай, а может ты мне дашь подняться? Сидеть на холодных и мокрых булыжниках — такое себе удовольствие.

Катрина ойкнула, резво вскочила с коленей повара. Он встал на ноги и вдруг понял, что ему все это время казалось странным. Нашумели они во время драки изрядно, а револьверные выстрелы и вовсе должны были перебудить весь квартал. Но окна в домах оставались темными, никто не высовывался и не выбегал на улицу, чтобы посмотреть, что творится.

— Чудеса, — резюмировал Вар и повернулся к приятелю, — ты идти можешь?

— Вполне, — равнодушно сказал Фараон. — Только револьвер найду.

— Он у меня.

— Тогда пошли.

Когда импровизированный отряд добрался до дверей паба «Смутная Бесс», дождь совсем кончился, и с реки подул ветер. Желтоватый лондонский смог, недовольно колеблясь, начал понемногу рассеиваться — надолго ли?

Катрина вошла в паб первой и оглянулась, потряхивая влажными волосами. Никакой шляпки девушка не носила, поэтому она тут же подошла к горящему камину и принялась вертеться в опасной близости от языков пламени, руками встряхивая пышную гриву черных волос. Мануанус Инферналис остолбенело смотрел на нее с каминной полки.

— Э... У... Ы... Кра! — прокаркал он, пытаясь что-то сказать. Катрина удостоила его царственным взглядом и улыбнулась:

— Привет, чучело.

— Кхррр... — монстр поглубже заполз в свое тряпичное гнездо и притворился ветошью, выпучив один глаз и подсматривая сквозь обрывки ткани.

Фараон и Вар переоделись в сухое. Повар предложил Катрине плед, но она отказалась. Впрочем, он подозревал, что это существо, по какой-то прихоти предпочитающее облик юной красавицы, будет комфортно себя чувствовать даже в открытом космосе. Поэтому настаивать не стал.

Они выпили виски. Потом выпили еще. Прикончили одну бутылку и Фараон с ловкостью фокусника извлек вторую, а потом третью. Катрина предпочла односолодовому текилу «Дон Хулио» («Откуда она у нас?») — безуспешно допытывался Фараон у Варфоломея. «Я тебя хотел спросить!» — пожимал плечами повар.)

— Зачем мы здесь? — мрачно спросил Варфоломей Катрину, которая забавлялась тем, что метала ножи и вилки в мишень для дартс. Ножи звенели и постепенно превращались в какой-то сложный вензель. — Ну вот зачем, а?

Барышня покосилась на него, но ничего не ответила, продолжая отправлять столовые приборы в цель с точностью и невозмутимостью боевого автомата.

— Мотаемся туда-сюда... — горько продолжал повар, разглядывая на свет стопку с виски. — Ищем то — не пойми, что. Убиваем плохих людей и собираем сувениры. А-балден-но! — резюмировал он. Потом спохватился: — Ах, да! Меняем ход истории, но это как раз нормально и неинтересно. Интереснее другое...

Он не успел договорить, потому что в это время из кухни в зал паба зашел кот. Здоровенный черный котятра с лоснящимся густым мехом. Кот чувствовал себя уверенно. По-хозяйски преодолел расстояние от кухонной двери до камина, так же по-хозяйски ткнулся ушастой головой, размером с изрядную суповую миску, в ногу Катрины.

— Когда он успел так вырасти? — недоуменно спросил повар у своего компаньона. Тот пожал плечами.

— Ой! Кто это? — восхитилась девушка.

— Кот, — сказал Варфоломей, чувствуя себя идиотом.

— Я вижу, что кот! — возмутилась Катрина. — Как его зовут?

— Да черт его знает! — хором сказали друзья. Потом Бриан пояснил:

— Мы ему так и не успели имя дать. Кот и Кот. Живет себе. Вон, может Мануанус знает...

Все посмотрели на щетинистого монстра, который сделал вид, что превратился в гнезде

В мумию, обмотанную тряпками.

— Ну? — грозно прищурившись, спросила Катрина, уперев кулачки в бока.

— Коть! — неохотно отозвался Инферналис. Подумал и уточнил:

— Коть сыть!

— Ясно с вами все, — Катрина присела на корточки и протянула коту руки. Мохнатый зверь затарахтел как тракторный двигатель и тут же с довольным видом забрался в кольцо уютных и таких мягких женских рук. Устроился там, будто так и надо. Сеньорита Катрина выпрямилась и посмотрела на компаньонов восторженным взглядом.

— Откуда такое чудо?

— С «Титаника», — отозвался валлиец. — Вместе с нами спасался.

— Правда? Прямо с самого «Титаника»? — Катрина ненадолго замерла, словно бы сканируя кота острым, пристальным взглядом. Расслабилась и рассмеялась.

— Я нашла! — выдохнула она. — Вот он!

У Варфоломея отвисла челюсть.

— Это что... ты это... кота все это время искала? — кое-как справившись с лицевой мускулатурой, спросил он ошарашенно.

— Кота! — со счастливой улыбкой подтвердило грозное божество.

— М-да...

Катрина подошла к Варфоломею и положила руку ему на грудь.

— Освобождаю тебя от служения... — начала было она, но тут повар положил на ее узкую кисть свою мозолистую ладонь.

— Оставь. Мне татуха нравится. Привык.

— Ладно, — на удивление покладисто согласилась барышня.

— Ты лучше скажи, — повар замялся, — что нам дальше делать-то?

— Дальше? — удивилась Катрина. — А что хотите, то и делайте. Хотите, отправляйтесь домой.

— Вот так просто?

— Вот так просто.

— Надо посоветоваться, — вздохнул Вари и посмотрел на валлийца. Тот привычно пожал плечами.

— А если... — воодушевленно начал было он, и вдруг осекся, глядя на каминную полку. Варфоломей, а вслед за ним и Катрина с котом на руках, тоже повернули головы и посмотрели в ту сторону.

Мануанус Инферналис вылез из тряпок и стоял в полный рост, вытянув тощую шею и напряженно к чему-то принюхиваясь. Щетинистый хобот подрагивал, втягивая воздух, уши вибрировали.

— Эй, ты чего? — растерялся Фараон.

— Тихь! — прошипел Инферналис, подняв вверх лапу с растопыренными пальцами. — Тихь!

Он принюхался еще раз и упавшим голосом пробормотал:

— Неть. Не может быть.

Дверь винного погреба распахнулась. Во тьме что-то шевелилось. Валлиец выдернул из кобуры револьвер и прищурился выжидательно. Что-то заскреблось, какой-то розовый пушистый комок выкатился из двери в зал паба и душераздирающие рыдания разнеслись по залу. Потрепанные лакированные босоножки барабанили по полу, истрепанный кружевной

бант, перемазанный в соплях и помаде, болтался на хоботе.

— И-и-и-и... — надрывно тянуло розовое нечто. Мануанус Инферналис поднял дрожащие лапы к потолку и прошипел что-то невыразимо богохульное, глядя вверх.

— Плять! — возопил он горестно. Розовое страшилище, залитое слезами, кинулось к нам и запищало радостно:

— Плять! Бежать! Звать! Хватать! Искать!

— Как у вас тут интересно, мальчики, — медовым голосом пропела Катрина, незаметно отступая с котом на руках в темный угол паба. — Но я, пожалуй, все-таки побегу. Дела, простите... — и она исчезла прежде, чем Варфоломей успел открыть рот.

«Дубовый Лист», он же «Смуглая Бесс» содрогнулся всем своим кирпичным и деревянным телом. Золотой викторианский софит упал с полки, покатился и провалился в щель между досками.

— Куда теперь? — со вздохом спросил валлиец, ни к кому конкретно не обращаясь. Повар выдернул из мишени серебряную вилку и задумчиво показал чеканным черенком на Мануануса, грозно нависающего над рыдающей родственницей.

— По-моему, кто-то хочет нам что-то предложить, — сказал он. Рыдания на секунду прервались, но потом продолжились с новой силой.

Мануанус вразвалку подошел к приятелям. Вид у него был ошалелый и всклокоченный.

— Умь неть. Жить здесь... — грустно сказал он.

— Да и у нас, похоже, его не больше, — успокоил домашнего монстра повар. — Иначе бежали бы уже отсюда. Кстати, ее бы помыть, подруженцию твою. Страшная, как... как...

Он не подобрал эпитета и неопределенно покрутил рукой. Мануанус мрачно поглядел на него и фыркнул.

— Поздно бежать, — сказал валлиец, глядя в окно. Вокруг него стремительно менялся паб. Варфоломей закрыл лицо руками и промычал что-то невнятное.

В наступившей тишине «Дубовый Лист» еще раз встряхнулся всеми своими сочленениями, протрещал-проурчал ими, точно огромный кот. И замер.

Скрипнула входная дверь. Удивленный женский голос спросил недоверчиво:

— Одзямасимас... Гомэнкудасай?

— Ирассяимасэ... — машинально и очень вежливо отозвался Вар, поправляя поварскую куртку-хаори. «Вот круг и замкнулся, — подумал он, усмехнувшись. — Ну что ж. Хотя бы сантоку здесь никого не удивят».

КОНЕЦ